

Академия управления МВД России

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Сборник научных трудов по материалам
международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
профессора Г. А. Аванесова
(Москва, 27 сентября 2024 г.)*

Часть 2

**Москва
2024**

УДК 343.21
ББК 67.408
У26

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты: *Чистотина О. Н.*, кандидат педагогических наук (Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя; *Флоря Д. Ф.*, кандидат юридических наук, доцент (Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова).

У26

Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г. А. Аванесова : в 2 ч. / под общ. ред. А. В. Победкина. – Москва : Академия управления МВД России, 2024. Ч. 2. – 320 с.

ISBN 978-5-907721-47-0

В сборнике представлены научные статьи, посвященные актуальным вопросам уголовной политики, а также проблемам ее реализации в деятельности правоохранительных органов.

Сборник предназначен для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, докторантов, соискателей, магистрантов и слушателей Академии управления МВД России и других образовательных и научных организаций, а также практических работников правоприменительных органов.

Издается в авторской редакции.

УДК 343.21
ББК 67.408

ISBN 978-5-907721-47-0

© Академия управления МВД России, 2024

Содержание

Яковлева Л. В. Тенденции уголовной политики России: ретроспектива и современность	7
Аносова Е. Р., Аносов А. В. Формирование антикоррупционного поведения на уроках литературы в старших классах средней школы	15
Афанасьев Д. И. Совершенствование оперативно-розыскной политики в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	22
Ачитуева Ю. В. Оперативно-розыскное противодействие наркопреступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий.	27
Блажкова Т. О. К вопросу о переходе прав умершего потерпевшего к его близким родственникам, близким лицам, родственникам	33
Бобровская М. В. К вопросу о криминологической характеристике преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности	37
Будко Д. В. Условия интеграции технологий искусственного интеллекта сквозь призму риск-ориентированного подхода	43
Булгаков С. С. Особенности осуществления оперативно-розыскной деятельности в киберпространстве: постановка проблемы	51
Ванеева М. А. Особенности причинного комплекса преступности иностранцев мигрантов на территории России в современных условиях	57
Глушенко С. Н., Димидов Д. С. Актуальные проблемы противодействия коррупции в условиях проведения специальной военной операции	63
Григорьева М. Л. Соотношение понятий качества и эффективности уголовного процесса	71
Гузь М. Е. Эволюция оперативно-правовой деятельности и ключевые векторы ее развития.	75

Дзюба М. А. Проблемы обеспечения криминологической безопасности в общеобразовательной среде.	81
Довлатов А. Н. Общественная опасность преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией, в условиях цифровизации экономических отношений.	86
Егоров А. А. Особенности документирования хищений с использованием банковских платежных карт	92
Жалсанов М. К. Цифровизация и экономическая безопасность: международные вызовы и механизмы противодействия.	100
Зайцев А. В. К вопросу о современном понимании религиозного экстремизма в Российской Федерации: постановка проблемы. . . .	106
Зюзина А. В. Основные направления реализации оперативно-розыскной политики в российском государстве	116
Ильяшенко Е. А. Уголовно-правовой запрет заведомо ложного сообщения об акте терроризма как средство обеспечения национальной безопасности	125
Исаева А. Д. Институт семьи как объект уголовно-правовой охраны	130
Киселева А. А. О совмещении процессуальных статусов в свете решения Конституционного Суда Российской Федерации .	134
Кудря А. Д. Унитарный подход к ОРД: катализатор эволюции оперативно-розыскной политики	142
Кур И. Н. Целесообразность совершенствования уголовно-правовых механизмов охраны оборота персональных данных и компьютерной информации.	151
Маллекер Д. И. Проблемы предупреждения вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотиков в условиях развития цифровизации: практический аспект.	157
Маркова Е. А. Проблемные аспекты освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа по уголовным делам в сфере исполнения законодательства по репатриации иностранной валюты или валюты Российской Федерации	169

Марсаков И. С. Особенности оперативно-розыскной политики в эпоху применения искусственного интеллекта в борьбе с преступлениями экономической и коррупционной направленности, совершаемыми в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.	175
Мордвинков С. Ю. Проблемные вопросы реализации оперативно-розыскной политики в сфере борьбы с незаконными химическими лабораториями по производству наркотиков	188
Мотев Е. А. Обеспечение безопасности цифровой экономики как одно из направлений реализации уголовной политики	197
Мусаев М. М. Незаконный оборот оружия с использованием сети Интернет: постановка проблемы	204
Мухторов Я. А. Пределы доказывания: понятие, сущность и значение.	209
Назаров К. П. Меры виктимологической профилактики, осуществляемой органами внутренних дел	218
Намсараев А. Ч. Борьба органов внутренних дел с кражами из жилищ в контексте реализации оперативно-розыскной политики.	224
Небогатикова Е. И. Методы прогнозирования преступности натурализованных граждан	229
Никитин К. И. Мотивация преступного поведения коллекторов	237
Носова О. В. Актуальные вопросы в организации антинаркотической деятельности на региональном уровне	243
Носова О. В. К вопросу об источниках оперативной информации о незаконном производстве наркотических средств и психотропных веществ.	256
Нуманов Х. И. Миграционная ситуация в России	265
Попова Е. В. К вопросу об отдельных проблемах получения и последующего использования электронных видов доказательств при расследовании преступлений в инвестиционной сфере.	270
Реброва В. С. К вопросу о сроке производства дознания в сокращенной форме.	277

Синекин А. А. Понятие и значение принципов права	281
Советова М. В. О понятии и круге преступлений, составляющих реабилитацию нацизма.	285
Тарабрина К. С. Виктимное поведение несовершеннолетних в цифровом пространстве	291
Ткаченко А. А. Правовые основы ведомственного контроля антикоррупционной деятельности ОВД	298
Тучков Я. В. Цифровизация уголовного судопроизводства с учетом реализации положений Указа Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»	304
Фурлет Я. П. Новые подходы к проведению оперативно-розыскных мероприятий органами внутренних дел. . .	311
Эшонов Д. А. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере противодействия преступлениям, посягающим на безопасность государства: современное состояние и перспективы развития	315

Яковлева Лариса Владимировна,
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра № 5
по исследованию проблем расследования преступлений,
Всероссийский научно-исследовательский институт
МВД России
E-mail: larisa_yakovlieva.99@mail.ru

УДК 343.01

Тенденции уголовной политики России: ретроспектива и современность

Аннотация. Борьба с преступностью является необъемлемой составляющей общей политики государства. На протяжении всего периода существования Российской Федерации научное сообщество выступает за принятие документа стратегического планирования – концепции или стратегии – противодействия преступности. Однако такого рода документ был утвержден лишь однажды в качестве Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы на 1994-1995 гг. Впоследствии направления развития уголовной политики России предусматривались в рамках стратегий национальной безопасности. В качестве одной из причин отсутствия единого долговременного плана борьбы с преступности (концепции уголовной политики) может выступать разброс мнений по основным вопросам уголовной политики, касающимся ее понятия, содержания и пр.

Ключевые слова: уголовная политика; тенденции уголовной политики; концепция уголовной политики; программа борьбы с преступностью; уголовное законодательство.

Под тенденциями уголовной политики понимаются направления (векторы) ее развития в определенный временной период. Для их выявления в первую очередь следует установить, что вкладывается в понятие «уголовная политика».

Вопросы, связанные с уголовной политикой, уже более века являются предметом научных разработок. Исследование «уголовной политики» как правового явления, определение ее содержания,

способов (форм) реализации и пр. можно образно сравнить с тлеющим костром, который то затухает, то разгорается с новой силой. Несколько лет назад активно обсуждался вопрос о необходимости принятия соответствующей концепции, многими учеными отстаивалась позиция, согласно которой уголовная политика обязательно должна быть определенным образом сформулирована и текстуально оформлена. И в настоящее время в отдельных работах встречается такое предложение.

Внимание именно ученых к проблемам уголовной политики оправдано, ведь и изучение феномена «уголовной политики» относится к области теории. Для практической деятельности, несомненно, важно, чтобы она осуществлялась в соответствии с определенными концептуальными разработками, воплощаемыми впоследствии в законодательстве. Однако в большей степени правоприменение заинтересовано в тщательно проработанном механизме реализации соответствующих предписаний, а также в материально-техническом обеспечении предполагаемых (планируемых) мероприятий.

Вместе с тем нельзя не отметить, что, даже если в перспективе уголовная политика будет закреплена в качестве конкретного документа (концепции), он все равно будет носить рамочный характер и воспроизводить положения Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) и иных политико-правовых документов стратегического планирования. Обновляться такой документ должен будет регулярно, чтобы гибко реагировать на изменение объективных обстоятельств, влияющих на политику государства в целом, и на уголовную политику как ее часть. Необходимость такой корректировки обусловлена определяемыми в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации направлениями внутренней и внешней политики страны, а также вытекает из требования внесения изменений каждые 6 лет в один из базовых для уголовной политики документов – в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации¹.

Однако на современном этапе развития научных представлений об уголовной политике вряд ли получится создать ее концепцию, поскольку спор между учеными начинается уже с вопроса о том, что она должна включать в себя: только специальные меры противодействия преступности, осуществляемые способами и методами уголовного права (собственно уголовно-правовая политика, или уголовная

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.

политика в «узком» смысле) или рассматриваться как государственная политика в области борьбы с преступностью (уголовная политика в «широком» смысле). Некоторые исследователи относят к уголовной политике в «узком» смысле также и уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную политику, криминологию.

Тем не менее, такое различие взглядов на уголовную политику не означает, что кто-то из авторов неверно ее понимает. Напротив, это свидетельствует о многозначности (полисемантизме) данного правового явления. В качестве иллюстрации к подобной полисемантической трактовке рассматриваемого понятия можно привести мнение В.Ф. Цепелева, полагающего, что «уголовная политика понимается и, естественно, является одновременно, во-первых, уголовной политикой в собственном смысле слова, т. е. непосредственной политической деятельностью, во-вторых, практической деятельностью по борьбе с преступностью, т. е. практической политикой, в-третьих, отраслью научного знания комплексного содержания» [1, с. 17].

Вместе с тем представляется неверным именовать уголовно-правовую политику уголовной политикой в «узком» смысле, поскольку в этом случае придется признать наличие нескольких уголовных политик в «узком» смысле – это и уголовно-процессуальная, и уголовно-исполнительная и т.д. Логичнее рассматривать как уголовную политику (без добавления «в “широком” смысле») деятельность государства, направленную на разработку стратегических основ противодействия преступности, одним из видов которой является уголовно-правовая политика, в рамках которой непосредственно решаются задачи борьбы с преступностью уголовно-правовыми средствами [2, с. 27].

И уголовная политика, и ее виды реализуются на нескольких уровнях – доктринальном, правотворческом и правоприменительном. Каждому из этих уровней присущи свои способы и методы постановки и разрешения стоящих перед ними задач и достижения общих целей – «защиты личности, общества и государства от преступных посягательств, снижения уровня преступности, включая предупредительную деятельность и наказание преступников» [3, с. 298].

Общность в определении целей уголовной политики прослеживается практически во всех работах, в которых тем или иным образом затрагиваются какие-либо аспекты уголовной политики. Основа такого подхода была заложена еще в первых трудах отечественных криминалистов по данной проблеме. В начале прошлого века П.П. Пусторослев определял уголовно-правовую политику как «учение о том, каким образом нужно строить уголовное право,

чтобы сделать его целесообразным средством борьбы против преступлений и преступников и при том сообразным с современными ему потребностями и условиями народной жизни» [4, с. 19]. В этом суждении отражены обстоятельства, существенным образом влияющие на уголовную политику – это характеристика общества и его экономическая составляющая.

Позднее Б.В. Волженкин писал: «Основным фактором, вызывающим радикальные изменения в уголовном законе, являются перемены, происходящие в социально-экономическом облике общества. Следствием этих перемен могут быть не только криминализация либо декриминализация соответствующих деяний, но и модификация основных принципов уголовно правового регулирования и решаемых им задач..., изменение уголовной политики государства, ее целей, принципов, методов реализации» [5, с. 371].

Изменения в направлениях развития уголовной политики России можно проследить с помощью анализа положений документов долгосрочного планирования государства в сфере противодействия преступности. При этом только первый из этих документов был полностью посвящен непосредственно данному вопросу. В Федеральной программе Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994 - 1995 годы отмечалось, что двукратное увеличение уровня преступности к 1994 г. по сравнению с 1991 г. стало существенным фактором на пути проведения социальной реформы и одновременно привело к обеспокоенности граждан за свою жизнь и благополучие, породив недоверие к государственной политике в целом.

Программа включала широкий спектр мероприятия – от разработки и принятия кодексов обновленной России (в число которых входил Уголовный кодекс) и значительного числа федеральных законов, до мер по усилению борьбы с конкретными преступлениями (корыстно-насильственной направленности, посягательствами на общественный порядок, сферу экономики и пр.), а также с различными организованными формами преступности¹.

В последующих документах стратегического планирования проблема борьбы с преступностью рассматривалась в рамках более общей проблемы обеспечения национальной безопасности. Первый такой документ назывался концепцией, последующие стали именоваться стратегиями. В каждом из них дана краткая характеристика

¹ О неотложных мерах по реализации Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994 - 1995 годы: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 24.05.1994 № 1016 (ред. от 23.07.2001) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 5. Ст. 403.

общества на момент принятия соответствующего акта. В Концепции 1997 г. отмечалось, что на национальной безопасности негативно сказывается «состояние отечественной экономики, несовершенство системы организации государственной власти и гражданского общества, социально - политическая поляризация российского общества и криминализация общественных отношений, рост организованной преступности и увеличение масштабов терроризма, обострение международных и осложнение международных отношений».

Среди задач борьбы с преступностью обращалось внимание на детерминанты преступности, на необходимость их выявления и предупреждение. Наиболее опасными на тот момент представлялась организованная преступность, терроризм и коррупция, в связи с чем предполагалось усиление противодействия именно этим криминальным проявлениям, в том числе путем различных мероприятий организационного характера. Отдельно упоминался наркобизнес, контрабанда, экстремизм¹.

Спустя 12 лет, в 2009 г. принимается следующий документ, в котором отмечаются положительные сдвиги во внутренней и внешнеполитической жизни государства. К основным успехам в нем отнесено преодоление последствий «политического и социально-экономического кризиса конца XX века» и связанных с ним негативных явлений. Развитие международных отношений планировалось осуществлять с учетом процесса глобализации².

По сравнению с предыдущим в этом документе значительно расширен перечень угроз национальной безопасности в криминальной сфере, в качестве вызывающих особую обеспокоенность названы уровни коррумпированности и криминализации общественных отношений.

В третьем программном документе, Стратегии национальной безопасности, утвержденной в 2015 г., констатируется, что уже «создана устойчивая основа для дальнейшего наращивания экономического, политического, военного и духовного потенциалов Российской Федерации, повышения ее роли в формирующемся полицентричном мире»³.

¹ Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 17.12.1997 № 1300 (ред. от 10.01.2000) // Рос. газ. 1997. 26 дек. № 247.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444.

³ Утверждена Указом Президента Рос. Федерации от 31.12.2015 № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

Одновременно перед государством возникают новые угрозы, связанные с использованием IT-технологий, незаконной миграцией, торговлей людьми и в целом с ростом транснациональной организованной преступности. При этом постепенно в каждом последующем документе перечень угроз государственной и общественной безопасности становится все больше, а направления обеспечения противодействия им все шире.

Принимавшиеся меры по реализации поставленных в данной Стратегии задач принесли свои плоды, в результате чего в пришедшей ей на смену новой, действующей в настоящее время Стратегии национальной безопасности обоснованно утверждается, что удалось укрепить суверенную государственность России, а на международной арене происходят изменения, ведущие к установлению нового миропорядка.

Укрепление законности объявляется национальным приоритетом. В сфере противодействия преступности значительное место отводится комплексу мер противодействия негативному влиянию извне, способному дестабилизировать обстановку внутри страны. Задачами уголовной политики государства названы развитие единой системы профилактики и реализация принципа неотвратимости наказания за совершение преступления¹.

Для успешной реализации масштабных задач, сформулированных в государственных документах, рассчитанных на длительную перспективу, следовало бы принимать целевые программы, предусматривающие мероприятия правотворческого и практического (организационного) характера. Этого не происходило, и в результате изменения уголовного законодательства осуществлялись в таких формах и такими способами, критику в отношении которых высказывали фактически все представители научного сообщества [6, с. 129; 7, с. 32]. На фоне многочисленных бессистемных дополнений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) логичными и комплексными выглядят нормы, включенные в него в связи с проходящей специальной военной операцией (далее – СВО).

Вместе с тем нельзя не упомянуть о недавнем казусе в законотворческой деятельности, когда в ином нормативном правовом акте были закреплены положения, подлежащие регулированию уголовным законодательством. Речь о Федеральном законе от 24.06.2023

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 02.07.2021. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

№ 270-ФЗ¹, в котором были предусмотрены основания освобождения от уголовной ответственности лиц, участвующих в СВО. Действовал этот закон несколько месяцев и утратил силу в марте 2024 г. Положения об освобождении таких лиц от уголовной ответственности или от наказания были перенесены в УК РФ (ст. ст. 762 УК РФ, 802 УК РФ)², чем был восстановлен порядок регламентации вопросов, относящихся к компетенции уголовного права.

Сложнее исправить недостатки УК РФ, возникающие в случаях, «когда изменения в уголовном законе являются результатом субъективных и нередко ошибочных представлений о возможностях уголовно правового регулирования и способах разрешения социальных проблем» [5, с. 371], а «законодатель накладывает уголовный запрет в области тех отношений, механизм регулирования которых еще не разработан в отраслевом и комплексном законодательстве» [8, с. 134]. В результате в УК РФ появляются запреты, избежать которых можно путем изменения регуляторного законодательства. Однако и иные отрасли права не всегда успевают адекватно реагировать на стремительно меняющиеся обстоятельства. В современном мире происходит так много событий и научных открытий, что правоведы порой с опозданием реагируют на них. Особенно это свойственно уголовной ответственности, ретроспективной по характеру. До тех пор, пока правонарушение не совершено, оно не может быть криминализовано. Предвосхищать события в уголовном праве нельзя, однако возможно с помощью научного прогнозирования пытаться просчитать риски, которые несет с собой, например, искусственный интеллект, новый миропорядок.

Список литературы:

1. Цепелев В. Ф. Современное содержание и структура уголовной политики // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 2 (22). С. 17-19.
2. Бородин С. В. Теоретические проблемы советской уголовной политики // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. Сб.науч.тр. М.: ИГПАН СССР. 1977. С. 24-36.

¹ Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: федер. закон Рос. Федерации от 24.06.2023 № 270-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 26. Ст. 4678.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 23.03.2024 № 64-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 13. Ст. 1687.

3. Пинкевич Т. В. Особенности Российской уголовной политики: структура и состояние // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № № 3 (35). С. 297-300.
4. Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Введение. Источники уголовного права. Преступление. Юрьев: Типография К. Маттисена. 1907. 546, VI с.
5. Волженкин Б. В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). С.-Пб: Юридический центр Пресс. 2008. 969 с.
6. Бытко Ю. И. Криминализация как важнейшая составляющая уголовной политики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (118). С. 127-135.
7. Номоконов В. Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1(15). С. 32-36.
8. Тюнин В. И., Радошнова Н. В. Содержание понятия «Уголовная политика» в советском и современном уголовном праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2 (54). С. 129-135.

Аносова Елена Рудольфовна,
учитель русского языка и литературы,
ГБОУ г. Москвы «Школа № 90
имени Героя Советского Союза Е. Г. Ларикова»

Аносов Александр Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России
E-mail: pdnrme@yandex.ru

УДК 343.9.01

Формирование антикоррупционного поведения на уроках литературы в старших классах средней школы

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования произведений классической русской литературы для изучения в средней школе в целях формирования антикоррупционного поведения обучаемых, выявления истоков возникновения и распространения данного негативного явления в обществе, уяснения опасности коррупционных проявлений и необходимости борьбы с ними.

Ключевые слова: коррупция; антикоррупционное поведение; противодействие коррупции; воспитание обучаемых; литература в школе.

Коррупция как негативное антисоциальное явление представляет собой проблему, которая затрагивает все слои населения и требует долговременной планомерной работы по ее нейтрализации. Возникшая со времен основания государства как политической формы устройства общества, коррупция продолжала существовать на всем протяжении его развития, видоизменяясь и подстраиваясь под новые социально-экономические, политические и правовые и иные условия развития общественной жизни [2, с. 114]. В свою очередь, противодействие коррупции как задача государственной службы также существует на протяжении многих веков, то раскрываясь в виде активной целенаправленной деятельности (в основном под влиянием воли субъектов высшей государственной власти), то затухая на фоне других проблем, стоящих перед государством и обществом.

В настоящее время в Российской Федерации продолжается активная деятельность по борьбе с коррупцией. С момента принятия Федерального закона «О противодействии коррупции» в 2008 году и разработки соответствующей Стратегии в 2010 году, осуществлен большой комплекс антикоррупционных мер, создана единая государственная система по нейтрализации причин и условий существования данного негативного явления, а также пресечения коррупционных правонарушений. Однако существующая реальность не позволяет сделать вывод о достаточности принятых мер и переломе криминогенной ситуации в данной сфере, поскольку коррупционная преступность имеет свойство самодетерминации и активно подстраивается под новые условия реализации полномочий должностными лицами, включая изменения в сфере экономики и активное развитие цифровых технологий. И не случайно в Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы предусмотрен ряд мероприятий, направленных на активное вовлечение всего населения в систему противодействия коррупции с использованием возможностей образовательных организаций в целях антикоррупционного просвещения. В частности, п. 35 указанного Плана предписывает министерству просвещения «продолжить работу по включению в федеральные государственные образовательные стандарты общего образования и среднего профессионального образования положений, предусматривающих формирование у обучающихся нетерпимого отношения к коррупционному поведению»¹. Одним из вариантов решения данной задачи является использование литературных произведений школьной программы как источника антикоррупционных идей и взглядов.

Тематика коррупции достаточно часто встречается в русской литературе, начиная от классики и заканчивая современной прозой, при этом она зачастую является не просто фоновым элементом, но и выступает ключевой проблемой, определяющей сюжет и характеры героев. Отечественные писатели, как зеркало общества, не могли обойти стороной данную тему, поскольку она непосредственно пронизывала все сферы жизни и оказывала негативное воздействие на систему отношений между людьми. Высмеивая человеческие пороки или показывая чиновничий произвол, мастера литературного слова особое внимание обращали на социальную опасность данного явления и рисовали картины беспросветной жизни обычного человека, вынужденного подчиняться установившимся прави-

¹ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478. URL: <https://base.garant.ru/402619978/>.

лам на фоне цветущего существования лиц, имеющих положение, власть или деньги.

Изучение русской литературы в старших классах средней школы позволяет охватить несколько проблем, связанных с формированием у обучающихся нетерпимого отношения к коррупции.

Прежде всего, учитель литературы, раскрывая коррупционную тематику в произведениях русских писателей, должен особое внимание обращать на социальную сторону данного негативного явления и способствовать формированию понимания коррупции как общесоциальной проблемы, имеющей исторические корни и прочно укоренившейся в русском обществе. В этом плане замечательное поле для обсуждения представляет творчество Николая Васильевича Гоголя, который, обращаясь к теме коррупции, не ограничивался простым обличением отдельных ошибок и промахов. В частности, в «Мертвых душах» Гоголь не случайно рассказывает о похождениях Чичикова до описываемых в поэме событий, упоминая такие факты, как его служба в казенной палате и в таможенном ведомстве, где герой, благодаря разработанному заранее плану, организовал целую систему получения взяток, основанную, как ни странно, на идее борьбы со взяточничеством: показав себя поначалу строгим и непреклонным борцом с мздоимством, Чичиков позднее использует наработанную репутацию честного служащего для прикрытия собственных поборов с просителей. С детства усвоив истину, что умения угождать начальству, дружить в теми, кто побогаче и «беречь копейку» являются залогом успешного развития карьеры, Чичиков достаточно быстро переходит от легальных способов получения заработка к незаконным, и хотя первые его начинания на этом поприще терпят крах, ему каждый раз удается выкрутиться. Умение делать выводы из своих ошибок и широкие возможности на государственной службе для совершения коррупционных махинаций позволяют ему продолжать свою деятельность и изобретать новые схемы получения дохода из государственной казны. Примечателен тот факт, что, согласно сохранившимся страницам второго тома поэмы, Гоголь планировал посвятить ее вопросам противодействия коррупции на государственном уровне: «... пришло нам время спасти нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемённых языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управленья, образовалось другое правленье, гораздо сильнее всякого законного», однако замысел так и остался не реализован, а уже созданные страницы сгорели в огне.

При изучении «Ревизора» также стоит обратить внимание на реакцию чиновников на известие о скором прибытии «чиновника

из Петербурга»: именно факт его прибытия «инкогнито» вызвал панику среди уездного чиновничества, которая быстро сменяется самоуспокоением, как только им якобы удастся вычислить «ревисора». Устоявшаяся система коррупции в государственном устройстве, по мнению Гоголя, в любом случае позволяла осуществить сговор между сторонами и покрыть имевшие место злоупотребления через взяточничество. И даже финальная сцена, изображающая растерянность должностных лиц от известия о прибытии настоящего ревизора, имеет открытый характер: логично было бы показать, как их всех привлекают к ответственности, но, скорее всего, им все равно удастся откупиться.

Другим акцентом, который следует сделать при изучении творчества русских писателей-классиков, является антинравственная сторона коррупции. Будучи тонким наблюдателем человеческой натуры, Николай Васильевич Гоголь не только обличал коррупцию, но и раскрывал ее разрушительное влияние на душу человека и общество, находил ее корни в нравственном упадке общества, в бесчестии и алчности, в отсутствии духовности. Та же мысль прослеживается и в произведениях Антона Павловича Чехова, в частности, достаточно упомянуть совсем небольшой рассказ «Справка», повествующий о визите героя к чиновнику за справкой, которую удастся получить лишь после дачи взятки. Робость, с которой проситель обращается к мелкому чиновнику, испарина на лбу после окончания сделки, дополнительное вознаграждение, машинально данное уже после получения справки – все эти детали подчеркивают униженное положение простого человека перед чиновничьей машиной управления. Печальный финал другого рассказа «Смерть чиновника» также символизирует сложившуюся систему чиновничества и произвола, в которой даже незначительный проступок может вызвать жесткую реакцию со стороны представителей власти. К этой же теме можно отнести отдельные эпизоды пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума», где главный герой оказывается бессилен перед миром Фамусовых, Молчалиных и Скалозубов, которые, несмотря на разный социальный статус, прекрасно устроились в продажном обществе и олицетворяют собой воплощение его безнравственных устоев.

Также важно обратить внимание учащихся на ситуацию нравственного выбора, в которую ставят писатели своих героев: либо смириться с положением и пользоваться подвернувшимся случаем для решения своих проблем, либо бросать вызов коррупционной системе и оставаться порядочным человеком. И хотя большинство персонажей изображены авторами с позиции соглашательства,

встречаются и герои-одиночки, не вписывающиеся в общую картину коррупционного мира (по словам М.В. Ягошенко – «люди вне системы») [3, с. 415]. Помимо Чацкого из «Горя от ума», можно отметить, в частности, Алекашку Рыжова из рассказа Николая Семеновича Лескова «Однодум» (цикл «Праведники»), который несмотря на достаточно «выгодное» место квартирного, позволяющее заниматься личным обогащением, ведет себя достойно, не преклоняется перед начальством и отказывается от подношений, чем заслуживает похвалу от нового губернатора и даже награждается Владимирским крестом. Персонаж романа Алексея Феофилактовича Писемского «Люди сороковых годов» молодой помещик Павел Вихров, сосланный на службу в отдаленную губернию, также отказывается от взяток, честно и справедливо ведет дела, пытается добраться до истины при разбирательстве по совершенным преступным деяниям. Несмотря на то, что все эти герои в глазах окружающих выглядят людьми по меньшей мере «странными», именно они и позволяют людям надеяться на исправление общей ситуации и восстановление справедливости.

Отдельно следует остановиться на проблеме восприятия коррупции как негативного явления. После прочтения ряда произведений у учащихся может сложиться впечатление, что коррупция, существующая на протяжении многих веков и имеющая исторические корни, стала уже нормой жизни и позволяет решать многие проблемы простым способом на фоне бюрократического неповоротливого чиновничьего аппарата. Поэтому нужно особое внимание обращать на трагизм ситуации, в которую попадают герои произведений, а также последствия, порождаемые коррупцией, как для всего государства, так и для отдельных личностей.

Одним из наиболее показательных примеров является повесть Александра Сергеевича Пушкина «Дубровский». Троекуров, богатый и влиятельный помещик, пользуется своей властью и связями, чтобы отнять у Дубровского его право на землю, для чего подкупает чиновников и использует подставных свидетелей с целью выиграть спор в суде. Чиновники в повести представлены как алчные стяжатели, готовые на любые злоупотребления ради наживы. Результатом данного действия является полное разорение и смерть Дубровского-старшего, а его сын, деятельный молодой человек, образованный и имевший хорошие перспективы на жизнь, озадачен теперь лишь одной целью мести за отца, что приводит к трагическим последствиям, описанным в повести. По мысли автора, коррупция порождает злобу и месть, приводит к тому, что герой повести вынужден взять в руки оружие и бороться за справедливость самостоятельно.

В пьесе Александра Николаевича Островского «Гроза» тема коррупции также представлена в виде источника драматической ситуации: самодурство и полная безнаказанность богатого купца Дикого, его возможность решить за деньги любые проблемы, всеобщее согласие представленного купеческого мира с устоявшимся положением приводят к трагическим последствиям. Словами одного из героев пьесы Кулигина выражена общая позиция зависимых людей: «И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба», и только главная героиня пьесы ценой своей жизни решается выразить протест общепринятым устоям. Также стоит обратить внимание учащихся на высказанную Кулигиным мысль о порожденной коррупционной системой ситуации всеобщей зависти и доноительства в описываемом купеческом мире: «Торговлю другу друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти. Залучают в свои высокие-то хоромы пьяных приказных... а те им за малую благодатьню на гербовых листах злостные кляузы строчат на ближних».

Однако не только проза и драматургия являлась средством раскрытия коррупционных проблем. Русскую поэзию всегда отличала широта тематики и глубокое погружение в остросоциальные проблемы. Достаточно вспомнить поэзию Александра Николаевича Радищева, Гавриила Романовича Державина, Александра Сергеевича Пушкина, Николая Алексеевича Некрасова, Козьмы Пруткова. При этом традиции социальной поэзии были продолжены и в новое время, в частности, в творчестве Владимира Владимировича Маяковского – автора «новых эффективных лингвистических средств противодействия коррупции» [1, с. 43]. Такие стихотворения, как «Прозаседавшиеся», «Фабрика бюрократов», «Мразь» и др. обличают новую коррупционную реальность, возникшую на основе все тех же причин и условий. Отдельно выделим его небольшое, но хлесткое стихотворение «Взяточник», в котором автор в остро-социальной сатирической форме не просто высмеивает коррупционные пороки зарождающегося советского строя, но и указывает на ее истоки, которые видит в засилии бюрократии («напрасно проситель согнулся дугой — нельзя... не имеется данных»), кумовстве и nepотизме («каждый на месте: невеста — в тресте, кум — в Гум, брат — в наркомат»), проникновении во власть случайных людей на волне революционного подъема («такому в краже рабочих тыщ для ширмы октябрьское зарево»). Вывод, который делает Маяковский о необходимости «выжигать каленым железом присосавшихся к нашим рядам», является актуальным и в наше время.

Таким образом, русские писатели в своих произведениях не только обличали коррупцию, но и искали ее корни в нравственности человека, в системе власти и в истории общества. Они не могли не замечать ее влияние на общество и не отражать данные негативной стороны в своих произведениях. При этом тематический и жанровый охват произведений достаточно обширен, а содержательная часть позволяет глубоко изучить коррупционную проблематику, уяснить ее истоки и правильно оценить угрозу, которая коррупция несет для общества и государства в целом.

Список литературы:

1. Лихолетов В.В. Отражение проблем борьбы с коррупцией в творчестве русских поэтов и писателей // Управление инвестициями и инновациями. – 2016. – № 1. – С. 39–49.
2. Организация противодействия коррупции в современной России: курс лекций / Я.Г. Ищук, Ю.В. Трунцевский, А.П. Фильченко [и др.]. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – 132 с.
3. Ягнешко М.В. Коррупция в произведениях русской классической литературы // Социально-экономические проблемы регионального развития на современном этапе: материалы международной научной конференции. Смоленск, 28 марта 2018 года. – Смоленск: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2018. – С. 413–419.

Афанасьев Дмитрий Игоревич,
начальник отдела информационно-поисковых мероприятий
и оперативного планирования и контроля,
Оперативно-поисковое бюро МВД по Чувашской Республике
E-mail: afanasev16@mvd.ru

УДК 349

**Совершенствование оперативно-розыскной политики
в контексте обеспечения национальной безопасности
Российской Федерации**

Аннотация. Актуальность проблемы объясняется недостаточностью имеющихся правовых норм, связанных с обеспечением конфиденциальности оперативно-розыскных мероприятий при использовании ведомственных информационных ресурсов в Министерстве внутренних дел Российской Федерации.

Постановка проблемы: на сегодняшний день использование ведомственных информационных ресурсов в деятельности органов внутренних дел приобретает все более важное значение для решения поставленных перед Министерством внутренних дел Российской Федерации задач, при этом отдельного внимания заслуживает использование указанных ресурсов в интересах оперативно-розыскной деятельности и безопасность их использования. В настоящее время имеются возможности для ознакомления с объектами оперативного интереса для лиц, которые не должны быть допущены к таким сведениям, что ставит под угрозу конфиденциальность оперативно-розыскных мероприятий и в случае оказания противодействия им может нанести ущерб обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.

Цель исследования: постановка проблем, изучение источников их возникновения, а также обозначение вероятного пути решения.

Методы исследования: общенаучный диалектический подход, кроме того, в работе применялся такой метод познания как анализ.

Выводы: в настоящее время в учении об оперативно-розыскной политике явно недостаточное внимание уделено вопросам обеспечения конфиденциальности оперативно-розыскных мероприятий, при использовании ведомственных информационных ресурсов. Необходимо выявить то, что является важным для развития нормативных основ, что способно стимулировать развитие научной инициативы в решении указанных проблем.

Ключевые слова: оперативно-розыскная политика; оперативно-розыскные мероприятия; конфиденциальность оперативно-розыскных мероприятий; ведомственные информационные ресурсы.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации определено, что национальная безопасность это состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Достижение национальной безопасности невозможно без обеспечения информационной безопасности, в связи с тем, что быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства¹.

Правоохранительные органы, путем повышения эффективности своей работы, должны способствовать обеспечению государственной и общественной безопасности.

Так, одним из направлений повышения эффективности работы правоохранительного органа в лице Министерства внутренних дел Российской Федерации, по мнению автора, может стать совершенствование оперативно-розыскной политики в нормотворческой форме, связанной с созданием или модификацией правовых норм, касающихся конфиденциальности оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), проводимыми в соответствии с установленным федеральным законодательством перечнем, при использовании ведомственных информационных ресурсов.

В распоряжении МВД России имеется широкий перечень ведомственных информационных ресурсов, которые используются, в том числе, при планировании и проведении ОРМ. Основная часть указанных ресурсов реализована на базе единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (далее – ИСОД МВД России).

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2024).

Информация, имеющаяся в ведомственных информационных ресурсах, безусловно, способствует качественному планированию и проведению ОРМ, так как позволяет получить сведения о фамилии, имени, отчестве, дате рождения, используемом и зарегистрированном на фигуранта автотранспорте, наличии полиса обязательного страхования автогражданской ответственности, сведения о маршрутах передвижения транспорта, о поездках на авиационном, железнодорожном транспорте, а также на автобусах, о привлечении к административной и уголовной ответственности, о местах регистрации и проживания, о наличии оружия, о причастности к деятельности юридических лиц и производимых выплатах от организаций и т.п.

К сожалению, информационные ресурсы не всегда используются во благо – для решения задач стоящих перед органами внутренних дел Российской Федерации. Так, неоднократно всеобщую огласку получали факты передачи служебной информации из ведомственных информационных ресурсов лицам причастным к деятельности иноагентов (расследование Bellingcat о Навальном [1]), а также причастным к деятельности иностранных спецслужб (убийство Дарьи Дугиной [2]).

В целях усиления контроля, за обращениями в ведомственные информационные ресурсы, было издано распоряжение МВД России от 19 апреля 2023 года № 1/1045дсп «О дополнительных мерах по контролю за правомерностью доступа к банкам данных МВД России»¹, которым определены порядок получения сведений из банков данных МВД России и порядок контроля за получением этих сведений. Однако, по мнению автора, принятые меры не решают две следующих проблемы конфиденциальности ОРМ:

В соответствии с вышеуказанным распоряжением обеспечено ежемесячное размещение на ведомственном информационном ресурсе (автоматизированная информационно-поисковая система «Электронный журнал запросов» – далее АИПС «Электронный журнал») сведений о лицах, в отношении которых осуществлялись запросы (без раскрытия полных персональных данных) и проводятся выборочные ежемесячные проверки. Формирование АИПС «Электронный журнал» осуществляет ФКУ «ГИАЦ МВД России» на основе предоставляемых подразделениями системы МВД России электронных журналов (файлов) с записями о событиях в хронологическом порядке, которые

¹ Распоряжение МВД России от 19 апреля 2023 года № 1/1045дсп «О дополнительных мерах по контролю за правомерностью доступа к банкам данных МВД России», с изменениями внесенными распоряжением МВД России от 31 июля 2023 года № 1/8899 «О внесении изменений в распоряжение МВД России от 19 апреля 2023 г. № 1/1045дсп «О дополнительных мерах по контролю за правомерностью доступа к банкам данных МВД России».

включают в себя полные персональные данные объекта поиска. Указанные выборочные ежемесячные проверки обоснованности обращений к информационным ресурсам осуществляются уполномоченным на то должностными лицами, которые, стоит отметить, не всегда являются сотрудниками оперативных подразделений.

АИПС «Электронный журнал запросов» содержит сведения о запросах, осуществленных только в ИБД-Ф, ИБД-Р, СООП и ФИС «ГИБДД-М», не охватывая весь спектр ведомственных информационных ресурсов, и только по фамилии, имени и отчеству объекта поиска, при этом из области учета в указанных информационных ресурсах выпадают запросы по адресам, государственным регистрационным знакам и прочим параметрам, что исключает возможность сверки таких запросов. Выдача информации, в АИПС «Электронный журнал запросов», осуществляется в виде даты, времени поиска, первых букв фамилии, имени, отчества, а также информации о годе рождения объектов поиска (к примеру: 01.06.2024 09:00, А.Д.И. 1987) и данных инициатора поиска информации (логин, подразделение, ip-адрес и т.п.).

Действующая политика доступов, реализованная в АИПС «Электронный журнал запросов» предоставляет возможность должностным лицам, ответственным за ежемесячную выборочную проверку обоснованности обращений к информационным ресурсам МВД России осуществлять проверку запросов осуществленных не только внутри своего подразделения, но и любого другого подразделения в рамках региона. Такая возможность позволяет должностному лицу, осуществляющему проверку обоснованности обращений, ознакомиться с запросами, осуществленными любым пользователем ведомственного информационного ресурса в рамках региона (к примеру, сотрудники госавтоинспекции или сотрудник подразделения по вопросам миграции, ответственный за проведение проверки обоснованности обращений, может ознакомиться с информацией о запросах сотрудников оперативного подразделения). Обеспокоенность вызывает тот факт, что сотрудники оперативных подразделений, зачастую, осуществляют запросы группами, то есть в один временной промежуток проверяют фигурантов в рамках одного оперативного материала и по последовательности этих запросов (не смотря на то, что в них только инициалы и год рождения), должностное лицо, имеющее доступ к АИПС «Электронный журнал запросов», может сделать предположение о конкретных объектах проверки, что ставит под угрозу планируемые или проводимые ОРМ, в случае получения такой информации лицом, которое по роду своей деятельности не должно быть осведомленно о проводимой оперативной проверке.

Если в случае с АИПС «Электронный журнал запросов» на основании инициалов и сведений о годе рождения, возможно сделать толь-

ко предположение об объектах поиска информации, то, безусловно, необходимо рассмотреть вопрос ведения подразделениями системы МВД России электронных журналов запросов, содержащих полные персональные данные объекта поиска. В связи с тем, что администрирование информационных ресурсов, преимущественно, осуществляется теми подразделениями, для обеспечения работы которых они создавались (например: администрирование сервисов «ФИС ГИБДД-М», СПО «Паутина» осуществляют подразделения Госавтоинспекции, администрирование «Сервисов по вопросам миграции» осуществляют подразделения по вопросам миграции и т.д.), к электронному журналу запросов, содержащему полные персональные данные объектов поиска, получают доступ лица, которые не должны быть осведомлены о планируемых или проводимых ОРМ. Стоит отметить, что факт осуществления доступа к электронному журналу запросов, содержащему полные персональные данные объектов поиска, никак не фиксируется (к примеру: сотрудник Госавтоинспекции, являющийся администратором ФИС «ГИБДД-М», может ознакомиться со списком произведённых запросов сотрудников оперативного подразделения и этот факт ознакомления не оставит за собой никаких цифровых следов).

Обозначенные проблемы, на сегодняшний день, еще не стали предметом изучения в рамках научного сообщества, а факт их наличия указывает на необходимость дальнейших исследований в этой области, а также на необходимость совершенствования оперативно-розыскной политики в указанной области.

В качестве направлений решения, автор считает целесообразным разработку нормативной базы, закрепляющей:

- 1) ведение единого электронного журнала запросов, доступ к которому, с целью снижения вероятности получения посторонними лицами информации о проводимых ОРМ, был бы предоставлен ограниченному кругу лиц допущенных к оперативно-розыскной деятельности;
- 2) порядок формирования и работы с ним.

Список литературы:

1. СМИ узнали о деле за слив данных для расследования Bellingcat о Навальном // РБК: офиц. сайт. URL: <https://rbc.ru/politics/01/03/2021/603c753b9a7947410f844254> (дата обращения: 20.08.2024).
2. Для гаишника, слившего убийцам Дугиной данные о ней, попросили шесть лет // РБК: офиц. сайт. URL: <https://rbc.ru/rbcfrreenews/654cf1d49a7947e21a6c1562> (дата обращения: 20.08.2024).

Ачитуева Юлия Васильевна,
оперуполномоченный по ОВД
отделения по пресечению, выявлению и раскрытию
преступлений, совершенных с использованием информационно-
телекоммуникационной сети Интернет
отдела по борьбе с незаконным оборотом
синтетических видов наркотических средств,
психотропных веществ, сильнодействующих,
новых потенциально опасных психоактивных веществ,
Управление по контролю за оборотом наркотиков
МВД по Республике Бурятия
E-mail: achitueva88@bk.ru

УДК 343.1

**Оперативно-розыскное противодействие наркопреступлениям,
совершаемым с использованием информационно-
коммуникационных технологий**

Аннотация. В статье рассматриваются современные способы незаконного сбыта наркотических средств, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных технологий, проблемные вопросы, возникающие в деятельности сотрудников правоохранительных органов, а также отдельные методы оперативно-розыскного противодействия.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскное противодействие; наркотики; наркотические средства; сбыт; Интернет; оперативно-розыскные мероприятия; выявление; раскрытие; организованная преступность; Даркнет.

Стремительное развитие информационных технологий несомненно является фактором, привлекающим в российский сегмент интернет-пространства различные преступные группы, и значительно расширяющим возможности в совершенствовании способов совершения преступлений против собственности, половой свободы и половой неприкосновенности, а также в сфере незаконного оборота наркотиков.

Анализ оперативной обстановки в сфере борьбы с наркопреступностью свидетельствует об активном использовании в противоправной деятельности информационно-коммуникационных технологий, а именно средств обработки информации и конечно же новых способов коммуникаций.

Причины повышенного интереса наркопреступников к информационно-коммуникационным технологиям обусловлены прежде всего высокой степенью анонимности в информационных сетях, доступностью информационной инфраструктуры, включающей в себя информационные системы, интернет-сайты, программные обеспечения, а также растущим количеством пользователей программно-технических средств.

Наркобизнес, являясь сверхприбыльной и высоко организованной преступной деятельностью активно использует информационно-коммуникационные технологии для рекламы и пропаганды запрещенных веществ, подбора работников (вербовки), выступает средством коммуникации между участниками преступных групп, а также способом сбыта.

В условиях, когда наблюдается постоянный рост «профессионализма», противодействовать деятельности организованных групп, специализирующихся на незаконных сбытах наркотиков с каждым годом становится все сложнее.

Не будет преувеличением утверждение о том, что лица, вовлечённые в незаконный оборот наркотиков прекрасно осведомлены о методах и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий, в связи с чем постоянно используют информационно-коммуникационные технологии при разработке и осуществлении новых схем сбыта наркотиков.

Затрудняет деятельность правоохранительных органов в борьбе с наркопреступностью использование в противоправной деятельности технических средств и программных обеспечений. Для примера, рассмотрим популярный в последний годы бесконтактный способ сбыта запрещённых веществ, при котором отсутствует непосредственный контакт между соучастниками противоправной деятельности, а общение с покупателем сведено к минимуму. Указанный способ сбыта активно используется участниками организованных групп, специализирующихся на сбыте синтетических наркотиков, при котором их передача осуществляется через так называемые «закладки», то есть тайники, предназначенные для хранения наркотиков.

Проведенный анализ расследованных уголовных дел свидетельствует о следующей структуре бесконтактного сбыта, в которой распределены следующие роли: «старшие» (организаторы), «вер-

бовщики», «менеджеры по регионам», «кураторы», «диспетчеры» (операторы), «кассиры», «склады», отвечающие за хранения крупных партий наркотиков, «курьеры», «рекламщики», «закладчики» и т.д. [1, с. 190].

Как мы видим, современный наркобизнес является высоко организованной и устойчивой преступной организацией со своей определенной иерархией, в которой между участниками преступной деятельности четко распределены их обязанности, разработана система поощрений в виде перемещения на вышестоящую «должность» и взысканий, например штрафных санкций. В целях минимизации риска привлечения к уголовной ответственности в наркобизнесе используется разработанная система конспирации, в соответствии с которой участники преступных групп не контактируют между собой и даже не знают о существовании друг друга, а для координации их деятельности используются интернет-мессенджеры, защищенные сквозным шифрованием (Viber, Whats App, Telegram, Signal).

Другой не менее важной проблемой в изобличении наркопреступников является использование при взаиморасчете криптовалют. В современном мире существует более тысячи разновидностей криптовалют и продолжают развиваться новые. Наибольшее распространение получили Bitcoin, Ethereum, Ripple, BitcoinCash, Stellar, Quark, LiteCoin, Monero. При этом последняя из криптовалют – Monero – изначально создавалась с ориентацией на повышенную анонимность транзакций, что делает ее чрезвычайно популярной при совершении криминальных сделок [2, с. 564].

Несмотря на огромное разнообразие криптовалют, наибольшую популярность среди наркосбытчиков обрела пиринговая платежная система Bitcoin, использующая одноименную единицу учета операций.

Для совершения сделок с любой криптовалютой необходимо создание криптокошелька, а также регистрация в криптообменнике или на площадке (платформе), специализирующейся на операциях обмена (продажи) криптовалют.

Так, использование криптовалют при взаиморасчете за приобретаемые наркотики и осуществлении выплаты заработной платы участникам наркобизнеса значительно усложняет деятельность правоохранительных органов, поскольку данные операции производятся на криптобиржах, деятельность которых в нашей стране законодательно не урегулирована. Кроме того лица, вовлечённые в наркобизнес в большинстве своем пользуются услугами взаиморасчета криптобирж, зарегистрированных на территории иностранных

государств. Здесь необходимо отметить, что отличительная особенность криптобирж заключается в их безопасности как в плане сохранности денежных средств, так и в конфиденциальности участников криптоопераций.

На сегодня наркопреступность является самым динамично развивающимся видом преступности, поэтому для борьбы с ней необходимо проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий во взаимодействии со всеми правоохранительными органами и заинтересованными организациями.

Безусловно, в целях борьбы с наркопреступностью необходимо осуществлять постоянный мониторинг всего сетевого информационного пространства на предмет наличия информации, представляющей оперативный интерес, в части размещения ресурсов, посредством которых осуществляется незаконный сбыт наркотиков, а также специализированных интернет-ресурсов, используемых для взаиморасчета между покупателем и продавцом запрещенных веществ, и всеми участниками наркобизнеса.

Так, целесообразно проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление информационных ресурсов, таких как пронаркотические каналы, сайты быстрых продаж, Telegram-боты, фотохостинги (веб-сайты, на которых осуществляется загрузка и хранение фотографий, в том числе фотографии мест «закладок» - тайников с наркотиками), криптобирж, посредством которых, лицами вовлечёнными в наркобизнес осуществляются финансовые операции с криптовалютой, полученной в результате совершения наркопреступлений.

Перечисленные меры противодействия не являются исчерпывающими, но даже их реализация может улучшить имеющиеся результаты деятельности правоохранительных органов в борьбе с наркопреступностью.

В заключение хотелось бы отметить, что для повышения эффективности в борьбе с наркопреступностью, необходимо проведение комплекса организационных мер, включающих в себя:

- активизацию международного взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств по обмену имеющейся оперативной информации о лицах, представляющих оперативный интерес, каналах поставки наркотических средств, психотропных веществ, а также их прекурсоров;

- разработку и внедрение в практическую деятельность оперативных подразделений, специализирующихся на противодействии наркопреступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, программно-технических

средств, направленных на сбор и анализ цифровых следов, оставленных при совершении наркопреступлений;

- привлечение к проведению мероприятий специалистов в сфере IT-технологий, имеющих познания в области высоких технологий и теневого сегмента Интернета, более известного как Даркнет (DarkNet);

- организовать подготовку высококвалифицированных кадров, а также переподготовку действующего состава сотрудников, способных противодействовать наркопреступности в сетевом информационном пространстве. Здесь немаловажно отметить, что такая подготовка должна осуществляться преподавателями – специалистами в сфере IT-технологий и при наличии материально-технической базы, включающей в себя аппаратно-технические комплексы, программные компоненты, специализированное оборудование и прочее;

- активизировать антинаркотическую профилактическую деятельность, поскольку полагаем, что успех в борьбе с наркопреступностью напрямую зависит от спроса на наркотики. Можно много спорить о первичности спроса, но по факту – спрос рождает предложение [3, с. 175].

В настоящее время современный мир характеризуется стремительным развитием информационных отношений, информационно-коммуникационных и робототехнических технологий, глобального киберпространства, социальных информационных сетей и систем искусственного интеллекта, а также тотальной компьютеризацией человеческого общества, что, несомненно, привлекает внимание представителей криминалитета. Таким образом, для своевременного принятия мер по противодействию преступности в сетевом информационном пространстве, необходимо постоянно повышать уровень профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, срабатывая на опережение и предупреждение совершения преступлений, а также реализовать комплекс организационных мер.

Список литературы:

1. Афанасьев А. В. Особенности расследования преступлений, связанных с бесконтактным сбытом наркотических средств и психотропных веществ / А. В. Афанасьев, Е. В. Бровкина, Т. В. Валькова // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 12 (204). – С. 189–192.

2. Фильченко А.П. Учет особенностей обращения криптовалюты в процессе доказывания причастности лица к незаконному обороту наркотиков / А.П. Фильченко, В.Ю. Жандров // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 12. № 4 (46). – С. 561–567.

3. Шинкевич В.Е. Оценка факторов наркотизации социальной среды: по результатам ежегодного мониторинга наркоситуации в Красноярском крае / В. Е. Шинкевич, Е.Н. Бен, В.В. Молоков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 4 (41). – С. 171–181.

**К вопросу о переходе прав умершего потерпевшего
к его близким родственникам, близким лицам, родственникам**

Аннотация. В статье проводится анализ положений нормативно-правовых актов, а также доктрины уголовного права и уголовного процесса относительно некоторых вопросов перехода прав непосредственного потерпевшего к близким родственникам, близким лицам, родственникам потерпевшего.

Указано обоснование признания потерпевшим лишь одного из указанных лиц. Предложен подход, при котором выдвинутая нами позиция будет считаться оправданной.

Ключевые слова: потерпевший; близкие родственники; близкие лица; родственники; уголовная ответственность; примирение лиц; защита прав и свобод; участники уголовного судопроизводства.

В ч. 8 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации содержатся нормы, регламентирующие порядок перехода прав непосредственного потерпевшего к его близкому родственнику, близкому лицу или родственнику (в зависимости от сложившейся ситуации) в случае смерти потерпевшего.

Но, при этом, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 указано, что потерпевшим может быть признан не один, а несколько близких родственников, близких лиц, родственников, чьи права были затронуты совершенным преступлением, и кто изъявил желание принимать участие в уголовном деле¹.

¹ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17.

Из числа исследователей в области уголовного права и процесса указанной позиции придерживаются и известные такие авторы как О.А. Зайцева, С.В. Смирнова, Б.В. Завидова, А.В. Курина, которые полагают: «если на участие при производстве по уголовному делу в качестве потерпевшего претендуют сразу несколько лиц из числа близких родственников, близких лиц, родственников, то правоприменительно следует допустить всех лиц, изъявляющих данное желание».

Конституционный суд Российской Федерации в Постановлении Пленума № 16-П от 14.07.2011 г., **по делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко** указал, что в силу необходимости обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, связанных, в данном случае, с осуществлением правосудия по уголовному делу, защиты чести и доброго имени погибшего потерпевшего, следует признавать в качестве потерпевшего одного из близких родственников, близких лиц, родственников потерпевшего¹.

Считаем, что такое положение, при котором после смерти непосредственного потерпевшего при уголовном деле, потерпевшими будут признаны сразу несколько лиц (более одного), не будет соответствовать целесообразности при расследовании уголовного дела.

Аналогичной позиции придерживается А.А. Патрушева [4], М.А.Гаврилов [2].

Отметим, что ввиду сложностей, возникших при проявлении несогласия таковых потерпевших между собой, будут появляться препятствия при решении вопросов относительно судьбы виновного, в том числе, освобождения от уголовной ответственности; назначения и отбывания наказания, о правах таких потерпевших и иные вопросы. Такие противоречия могут затормаживать процесс расследования, создавать дополнительную волокиту для органов расследования и суда.

Вместе с этим, аргументированной позицией выступающей в пользу признания потерпевшим одного из перечисленных лиц,

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П.

будет парирование спорному положению, указанному в Постановлении Пленума Верховного суда от 27.07.2013 г. № 19¹.

Содержанием данного положения выступает условие, согласно которому, в случае отсутствия примирения хотя бы с одним из указанных лиц (близких родственников, близких лиц, родственников), признанных потерпевшими в рамках расследуемого уголовного дела, виновное лицо лишается возможности быть освобожденным от уголовной ответственности по условиям 76 УК РФ, что, по нашему мнению, будем несправедливым.

Если один или двое из группы признанных потерпевших будут согласны на примирение с виновным лицом, а третий этому препятствовать ввиду личной неприязни к последнему или по иным причинам, данное обстоятельство будет противоречить правам, гарантируемым Конституцией Российской Федерации. Права виновного лица должны быть соблюдены в полной мере, наряду с правами иных участников уголовного судопроизводства.

Поэтому, на наш взгляд, более логичным и рациональным будет подход, заключающийся в признании потерпевшим лишь одного лица из числа близких родственников, близких лиц, родственников, во благо осуществления нормального и размеренного производства по уголовному делу.

Необходимо отметить, что решение следователя о признании лица потерпевшим может быть обжаловано в установленном ст. 124-125 УПК РФ порядке. Наряду с этим, обжалующее лицо может обратиться в суд.

При возникновении спорных ситуаций, относительно того, кому именно из близких родственников, родственников и близких лиц должны перейти права от непосредственного (умершего потерпевшего), следует дать возможность претендентам договориться между собой о том, кто будет признан в качестве потерпевшего [1]. Если же они не придут к общему соглашению, следовательно, на основании полученной информации, должен вынести самостоятельное обоснованное и мотивированное решение о признании лица потерпевшим [3].

При этом, следователем должно быть выдвинуто условие лицу, признаваемому потерпевшим, заключающееся в том, что иные лица, из числа родственников и близких лиц, претендовавших на статус потерпевшего, будут также, по своему желанию участвовать в уго-

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2013 г. № 19.

ловном судопроизводстве по данному уголовному делу, но, не в статусе потерпевшего, а лишь в качестве помощника такового. Причем, такие лица (или лицо) могут наряду с косвенным потерпевшим обладать всей интересующей их информацией относительно хода расследования уголовного дела.

Действуя указанным образом, в процессе расследования не будут возникать лишние промедления, необоснованные затруднения, за счет чего, производство по данному уголовному делу станет наиболее эффективным и продуктивным.

Список литературы:

1. Воронин В. В. Возможно ли примирение сторон в случае гибели потерпевшего? // Уголовный процесс. 2007. № 2. С. 52–54.
2. Гаврилов М. А. Некоторые вопросы компенсации морального вреда по уголовным делам в случае смерти жертвы преступления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. №3 (37).
3. Дежнев А. С. Определение правового статуса близких родственников лица, которому преступлением причинена смерть // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3 (46). 221 с.
4. Патрушева А. А. Правовое положение лиц, которым переходят права умершего потерпевшего // Сибирское юридическое обозрение. 2018. № 2.

**К вопросу о криминологической характеристике преступлений,
совершаемых медицинскими работниками в сфере
профессиональной деятельности**

Аннотация. В статье автор указывает на существующие проблемы, возникающие при попытке дать криминологическую характеристику преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности. Автор приходит к выводу о необходимости введения специального мониторинга, направленного на выявление объективных показателей, отражающих динамику рассматриваемого вида преступлений, как в отношении фактов, повлекших за собой возбуждение уголовного дела, так и в отношении случаев применения иных механизмов урегулирования споров в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: ятрогенная; медицинские работники; врачебные преступления; криминологическая характеристика; личность преступника.

Интерес к проблеме предупреждения преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности, значительно возрос в последние несколько лет. Между тем перед исследователями все еще стоит проблема в выборе подхода к определению категории рассматриваемых преступлений, поскольку в науке данное понятие находится в стадии активного формирования, что связано со сложностью и разнородностью общественных отношений, вред которым может быть причинен в ходе осуществления медицинским работником своей профессиональной деятельности.

Наиболее устоявшимся при этом подходом является отнесение данных преступлений к категории ятрогенных, т.е. посягающих преимущественно на общественные отношения, обеспечивающие

жизнь и здоровье человека. Обусловлено данное обстоятельство тем, что именно данная категория преступлений относится к наиболее резонансным, поскольку общественность реагирует не только и не столько на такое большое и травмирующее событие, как смерть или причинение вреда здоровью человека, зачастую даже постороннего, сколько на сам случай, свидетельствующий о возможном непрофессионализме и некомпетентности специалиста, от действий которого может зависеть жизнь и здоровье неопределенного количества лиц. Указание на естественность подобной реакции родственников и близких лиц пациента можно обнаружить и в текстах более ранних авторов, в частности, на это указывал Н.И. Ижевский [4, С. 686], являвшийся автором раздела «О судебной ответственности врачей» в первом капитальном советском руководстве по судебной медицине — «Основы судебной медицины», 1938 г. Им также подмечена тенденция к тому, что наиболее часто медицинские работники привлекаются в связи с причинением вреда жизни и здоровью пациента [11, С. 489]. При этом, в соответствии с данными Н.И. Ижевского, из всего многочисленного количества жалоб, поступающих в органы прокуратуры, в суд направляется только 10%, остальные же прекращаются по различным причинам [11, С. 489].

В настоящее время данная тенденция претерпела изменения, так как, исходя из качественного анализа материалов судебных приговоров в отношении медицинских работников, наиболее часто данных лиц привлекают к ответственности за совершение деяний, подпадающих под ч. 2 ст. 109, 238 и ч. 2 ст. 293 УК РФ [14]. Можно отметить и тот факт, что, согласно данным СКР, в период с 2018 по 2023 г. число направленных в суд уголовных дел в отношении медицинских работников не превышало 4% от общего числа поступивших сообщений о преступлении. Это, тем не менее не означает, что проблема теряет свою актуальность, поскольку, данная категория преступлений обладает высокой степенью латентности [2; 8], что не позволяет произвести качественный анализ ее криминологических показателей исходя из имеющихся статистических данных.

Здесь, однако, следует указать на то, что имеющаяся совокупность статистических данных имеет качественный и количественный недостаток, связанный с отсутствием возможности собрать все необходимые данные в виде, удовлетворяющем цели исследования, поскольку в Российской Федерации отсутствуют специализированные учеты основных показателей преступности в сфере здравоохранения. Это связано с тем, что в УК РФ отсутствуют статьи, предусматривающие ответственность медицинского работника в качестве специального субъекта, а так-

же специальные составы, устанавливающие ответственность за вред, нанесенный в результате нарушения норм здравоохранительного законодательства. Предложения о введении данного учета выдвигались многими авторами, в частности данной позиции придерживаются П. Г. Табай, Н. В. Генералова и Н. А. Огнерубов [1, С. 17; 3, С. 165; С.13]. Предложения о дополнении текста уголовного закона новыми составами преступлений, а также уточнение редакции уже существующих, выдвигаемые, в частности, Н. В. Мирошниченко, Е. К. Сенокосовой и В. В. Татаркиным [6, С.8; 12, С. 11-12; 13, С. 9-10], хотя и не преследуют данной цели напрямую, тем не менее косвенно способствуют ее достижению, поскольку предполагаемые нормы подобно ст. 124 УК РФ, подразумевая общий субъект преступления, имели бы вполне определенную сферу применения. И. О. Перепечина, проводя анализ статистических сведений о преступлениях против жизни и здоровья, совершенных медицинскими работниками, указывает, что отсутствие данных не позволяет объективно оценить криминогенную ситуацию в сфере здравоохранения [10, с. 140], однако, в данном случае мы склонны согласиться с позицией Е. К. Сенокосовой, которая указывает, что «даже приблизительная информация ... лучше, чем ее полное отсутствие» [12, С. 109].

Между тем, мы согласны с выводом И. О. Перепечиной о необходимости ведения структурированной статистики по урегулированию конфликтов в связи с неблагоприятными исходами медицинской деятельности в рамках гражданских дел и досудебного производства [10, с. 142], поскольку, согласно заявлением экспертов обращение граждан в правоохранительные органы является одним из вариантов, которым они пытаются восстановить свои нарушенные права в связи с отсутствием иных рычагов давления на медицинские организации. Е. А. Рыжова отмечает, что «большинство [данных] случаев заканчивается отказом в возбуждении уголовного дела, но удовлетворением иска в гражданско-правовом порядке» [5], что свидетельствует об отсутствии эффективных механизмов возмещения полученного вреда. С этим и связано указанное выше соотношение между количеством сообщений о преступлении и количеством возбужденных по результатам проверки уголовных дел. Несмотря на создание специализированных отделов по расследованию ятрогенных преступлений данные обращения являются дополнительной нагрузкой на следственный аппарат правоохранительных органов. Кроме того, это свидетельствует о невозможности в полной

мере полагаться на данные официальной статистики, поскольку они содержат в себе информацию не только о случаях, когда заявитель заблуждается в том, что в отношении него было совершено преступления, но и о тех случаях, в которых заявитель злоупотребляет своим правом. Ведение учета подобных случаев помогло бы выявить способы устранения пробелов правового регулирования в данной сфере, что в дальнейшем оказало бы благотворное влияние на разрешение конфликтов между медицинскими организациями и пациентами.

Из всего вышеуказанного следует то, что, исходя из имеющихся источников данных, исследователю в большей мере необходимо полагаться на данные о количестве возбуждаемых уголовных дел и данные о дальнейших этапах расследования. Наиболее полные сведения можно получить в отношении преступлений, предусмотренных ст. 124 УК РФ. Однако, согласно данным статистики ГИАЦ МВД России, в период с 2017 по 2023 гг. было зарегистрировано только 256 возбужденных уголовных дел по ст. 124 УК РФ, что в сравнении с общей статистикой возбужденных уголовных дел в отношении медицинских работников показывает относительно малую популярность данного состава в практике правоохранительных органов (по данным СКР в период с 2017 по 2023 г.г. в среднем в год возбуждается около тыс. уголовных дел в отношении медицинских работников). Данное обстоятельство не позволяет нам распространять полученные на основе анализа данной динамики выводы на всю совокупность преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности, и обуславливает необходимость поиска иных источников сведений, что и обуславливает тот факт, что исследователи в большей степени обращаются к вопросу характеристики личности преступника, поскольку данные сведения возможно получить из данных официальной статистики Минздрава России, а также при обобщении данных судебной практики, материалов судебных экспертиз. Особо стоит отметить, данные, собранные В. А. Клевно, на основании мониторинга дефектов оказания медицинской помощи по материалам бюро судебно-медицинской экспертизы Московской области, проводимом в период с 2014 по 2018 год. В. А. Клевно вел подсчет проводимых БСМЭ МО, разделяя их в соответствии с тем проводились ли они по гражданским или уголовным делам, и в дальнейшем проводил анализ допущенных дефектов, с целью выявления их характера и природы. На основании этих данных ему уда-

лось выявить объективную зависимость между количеством допускаемых серьезных дефектов оказания медицинской помощи и стажем медицинского работника [7, С. 89]. Полагаем, что подобного рода мониторинг необходим для оценки криминогенной ситуации в сфере оказания медицинской помощи, поскольку позволил бы получить более точные и объективные данные.

Список литературы:

1. Габай П.Г. Предупреждение неосторожной преступности при оказании медицинской помощи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 33 с.
2. Гаджиева А. А., Караева З.Ш. Латентность преступлений в сфере оказания медицинских услуг // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 4-1. С. 157–162. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=420> (дата обращения: 10.04.2024).
3. Генералова Н. В. Меры предупреждения правонарушений в сфере здравоохранения // Актуальные вопросы судебной медицины и права: сборник научно-практических работ. Казань: Медицина, 2011. С. 163–165.
4. Гусев А. Д. Врачебные ошибки и врачебные преступления // Казанский медицинский журнал. 1935. Т. 31. №6. С. 686–708.
5. Медиков не оставляют без дел. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6223734> (дата обращения: 03.04.2024).
6. Мирошниченко Н.В. Причинение медицинскими работниками смерти и вреда здоровью пациентов: уголовно-правовые аспекты: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 22 с.
7. Мониторинг дефектов оказания медицинской помощи по материалам бюро судебно-медицинской экспертизы Московской области в 2018 году: ежегодный доклад / В. А. Клевно, О. В. Веселкина, Ю. Д. Обухова; М-во здравоохранения Московской обл., Бюро судебно-мед. экспертизы. Москва: Ассоц. судебно-мед. экспертов, 2018, 169 с.
8. Наумов Ю.Ю. Некоторые факторы, влияющие на совершение медработниками преступлений в сфере здравоохранения // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 2 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-factory-vliayushchie-na-sovershenie-medrabotnikami-prestupleniy-v-sfere-zdravoohraneniya> (дата обращения: 03.04.2024).
9. Огнерубов Н. А. Профессиональные преступления медицинских работников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 31 с.

10. Перепечина И. О. Анализ статистических сведений о преступлениях против жизни и здоровья, совершенных медицинскими работниками // Российский юридический журнал. 2013. № 5 (92). С. 139–144.

11. Попов Н. В. Учебник судебной медицины. Для студентов медицинских институтов / изд. 2-е. Москва: Медгиз, 1946 г. 516 с.

12. Сенокосова Е. К. Профессиональная некомпетентность и недобросовестность при оказании медицинской помощи: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2018. – 234 с.

13. Татаркин В. В. Преступления медицинских работников против жизни и здоровья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 27 с.

14. Уголовная ответственность медицинского работника: когда лечение становится преступлением? URL: <https://www.garant.ru/article/1626099/> (дата обращения: 20.05.2024).

**Условия интеграции технологий искусственного интеллекта
сквозь призму риск-ориентированного подхода**

Аннотация. В данной работе обозначена исключительная роль технологий искусственного интеллекта в цифровом пространстве. Было определено, что еще с давних времен существовала заинтересованность в их создании, но практически, техническое исполнение стало возможно с недавнего времени. В свою очередь, практическая реализация данной технической новеллы и её быстрая интеграция во многие сферы общественной жизнедеятельности приводит к возникновению рисков криминогенного характера. Обосновывается необходимость анализа потенциальных рисков, возникающих в связи с развитием технологий искусственного интеллекта, используя криминологическую концепцию риск-ориентированного подхода. В статье рассматриваются факторы риска, исходящие от технологий искусственного интеллекта, на основе которых были выделены ключевые условия по их минимизации. Сделан вывод, что только в случае развития ранней профилактической политики существующие риски будут контролируемы и сведены к нулю.

Ключевые слова: искусственный интеллект; криминологический риск; искусственные нейронные сети; риск-ориентированный подход; сверххраняя профилактическая политика.

Цифровое пространство наполнено рядом рисков криминогенного характера, отражающих своё влияние на все процессы общественного развития. Стратегия их оперативного выявления и минимизации должна находить своё место в правоприменительной практике и законотворческой деятельности. Стремительное внедрение технических достижений человечества без его должной апробации, отсутствия экспериментального режима функционирования и комплексной системы оценивания рисков, исходящих от них, неминуе-

мо приводит к последствиям негативного характера. Новый технологический прорыв, распространяющий своё влияние на широкий круг лиц, в единстве с процессом глобализации, должен формировать новый класс ответственности.

Современная действительность представлена большим научно-техническим прорывом в виде практической реализации технологий искусственного интеллекта (далее-ИИ) в цифровом пространстве.

Подобное суждение о том, что мысль о создании ИИ волнует исследователей лишь только в последние годы, будет являться заблуждением. Предпосылкой становления научной мысли о потенциальном создании подобных автоматизированных систем послужили ещё учения Аристотеля, в которых он изложил основные принципы формализации операций естественного логического мышления и в дальнейшем образованием силлогистической логики. Его учение будет являться одним из основных в создании и функционировании автоматизированных технических устройств.

Первая техническая возможность их практической реализации появилась в 1943 г., путем создания первой простейшей искусственной нейронной сети. Ученые Мак-Каллок и Питс моделируют искусственные нейронные сети (далее-ИНС) и устанавливают связь с логикой высказываний. Основным результатом теории было предложение конструктивного устройства вычисления на основе системы ИНС для выполнения логических и арифметических операций [6, с. 101]. Сделано основополагающее предположение, что такая сеть способна обучаться, распознавать образы, обобщать полученную информацию. Сейчас это не просто заявление, а реализованная техническая возможность, представленная на всеобщее обозрение.

Исследователей волновал вопрос не только их практической реализации, но и установления контроля над ними, осознавая их особое положение среди всех других технических достижений человечества. Впервые этический вопрос и попытку урегулировать отношения между человеком и робототехникой предложил Айзек Азимов, описав в своём рассказе «Runaround», вышедшем в свет в 1942 г. В нем содержались три правила по нивелированию возможных конфликтов, вызываемых развитием цифровых отношений, а именно: 1) искусственно созданный робот не может причинить вред человеку ни действием, ни бездействием; 2) он должен подчиняться человеку (если это не противоречит первому правилу); 3) и он не может причинить вред самому себе (если это не противоречит предыдущим правилам). Но ещё первая заинтересованность

и постановка вопроса о безопасности ТИИ, было изложено ещё в 1863 г. С. Батлером в газете «The Press», под названием «Дарвин среди машин».

На данный промежуток времени этот вопрос еще более остро стоит на повестке дня, вызванный особым интересом мирового сообщества в их дальнейшем прогрессе. Он обусловлен различными категориями рисков в результате их практически бесконтрольной интеграции и внедрением в жизнедеятельность, работу государственных органов и коммерческих корпораций.

В частности, Президентом РФ В.В. Путиным было отмечено, что необходимо определить границы развития ИИ; разработать соответствующие этические, социальные и нравственные нормы при его использовании; обеспечить безопасность и разумность при его дальнейшем развитии; необходимо свести к минимуму угрозы для граждан.

В свою очередь, концепция риск-ориентированного подхода позволит еще на ранней стадии проанализировать социальную действительность на возможность дальнейшего её перехода в качественно негативное общественное явление.

Как отмечает в своем исследовании В.Н. Воронин, что цифровое общество требует от законодательства соответственно прогрессивных форм его регулирования и традиционными методами уголовно-правового воздействия добиться необходимого результата не получится. Поскольку уголовное право должно способствовать цифровому прогрессу и формированию цифрового общества, не создавая при этом излишних препятствий, действующий подход, связанный с оценкой общественной опасности какого-либо поведения и его криминализацией, не будет эффективным [4, с. 78]. Предлагаются введение в механизм правового регулирования нового термина «уголовно-правовой риск» и оценка на основе новой разработанной концепции рисков всех цифровых технологий посредством установления их потенциальной опасности для общества.

Как отмечает М.М. Бабаев: «...в ходе хорошо известных огромных цивилизационных процессов в глобальном обществе произошли изменения, принесшие бесконечное число самых разнообразных новых, ранее не известных миру опасностей и угроз. Экономические, технические, технологические, информационные, демографические, экологические и иные новации — все они, как известно, обладали и обладают одновременно как созидательным, так и разрушительным потенциалом» [1, с. 106]. Все эти положения безусловно обосновывают необходимость к принятию такой частной криминологической теории как криминальная рискология.

Как один из основополагающих сторонников учения о криминальной рискологии М.М. Бабаев определяет наполнительным содержанием в уголовной политике и криминологии дефиницию «риск», как возможная криминогенная опасность. Которая характеризуется, как реальная, но еще не реализованная потенциальная угроза.

Наряду с криминогенным процессом рассматривается процесс рискогенный, представляющий переход от потенциальной опасности к реализованной, непосредственно затрагивающий права и интересы граждан, охраняемые законом. Что касается напрямую скоротечного развития технологий ИИ и их практически бесконтрольной интеграции, рискогенный процесс может пройти за столь малый отрезок времени, в случае оставления его без должного контроля со стороны государственных органов.

Также своей позицией М.М. Бабаев обращает особое внимание на деятельность, направленную на сверххранную профилактическую работу, позволившую бы при должном подходе намного раньше реагировать на проявление криминогенных факторов, рассуждая над следующим: «...риск как возможная опасность является первой и потому самой значимой точкой роста криминала, а угроза как развитие опасности возникает на следующих этапах процесса детерминации, то в соответствии с принятой в литературе позицией реальная профилактика у нас начинается не «с самого начала», а с момента, когда криминогенная ситуация уже некоторым образом набрала силу» [2, с. 138].

Необходимо выстраивать криминологические прогнозы с учетом развития рискогенного процесса и своевременно вырабатывать соответствующие криминологические меры противодействия данному процессу, с целью взятия контроля над рискогенной ситуацией. Воздействие на риски — это не просто ранняя профилактика, это та специфическая работа, которую некоторые криминологи называют «сверххранной профилактикой» [3].

На текущий момент времени в следственной и судебной практике отсутствует указание об использовании технологий ИИ в преступной деятельности, но это не значит, что преступный мир не заинтересован в достижениях цивилизационного прогресса. К большому сожалению, именно преступный мир, в первую очередь, осваивает технические новеллы.

Данные разработки обладают определенными факторами риска, которые необходимо брать за основу, при создании комплексной криминологической системы профилактического воздействия, с целью минимизации их криминального проявления.

Во-первых, одной из основных форм реализации технологий ИИ выступают ИНС, которые в силу своей открытости, общедоступности и простоты в своем использовании, представленные в виде чат-ботов, позволяют любому пользователю, не обладающему техническими знаниями в области программирования, применять их потенциал, далеко не всегда в социально полезной форме.

Во-вторых, особенно остро стоит вопрос использования одного из методов синтеза контента-DeepFake, реализуемого посредствам ИНС. В частности, одним из первых преступлений, совершенных с помощью ТИИ, а именно ИНС DeepFake, в 2019 г. стало хищение крупной денежной суммы. Мошенники применили метод синтеза и генерации голоса директора банковской компании, тем самым, создав убедительную звуковую модель копии голоса. Представившись директором данной компании, мошенники дали поручения перевести определенную сумму денег на банковский счет в течение часа, что не вызвало подозрений у сотрудников, так как голос был идентичен оригиналу его носителя. Как отмечает в своем исследовании С.В. Лемайкина: «явление дипфейка для мошенничества и манипуляции общественным мнением – это общественно-опасная угроза всему информационному сообществу» [5, с. 178].

Согласно проведенному исследованию «Лабораторией Касперского» в 2023 г., среди опрошенных ими респондентов лишь 45 % осознают риск применения технологии DeepFake злоумышленниками и недоброжелателями [8].

Другое масштабное исследование, направленное на распознавание речевых и аудио-подделок, привело к следующим результатам: даже в контролируемой среде, где участники были заранее ознакомлены с подложными примерами - низкий уровень распознаваемости фейковых материалов, а с усложнением процесса и архитектуры технологии DeepFake успех на выявления подделки сводится практически к нулю [7]. Данные обстоятельства позволяют констатировать существование серьезных криминологических рисков для общества при дальнейшем развитии этой технологии.

В-третьих, барьер недопустимости (цензуры) «негативных» запросов не всегда предотвращает нахождение искомой информации, так как в силу непосредственного контакта пользователя с ИНС может корректироваться последовательность, цепочка действий, с целью обхода ценза, что позволяет его нивелировать.

В-четвертых, категория автономности функционирования ИИ волнует множество исследователей, изучающих вопросы его развития и использования. Особенно остро идут обсуждения вокруг установления правосубъектности при совершенном преступлении,

в котором были задействованы технологии ИИ. А именно, ставится вопрос, в результате чьих действий был достигнут преступный результат: от умышленных действий пользователя, разработчика или в результате сложноподчиненного цифрового генеративного процесса ИИ?

В-пятых, проблема «черного ящика», характеризуется отсутствием понимания, как сложная генеративная языковая модель (ИНС) принимает итоговое решение. Принцип функционирования ИИ содержит в себе коренную основу независимости проведения цифровых операций между искусственными нейронными связями, и сами разработчики данной технологии определяют, что на текущий момент невозможно проследить логическую цепочку последовательности действий принимаемых ими решений.

Зная особенности рискогенных факторов и их прямое влияние на формирование потенциальной опасности, в рамках сверххранной профилактической политики, необходимо осуществлять контроль над ними, а по возможности нивелировать воздействие на развитие прямой угрозы.

Таким образом, беря во внимание рискогенные факторы развития технологий ИИ, основными условиями снижения криминологических рисков при их активной интеграции будут являться:

- Разработка нормативно-правовых положений в области развития, внедрения и использования технологий ИИ, являющихся обязательными как для пользователей, так и для разработчиков;
- Решение вопроса об ответственности за причиненный вред технологиями ИИ, прогнозируя возможные варианты событий и учитывая уже сложившуюся преступную практику;
- Моделирование правовой концепции, с учетом сложившихся современных обстоятельств и дальнейшим прогнозированием развития технологий ИИ, по определению возможности представления ИИ как субъекта права;
- Проведение виктимологической политики, информируя населения о возможных негативных проявлениях ИНС и методов по защите от них;
- Запрет использования ИНС в медицинских, психиатрических и иных целях, в случае отсутствия непосредственного контроля со стороны специалиста (оператора), в которых напрямую присутствует риск для жизни или здоровья граждан;
- Ведение специального реестра ИНС и регистрация в цифровой среде всех пользователей, своевременное принятие необходимых мер на запросы пользователя экстремистского, националистического и т.п. характера;

- Формирование отличительных элементов продуктов, сгенерированных ИИ, с целью их различия;

- Создание цифрового учета в правоохранительных органах, отражающего основные преступные методы и формы использования технологий ИИ, для повышения эффективности работы подразделений, чья компетенция лежит в области противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий;

- Определение криминологически значимых элементов, отражающих место технологий ИИ в механизме совершения преступления, в целях создания комплекса мер по противодействию цифровой преступности.

Учитывая условия интеграции технологий ИИ, рассматривая их сквозь призму риск-ориентированного подхода, предоставляется возможность продолжать их дальнейшее повсеместное внедрение без вреда для общества, в полном соответствии с направлениями стратегического развития и основными принципами, закрепленным в Национальной стратегии.

Список литературы:

1. Бабаев М. М. Риски как компонент детерминационного комплекса преступности / М. М. Бабаев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 1 (41). – С. 104–110.

2. Бабаев М. М. Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология) / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. № 1. – С. 136–148.

3. Антонян Ю. М. Предупреждение преступности в России. М.: Можайский полиграфический комбинат, 2014. 314 с.

4. Воронин В. Н. Уголовно-правовые риски развития цифровых технологий: постановка проблемы и методы научного исследования // вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. 12. С. 73–80.

5. Лемайкина С. В. Актуальные вопросы противодействия использованию технологии дипфейков / С. В. Лемайкина // Юрист-Правоведъ. – 2022. – № 3 (102). – С. 175–178.

6. McCulloch W. S., Pitts W. A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity // Bulletin of Mathematical Biophysics. Vol. 5. 1943. P. 99–103.

7. Mai KT, Bray S, Davies T, Griffin LD (2023) Warning: Humans cannot reliably detect speech deepfakes. PLoS ONE 18(8): e0285333. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0285333>.

8. Лаборатория Касперского: международная компания, работающая в сфере информационной безопасности и цифровой приватности : сайт. – Москва, 1997 – . – URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2023_vidyat-perspektivy-no-osoznayut-riski-kak-rossiyane-otnosyatsya-k-dipfejk-tehnologiyam-umnym-chat-botam-i-generatoram-izobrazhenij?ysclid=lo7ko182b4260423396 (дата обращения: 28.07.2024).

Особенности осуществления оперативно-розыскной деятельности в киберпространстве: постановка проблемы

Аннотация. В статье освещается значение оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием и в сфере информационно-коммуникационных технологий. Рассматриваются основные аспекты, влияющие на эффективность оперативно-розыскной деятельности в киберпространстве. Формулируется вывод о том, что эффективная борьба с киберпреступлениями, должна основываться на постоянной модификации, смене форм, средств и методов борьбы с ними.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; цифровизация; киберпространство; киберпреступность.

В настоящее время использование цифровых технологий практически во всех сферах жизнедеятельности человека стало одним из условий его нормального существования. Современные технологии, включая глобальные компьютерные сети, предоставили неоспоримые преимущества, неся с собой комфорт, удобство и повышение уровня жизни. Но помимо существенных преимуществ использования информационно-коммуникационных технологий, эти технологии стали создавать угрозы, способные привести к серьезным негативным последствиям. Поэтому для эффективного и безопасного развития государству необходимо «страховаться надежными антикриминальными инструментами, как правовыми, так и организационными» [5].

Одним из первых компьютерных преступлений считается преступление, совершенное в 1969 году в США гражданином Альфонсе Конфессоре, который получив незаконно доступ к информации в компьютерной сети, совершил налоговое преступление, причинив ущерб на сумму 620 тысяч долларов. Первым подобным преступлением на территории СССР стало преступление, зарегистрированное

в 1979 году в г. Вильнюсе, где с использованием компьютера было совершено хищение на сумму 78 584 рублей.

Законодателям разных стран пришлось включать в уголовный закон соответствующие статьи, криминализирующие такие деяния, как кража информации, незаконное использование электронно-вычислительных машин, несанкционированное внесение изменений в компьютерную информацию, нарушение обработки и хранения информации, распространение вредоносных программ и т.д.

С течением времени преступления данной категории стали совершаться все чаще, а сложность их раскрытия и суммы причиняемого ущерба год от года стали увеличиваться.

Так, уже к 2019 году количество зарегистрированных преступлений с использованием компьютерных и коммуникационных технологий в России составило 294 409, а в 2023 году – 676 951. При этом общее количество ежегодно регистрируемых преступлений составляет около 2 млн.

Такому росту количества совершаемых киберпреступлений, прежде всего, способствует увеличение числа пользователей сети Интернет. Если в 2000 году их количество в мире составляло 350 млн. человек, то к началу 2024 года их число составило 5,35 млрд [3]. Другим не менее важным показателем является тот факт, что количество уникальных пользователей мобильными телефонами приблизилось к 5,61 млрд. Можно обосновано предположить, что тенденция по увеличению количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий будет продолжаться. Благодаря этим технологиям злоумышленникам удастся совершать различные виды преступлений, которые еще до недавнего времени считались сугубо традиционными. Особую опасность представляет использование современных информационно-коммуникационных технологий для осуществления широкомасштабного информационного воздействия на общество, «эти технологии могут быть использованы для дестабилизации общественно-политической ситуации в стране, а также для разжигания межнациональной и межрелигиозной розни» [9, с. 140].

Цифровая трансформация общества приводит к необходимости поиска новых, более эффективных способов борьбы с киберпреступностью. Органы внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД), и их оперативные подразделения, вносят существенный вклад в дело борьбы с современными видами преступной деятельности.

И здесь необходимо обратить внимание на два важных аспекта деятельности оперативных подразделений в условиях цифровизации. Во-первых, это уровень цифровизации общества, то

насколько массово и в каких сферах используются цифровые технологии. Во-вторых, уровень цифровизации самих ОВД, предусматривающий степень внедрения и использования в ОРД цифровых технологий. Решение данного вопроса является одним из приоритетных направлений в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, о чем свидетельствует принятая ведомственная программа цифровой трансформации МВД России на 2022-2024 годы и утвержденная распоряжением МВД России от 11.01.2022 № 1/37.

Одно из главных требований сегодняшнего дня обусловлено тем, что выполнение задач, стоящих перед оперативными подразделениями, становится невыполнимым без использования в их деятельности цифровых технологий. Хотя это вовсе не значит, что «нецифровые» методы и средства ОРД уступили место цифровым, однако, их результативностькратно снижается по сравнению с теми, в ходе которых были применены цифровые технологии.

В настоящее время, на фоне всеобщей цифровизации, преступная деятельность уже во многом определяется техническими возможностями современных информационно-коммуникационных технологий. Происходит ее качественное изменение, цифровая составляющая проникает в самые разнообразные составы преступлений. Даже личность преступника, специализирующегося на совершении преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий, которая еще недавно была достаточно хорошо изучена и имела свои отличительные черты, перестала быть однородной, происходит ее трансформация. В настоящее время киберпреступником может являться как высококвалифицированный человек, имеющий глубокие познания в области современных цифровых технологий, так и обычный пользователь коммуникационных технологий, который приобрел в Dark Net вредоносное программное обеспечение.

Исследование проблем, связанных с борьбой с данным видом преступных посягательств, является междисциплинарным, где ключевое значение отводится юридическим наукам, таким как уголовное, уголовно-процессуальное право, криминалистика, и теория оперативно-розыскной деятельности [1, с. 8].

Важнейшее значение для оперативно-розыскной науки приобретает познание формирующейся в глобальных сетях уникальной социальной среды, специфика которой заставляет заметно корректировать традиционные приемы и методы выявления и изобличения преступников, осуществления конкретных оперативно-розыскных мероприятий [6, с. 5].

В настоящее время о киберпространстве, которое является одним из ключевых условий цифровизации, закрепились представления, как о сложном социальном явлении, некоей среде проявления специфических общественных отношений и реализации определенных видов деятельности [4, с. 396].

Сами по себе компьютерные или информационно-коммуникационные сети уже давно перестали быть только техническим достижением. Исследователи (в первую очередь социологи), изучая общественные отношения, возникающие в процессе использования сетей, пришли к пониманию образования особой технико-социальной системы, сочетающей в себе материальные и нематериальные объекты и их связи [2, с. 8]. В настоящее время такая система играет важную роль не только в жизни отдельно взятого человека, но и государства в целом, особенно в обеспечении его информационной безопасности. При этом следует отметить, что «от уровня информационной безопасности государства зависит качественное функционирование его общества в целом» [8, с. 85].

Несмотря на появляющиеся возможности существенно расширить сферу применения оперативно-розыскной деятельности, сотрудниками оперативных подразделений киберпространство, по-прежнему, воспринимается, с одной стороны, как некая совокупность коммуникационных технологий, позволяющих осуществлять информационное взаимодействие между людьми и организациями. С другой стороны, киберпространство используется в качестве источника оперативной информации, поиск которой осуществляется по заранее установленному алгоритму, ключевым словам, или на определенных информационных ресурсах.

Такая практика использования в оперативно-служебной деятельности киберпространства создает множество ограничений и не позволяет в полной мере использовать его, как самостоятельную социальную среду, в которой можно и нужно проводить не только отдельные оперативно-розыскные мероприятия, но и осуществлять оперативно-розыскную деятельность в целом, а также затрудняет разработку и внедрение новых оперативно-розыскных методов борьбы с киберпреступностью.

Между тем, в киберпространстве сформирована своя разнородная, особая социальная среда, состоящая из тесных и устойчивых связей между людьми, что приводит к формированию особого вида общественных отношений. При этом те группы людей, которые имеют устойчивые антиобщественные взгляды и занимающиеся противоправными видами деятельности, могут рассматриваться как различного рода криминальные сообщества, члены которых объеди-

няются по определенным видам преступных деяний. Все это приводит к необходимости более полно использовать силы ОРД в киберпространстве.

Важно отметить, что в условиях осуществления ОРД в киберпространстве, особое значение имеет использование всего объема информации, находящегося в распоряжении не только различных оперативных подразделений, но и всех правоохранительных органов, которые, по мнению Г. Г. Саркисяна, «должны уйти от «локального» использования и удержания имеющихся ресурсов, в особенности информационных возможностей, которые в единоличном использовании тормозят весь процесс борьбы с преступностью и обеспечения общественной безопасности» [7, с. 23].

Организация и проведение оперативно-розыскных мероприятий в киберпространстве несет ряд преимуществ. Во-первых, проведение оперативно-розыскных мероприятий в киберпространстве отличается скоростью получения информации. Во-вторых, при грамотном планировании и соответствующем обеспечении аппаратно-программными средствами, такие оперативно-розыскные мероприятия, позволяют получать оперативно-значимую информацию максимально скрытно, не раскрывая ни ведомственную принадлежность, ни самого факта их проведения. В-третьих, позволяет решать задачи, выполнение которых без использования информационно-коммуникационных технологий будет крайне затруднительно или невозможно.

В заключении можно сказать, что эффективная борьба с преступлениями, совершаемыми с использованием или в сфере информационно-коммуникационных технологий, должна основываться на постоянной модификации, смене форм, средств и методов борьбы с ними. Это ведет к необходимости постоянного исследования киберпространства. Такое исследование должно основываться на более широком подходе в понимании киберпространства, включающее в себя не только технический аспект, основанный на восприятии цифрового пространства, как совокупности информационно-коммуникационных сетей, предназначенных для обмена информацией, но и как особого поля, обладающего пространственными характеристиками, в котором возможно ведение самых разнообразных видов деятельности.

Список литературы:

1. Ефремов К. А. Современные основы государственной политики России по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации : препринт / К. А. Ефремов. – Волгоград: ВА МВД России, 2016, 96 с.
2. Журавлев Е. Ю. К определению сети Интернет // Технологии информационного общества : труды Всерос. конф. СПб., 2004. С. 8–10.
3. Интернет-портал «DataReportal» – Глобальная цифровая аналитика». URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-overview-report>. (дата обращения: 01.08.2024).
4. История философии: энциклопедия. Минск, 2002. 562 с.
5. Овчинский В. С. Финансовая «Матрица». Криптовалюта, блокчейн и криминал. Ежедневное интерактивное издание «Завтра.ру». URL: <https://zavtra.ru/blogs/kriptovalyuta-blokchejn-i-kriminal>. (дата обращения: 01.08.2024).
6. Осипенко А. Л. Оперативно-розыскная деятельность по борьбе с преступностью в глобальных компьютерных сетях: монография / А. Л. Осипенко. – Омск : Омская академия МВД России, 2010. 287с.
7. Саркисян Г. Г. Теоретическая и правовая основы оперативно-аналитической деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: основные выводы и предложения // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 16–24.
8. Саркисян Г. Г. Информационно-пропагандистское сопровождение деятельности государства по обеспечению информационной безопасности в дореволюционной России // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67). С. 77–87.
9. Саркисян Г. Г., Булгаков С. С. Деструктивное информационное воздействие в сети Интернет: постановка проблемы // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 2 (66). С. 138–144.

Особенности причинного комплекса преступности иностранных мигрантов на территории России в современных условиях

Аннотация. В данной статье автор рассматривает некоторые особенности причинного комплекса преступности иностранных мигрантов на территории Российской Федерации в современных геополитических условиях. Данный причинный комплекс включает в себя составляющие всех сфер жизнедеятельности общества: экономической, социальной, духовной, культурной и политической. Каждая из вышеназванных сфер требует тщательной проработки с целью выявления тех факторов и особенностей, которые обуславливают этот сложный многоаспектный комплекс.

Ключевые слова: причины и условия; детерминанта; иностранный мигрант; социально-экономические условия; неформальный контроль; монопричина.

Понятие причин и условий, то есть факторов, детерминирующих преступность любого вида, за последние десятилетия претерпевало значительные изменения. Прежде всего, стоит обратить внимание на комплекс убеждений идеологизированного советского общества относительно существования преступности, которая в целом считалась пережитком прежнего государственного строя и результатом негативного влияния западного империализма. В советском обществе, а, следовательно, и в научных изысканиях, долгое время отрицались социально обусловленные факторы причин преступности. Иначе говоря, отвергалась очевидная прямая зависимость показателей преступности от различных, существующих в тесном взаимодействии между собой, сфер жизнедеятельности граждан.

Развитие научной мысли с начала 60-х годов XX в. в рамках криминологии о детерминантах преступности в целом, о причинном комплексе преступлений отдельных ее видов и развития на этой

основе теорий предупреждения практически каждого вида и рода преступной деятельности свидетельствует о действительном расширении и углублении научного знания в этом направлении. Заслуга в развитии социального детерминизма и признания преступности «вечным явлением», полностью зависящим от общества, его членов, особенностей внутренней и внешней политики государства, выделения группы субъективных признаков преступности, по праву принадлежит советским ученым-криминологам. Фундаментальные труды о причинах, условиях и факторах преступности в России, взятые за основу современными учеными, созданы такими профессорами, как Д. А. Дриль [3], И. И. Карпец, Н. Ф. Кузнецова [4], Г. А. Аванесов [1], Н. А. Неклюдов, Ю. М. Антонян [2], И. С. Ной, и многими другими, не менее уважаемыми учеными.

С учетом постоянного развития и глобализации общества, помимо позитивных аспектов в виде достижений научно-технического прогресса, социально-экономического благополучия, научных достижений во всех сферах, получили свое развитие и новые виды преступной деятельности. Так, в связи с открытостью границ с большинством государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, процесс миграции иностранных граждан и лиц без гражданства стал протекать значительно проще для его участников. Упрощенный порядок пересечения государственной границы, а также незаконная миграция из указанных стран, безусловно, формируют негативное влияние на уровень преступности иностранных мигрантов, а также на криминальную обстановку в стране в целом.

Относительно общих вопросов преступности в России, а также аспектов рассматриваемого автором статьи причинного комплекса преступности иностранных мигрантов на российской территории, необходимо понимать, что изучение такого объемного направления не может быть полностью осуществимо лишь посредством собственно криминологии. Преступность иностранных мигрантов — результат сложной многоуровневой детерминации, включающей в себя множество взаимообуславливающих друг друга факторов, поскольку явление преступности в общем, и преступность иностранных мигрантов в частности, являются, по сути, лишь частью более общей категории — социальной девиации [5, 248], обусловленной рядом социально значимых факторов.

Главной особенностью, предопределяющей целостный причинный комплекс такого явления, как преступность иностранных мигрантов, стоит назвать зависимость от благосостояния и полноты реализации экономической, социальной, духовной, и, что немаловажно в данном контексте, политической сфер общества.

В современных условиях просто невозможно сводить всё многообразие детерминирующих признаков к одной, глобальной монопричине [6, 57]. Такой узкий подход не будет отвечать всем требованиям и запросам общества, а также полно отражать сложный комплекс детерминант.

Одной из причин миграции населения является вынужденное переселение из страны гражданства, что говорит о поиске вновь прибывшими в другую страну лицами устойчивого политического устройства и стабильности со стороны государства, уверенности в своей безопасности и полной уверенности в своем будущем и в благополучной судьбе своих детей. Политическая составляющая играет решающую роль в определении линии поведения иностранных мигрантов, в том числе в формировании правосознания или формировании антиобщественных установок в новом для них обществе.

Данный факт, возможно, и не прямо, но опосредованно во многом влияет на характеристики и мотивации тех лиц, которые собираются пересечь Государственную границу Российской Федерации и в дальнейшем осуществлять трудовую и иную деятельность на ее территории. Любое проявление преступности, а особенно преступности иностранных мигрантов, это некое противостояние конкретного преступника или группы преступников, направленное против государства, его благополучия и его интересов. Поэтому можем справедливо утверждать, в том числе, о политических причинах и особенностях, составляющих причинный комплекс данного вида преступной деятельности.

Одной из важнейших особенностей, входящих в причинный комплекс преступности иностранных мигрантов на территории России, является трансформация таковых из трудовых мигрантов в незаконные [7, 435]. Феномен данного рода преступной деятельности обусловлен тем, что изначально у этой группы граждан не наблюдается преступных целей. Однако в дальнейшем, в результате складывающихся неблагоприятных для мигрантов социально-экономических обстоятельств, их деятельность перерастает в криминальную. Осуществление личных целей именно преступным путем обусловлено, прежде всего, низким уровнем социального и экономического обеспечения иностранцев, осуществляющих трудовую деятельность в нашей стране.

Следующей особенностью, и одновременно фактором, способствующим данной трансформации, а также увеличению удельного веса преступности иностранных мигрантов в структуре общей преступности, можем назвать периодические экономические кризисы

и связанные с ними распределительные экономические отношения. Нужно понимать, что напрямую данные явления не влияют непосредственно на действия преступников, но они, тем не менее, создают благоприятные для этого условия, а также воздействуют на них, преломляясь через особенности структуры личности иностранного мигранта.

Потребность в более достойном заработке и оплате труда чаще всего приводит иностранных мигрантов к преступному виду деятельности. При этом более высокий уровень дохода от преступной экономической деятельности, по сравнению с уровнем легальной деятельности, побуждает иностранных мигрантов к осуществлению противоправных деяний. Именно эти противоречия между ростом потребностей иностранных мигрантов и способностями общества в их удовлетворении именно законным путем и будут ключевой особенностью причинного комплекса преступности выбранной для исследования категории лиц.

В современных условиях, в силу значительного количества «громких дел», подозреваемыми и обвиняемыми в которых становятся иностранные мигранты из ближнего зарубежья, граждане России всё больше опасаются и сторонятся таких лиц. Установки и ценностные ориентации некоторых иностранных мигрантов могут быть весьма опасны и негативно воспринимаемы россиянами. Это не всегда позитивно отражается на взаимоотношениях приезжего и местного населения. В данном случае видим, что наличие взаимной отчужденности иностранных мигрантов и местного населения российских регионов становится также криминогенным фактором, обуславливающим наличие возрастающей преступности иностранных мигрантов на территории России. Данный фактор также можем назвать особенностью причинного комплекса преступности иностранных мигрантов на современном этапе развития российского общества. Острые противоречия в международных отношениях, возникшие за последние несколько лет, значительно отразились на многих сферах деятельности государства. В том числе это также повлияло и на миграционные потоки и конкретные лиц, прибывающих в нашу страну, которые могут нести в себе деструктивные для российских граждан идеи и мысли, воплощающиеся в дальнейшем в конкретные противоправные действия.

Немаловажной особенностью, влияющей на формирование причин преступности иностранных мигрантов на территории Российской Федерации, является процесс адаптации таких граждан. Во многом определяет этот процесс степень соответствия их образа жизни на родине образу жизни в новом для них госу-

дарстве. Среди мигрантов из стран ближнего зарубежья, а именно Закавказья и стран СНГ, значительную часть составляет бывшее сельское население, где присутствует высокий уровень неформального контроля и сохраняется патриархальный образ жизни. Приемлемый стандарт поведения таких лиц долгие годы был обусловлен жестким неформальным контролем со стороны близких родственников, друзей, знакомых, а не нормами закона. При переезде в Россию такой контроль нивелируется, что также может стать одним из криминогенных факторов преступности иностранных мигрантов.

Особенностями, детерминирующими преступность иностранных мигрантов, также являются и алкоголизация и наркотизация населения, которые можно обозначить как один из неизменных сопутствующих признаков как преступности в целом, так и преступности иностранных мигрантов в частности. Причастность данной категории лиц к незаконному приобретению, хранению, перевозке, изготовлению и продаже наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, к сожалению, постоянно фигурирует в данных ведомственной статистики. Более 50 % преступлений и правонарушений, совершаемых иностранными мигрантами, происходят в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Данный негативный факт является ничем иным, как отягчающим обстоятельством, а также фактором, провоцирующим и порождающим новые преступные деяния.

Таким образом, в пределах настоящей статьи были рассмотрены лишь некоторые особенности причинного комплекса преступности иностранных мигрантов на территории России, которые касаются каждой из сфер жизнедеятельности современного российского общества. Причины преступности иностранных мигрантов не могут сводиться к монопричине, они представляют собой особый сложный и многоаспектный причинный комплекс, решение которого будет заключаться в развитии каждой из общественных сфер. Сказанное включает в себя и стабилизацию экономики, и обеспечение достойного уровня социальных условий, и достижение высокого уровня толерантности в обществе, и сохранение и приумножение культурных ценностей, путь к которым действительно занимает значительное количество времени и зависит также от ресурсообеспеченности. При этом необходимо понимать, что международное сотрудничество в этой связи будет ключевым аспектом и должно осуществляться на постоянной основе в целях выявления актуальных причин и условий преступлений среди иностранных мигрантов.

Список литературы:

1. Аванесов А. Г. Преступность и ее причины в СССР [Текст автореф.] / под ред. К. Е. Игошева; Акад. МВД СССР. Кафедра профилактики правонарушений. – М.: [б. и.], 1976, обл. 1977. – 48 с.
2. Антонян Ю. М. Личность преступника. Криминологическое исследование / Ю. М. Антонян, В. С. Эминов. – М., 2010. – 366 с.
3. Дриль Д. А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Д. А. Дриль. – М., 2006. – 769 с.
4. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / Н. Ф. Кузнецова. – М., 1984. – 208 с.
5. Номоконов В. А. Причины преступности в современной России: проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-prestupnosti-v-sovremennoy-rossii-problema-obostryaetsya> (дата обращения: 17.05.2024).
6. Прокументов Л. М. Отечественные научные концепции причин преступности / Л. М. Прокументов, А. В. Шеслер // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennye-nauchnye-kontseptsii-prichin-prestupnosti> (дата обращения: 26.05.2024).
7. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества / П. В. Агапов, Г. В. Антонов-Романовский, В. К. Артеменков [и др.]; под общ. ред. Р. В. Жубриной; Академия Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М.: Проспект, 2020. – 656 с.

Глущенко Сергей Николаевич,
слушатель 2-го факультета,
Академия управления МВД России

Димидов Дмитрий Сергеевич,
слушатель 2-го факультета,
Академия управления МВД России

УДК 342.9

Актуальные проблемы противодействия коррупции в условиях проведения специальной военной операции

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы противодействия коррупционной деятельности в современной военно-политической обстановке. Авторы делают акцент на актуализации важности противодействия коррупции в вооруженных силах, а также в иных органах исполнительной власти, осуществляющих свою деятельность на вновь присоединенных к Российской Федерации территориях.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; специальная военная операция.

Сфера государственного управления всегда является зоной конфликта, в которой переплетаются личные интересы субъектов управленческой деятельности и публичных интересов, проводником которых эти субъекты выступают.

Причины этого положения глубоки и неискоренимы, поскольку напрямую связаны с природой человека, который не может полностью отрешиться от своих личных потребностей и желаний. Получение субъектом доступа к властным полномочиям, бюджетным средствам и другим инструментам управления неизбежно приводит к появлению новых потребностей и желаний, а значит и соблазна распорядиться этими инструментами в личных корыстных целях. Когда это происходит, наносится вред эффективности государственного управления.

Каждое, пусть малое проявление коррупции вносит свой вклад в ухудшение общего уровня жизни граждан вследствие неполуче-

ния ими тех плодов государственного управления, которые должны были быть получены в случае надлежащего (не коррумпированного) исполнения должностными лицами своих функций. В свою очередь, совокупность проявлений коррупции создает негативный информационный фон государственного управления. Граждане теряют доверие сначала к отдельным должностным лицам, затем к категориям должностных лиц.

В качестве примера можно привести Госавтоинспекцию. Не секрет, что за этим органом власти тянется негативный информационный фон, в сознании граждан на протяжении десятилетий сотрудники Госавтоинспекции ассоциируются с взятками. Ситуацию удалось в некоторой мере переломить лишь к концу 2010-х годов [1]. Также не высок уровень доверия граждан к военным, государственным медицинским учреждениям и т.п. Это последствия проявлений так называемой «низовой» коррупции, с которыми граждане сталкиваются непосредственно.

Одновременно достоянием общественности становятся результаты расследований по фактам коррупции высших должностных лиц, с которыми граждане непосредственно не сталкиваются, но которые в значительно большей степени вносят свой негативный вклад в эффективность государственного управления. В результате подрывается доверие граждан к государственному аппарату в целом. Как справедливо отмечает А. Н. Трусов «отечественный государственный механизм начинает все чаще «прокручиваться» и работать «вхолостую», а эффективность государственных потенциалов сильно минимизирована» [2, с. 39]. Негативные последствия коррупционных проявлений сложно переоценить. В отечественной правовой науке сформировалось устойчивое мнение о пагубности рассматриваемого явления. Так В. А. Номоконов справедливо указывает, что «коррупция стремится не только к аккумулярованию сферы влияния на государственную власть и установлению контроля над ней, но и к негативной трансформации права, а также к деформации правосознания населения, что влечет в целом дискредитацию государственной власти и в конечном итоге государство как суверенное образование прекращает свое существование» [3, с. 7].

Если в мирное время последствия коррупции, как правило, носят растянутый во времени характер и влекут постепенное ухудшение государственного управления, а значит и общего уровня социально-экономической сферы, то в условиях военного конфликта последствия могут быть значительно более быстро реализуемы и вместе с тем более губительны. Например, коррупционные проявления в области взаимодействия вооруженных сил и военно-про-

мышленного комплекса способны подорвать обороноспособность государства в целом на годы вперед и одновременно повлечь гибель личного состава здесь и сейчас. Так в апреле-мае 2024 года широкий резонанс получили уголовные дела в отношении представителей высшего руководства Минобороны Российской Федерации. В условиях военного противостояния на территории Украины, факты незаконного обогащения руководителей оборонного ведомства в особо крупных размерах, безусловно, повлекли за собой ухудшение обороноспособности государства в целом. Ведь денежные средства могли быть израсходованы на укрепление инфраструктуры на приграничных территориях, которые сегодня подвергаются регулярным атакам со стороны вооруженных сил Украины.

Выше отмечалось одно из последствий коррупционной деятельности в виде подрыва доверия граждан к государственным институтам. Результаты коррупции в вооруженных силах еще более плачевны. В первую очередь и в наибольшей степени подрывается доверие военнослужащих к собственному руководству. Как результат – ухудшение уровня боеспособности подразделений, чему посвящена, например, работа Р. Ф. Гараева [5, с. 105–109].

Отмечая, что вооруженные силы Российской Федерации, безусловно, в условиях проведения специальной военной операции должны быть в приоритетном фокусе борьбы с коррупцией, не следует обходить вниманием и иные органы исполнительной власти. В первую очередь, на взгляд авторов, это должно касаться деятельности должностных лиц на вновь присоединенных к Российской Федерации территориях. Российскому государству еще только предстоит завоевать доверие большого количества своих новых граждан, которые к тому же в настоящий момент проживают в чрезвычайно тяжелых условиях. В такой ситуации необходимо пресекать коррупционные проявления на низовом уровне, там, где граждане напрямую соприкасаются с государством в виде его должностных лиц. Министерство внутренних дел Российской Федерации в этом случае также должно максимально задействовать свои резервы для противодействия коррупции в своих рядах.

Меры противодействия коррупционным проявлениям на современном этапе в России определены и закреплены в правовом поле. Центральным правовым актом в рассматриваемой сфере выступает Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 19.12.2023)¹. Также продолжает действовать

¹ О противодействии коррупции. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) // СЗ РФ, 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 6228

Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы»¹.

Очевидно, что названный указ принимался в иной военно-политической ситуации, так акцент в нем сделан, например, на противодействии коррупции в сфере расходования бюджетных средств в области антиэпидимических мероприятий. В ближайший год документ, очевидно, будет пересмотрен. Следует отметить, что вопросам планирования противодействия коррупции и совершенствованию механизмов данной деятельности посвящено значительное количество работ [5, с. 148–153; 6, с. 78–89; 7, с. 36–45].

Остановимся более детально на тех проблемах противодействия коррупции, которые характерны для современной военно-политической обстановки.

Первая предпосылка к осложнению коррупционной ситуации связана с прохождением службы участниками СВО, которым предназначено денежное довольствие в различных формах [8]. Это положение дел открывает ряд коррупционных возможностей для должностных лиц, ответственных за денежное довольствие военнослужащих и членов их семей. К категории данных должностных лиц в первую очередь относится непосредственное и прямое воинское руководство военнослужащих. Предпосылки к сложившейся ситуации рассмотрены, например, в журналистском расследовании телеканала «Царьград» [9]. Одновременно с этим, проведение СВО требует от государства отойти от отдельных важнейших принципов противодействия коррупции. Так, например, в ходе боевых действий невозможно открыто публиковать налоговую отчетность и сведения об имуществе должностных лиц, которые напрямую задействованы в СВО, что может повлечь прямой риск для их жизни и здоровья.

Преодоление данной проблемы, относящейся к низовой коррупции, лежит вне пределов компетенции органов внутренних дел и относится к компетенции Военной прокуратуры Российской Федерации, которой следует на взгляд авторов усилить контроль за начислением денежного довольствия и распоряжения им, а также за действиями должностных лиц, ответственных за названную сферу деятельности. Собственно, такое поручение Президент Российской Федерации уже отдал органам прокуратуры на Расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры [10]. Данная пробле-

¹ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы. Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47119> (дата обращения 08.06.2024).

ма является ключевой, поскольку подобные коррупционные деяния в наибольшей степени подрывают доверие к государству со стороны наиболее лояльных и самоотверженных граждан, которые ко всему прочему имеют навыки боевых действий.

Вторая проблема, которая также относится к компетенции Военной прокуратуры Российской Федерации, связана с объективным уничтожением материально-технических ресурсов и военной техники в результате ударов противника. Безусловно, незаконные списания материально-технических ресурсов и военной техники по результатам ударов военного противника также открывает существенные коррупционные возможности для должностных лиц, ответственных за материально-техническое снабжение вооруженных сил, ведь именно в их компетенции остается фиксация потерь.

Существенным фактором осложнения коррупционной ситуации выступает выделение значительных денежных средств на восстановление освобожденных в ходе СВО территорий, которые реализуются частными компаниями подрядчиками и субподрядчиками. Оценкой реально нанесенного ущерба занимается местная администрация, а также подразделения Следственного комитета Российской Федерации. Так, например, ущерб, нанесенный Мариуполю, требующему восстановления, глава СК РФ оценил в свыше 176 млрд. руб. [11]. Данное обстоятельство открывает широкие коррупционные возможности для должностных лиц, ответственных за восстановление вновь присоединенных к Российской Федерации территорий. Эти возможности напрямую связаны со сращением государства и бизнеса, в том числе крупного. Данное явление в большей части уже относится к проявлениям «верхушечной» коррупции, и, следовательно, преодоление данной проблемы может быть выполнено только на основе политической воли высшего руководства российского государства. Кроме этого, при проведении государственных закупок российской антикоррупционное законодательство также декларирует и устанавливает принцип открытости, что предполагает размещение заявок на выполнение контрактов в открытом доступе в сети Интернет. Отдельные государственные закупки, безусловно, требуют напротив полной закрытости для противодействия военным разведкам других государств. Также существенным фактором, способствующим коррупционным проявлениям на вновь присоединенных к РФ территориях является то, что далеко не все компании – поставщики государственных услуг в состоянии принимать участие в тендерах на их оказание в силу рисков, связанных с СВО.

При этом СК РФ и Генеральная Прокуратура РФ, несомненно, обязаны приоритетно обратить свои оперативно-розыскные и контрольно-надзорные функции на процессы распоряжения средствами, выделяемыми на восстановление новых территорий РФ.

Отдельно следует рассмотреть фактор «низовой» коррупции на вновь присоединенных к Российской Федерации территориях. В большинстве органы исполнительной власти районного уровня на этих территориях укомплектованы проживающими там гражданами, которые в свою бытность гражданами Украины занимали те же самые или смежные должности. При этом в общественном сознании граждан России укоренено мнение о чрезвычайно высоком уровне коррупции в органах власти Украины. При том, что реальный уровень коррупции в различных странах едва ли можно объективно сравнивать, данное обстоятельство не беспочвенно и неоднократно подвергалось научным исследованиям. Некоторые авторы выделяют коррупционную составляющую в качестве экономико-образующей в современном Украинском государстве [12, с. 99–104].

При всем уважении к вновь приобретенным гражданам и занимаемым ими должностям, российское государство на настоящем этапе вынуждено обеспечить строгое применение уже имеющих в Российской Федерации правовых и организационных мер для борьбы с коррупцией в органах исполнительной власти.

На примере органов внутренних дел Российской Федерации следует выделить ряд правовых норм, за соблюдением которых необходим наиболее тщательный контроль на вновь присоединенных территориях. В первую очередь, это Федеральный закон Российской Федерации «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ и положения, закрепленные в его статьях 14, 30, 80, связанных с назначениями и переводами сотрудников по должностям. В названных статьях заложена российская государственная политика по преодолению nepотизма. Статьи 12, 18, 82.1 определяют необходимость фиксации доходов и расходов сотрудников органов внутренних дел. Эти правовые нормы направлены на обеспечение контроля законности получения доходов сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации.

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 30.11.2011 N 342-ФЗ (ред. от 26.02.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2024) // СЗ РФ, 05.12.2011, № 49 (ч. 1), ст. 7020,

Перечень внутриведомственных правовых актов, направленных на организацию исполнения федерального законодательства, можно найти на официальном сайте МВД России, он достаточно объемен¹.

Таким образом, на взгляд авторов, существующее в современной Российской Федерации правовое поле противодействия коррупции достаточно для осуществлений рассматриваемой деятельности в условиях проведения специальной военной операции. При этом, несомненно, в рассматриваемых условиях существует ряд вызовов и проблем, требующих политического реагирования со стороны должностных лиц, как высшего руководства страны, так и руководства отдельных органов исполнительной власти. В частности, руководящему составу органов внутренних дел Российской Федерации следует расставить акценты на противодействии коррупции в собственных подразделениях на вновь присоединенных территориях.

Список литературы:

1. Государственная инспекция безопасности дорожного движения: доверие и оценки работы // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/-gosudarstvennaya-inspekciya-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya-doverie-i-ocenki-raboty-> (дата обращения 08.06.2024).
2. Трусов Н.А. Об отдельных критических взглядах на законодательство о противодействии коррупции России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4(40). – С. 39-45. С.39
3. Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. Монография под ред. Номоконова В.А. Владивосток, 1999. С.7.
4. Гараев Р.Ф. Коррупция в Вооруженных Силах как один из элементов деформации правосознания военнослужащих // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2015. – № 12(222). – С. 105-109.
5. Ищук, Я. Г. Планирование борьбы с коррупцией / Я. Г. Ищук, Е. И. Небогатикова // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сборник трудов II Всероссийской

¹ Ведомственные нормативно-правовые акты МВД России в области противодействия коррупции // Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/anticorr/NPA/acts> (дата обращения 12.06.2024).

(с международным участием) научно-практической конференции (Кострома, 27-28 апреля 2023 г.), Кострома, 27–28 апреля 2023 года. – Кострома: Костромской государственный университет, 2023. – С. 148-153.

6. Фильченко А.П. Принципы антикоррупционного комплаенса и проблемы их реализации / А.П. Фильченко // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 2(66). – С. 78-89.

7. Победкин А.В. Особенности уголовного судопроизводства в отношении отдельных категорий лиц: минимизировать этические и коррупционные риски / А.В. Победкин, В.Н. Яшин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 3. – С. 36-45.

8. Льготы участникам СВО: Какие выплаты и госгарантии предусмотрены для военнослужащих // Официальный сайт компании «Гарант». [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/article/1684339/> (дата обращения 08.06.2024).

9. «Мёртвые души». Деньги бойцов СВО уходят несуществующим солдатам? // Официальный сайт телеканала «Царьград». 20.02.2023. [Электронный ресурс] URL: https://tsargrad.tv/articles/mjortvye-dushi-dengi-bojcov-svo-uhodjat-nesushhestvujushhim-soldatam_726438 (дата обращения 20.06.2024)

10. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73735> (дата обращения 08.06.2024).

11. Интернет-публикация // Официальный канал А.И. Бастрыкина [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/bastrykin/684> (дата обращения 12.06.2024).

12. Мазур И.И. Коррупция как институт экономики Украины // Стратегическое и проектное управление: сборник научных статей / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский Государственный Национальный Исследовательский Университет»; Пермский филиал Московского отделения Project Management Institute; ООО «Парма-Телеком»; В.Г. Прудский. Том 4. – Пермь, 2012. – С. 99–104.

Соотношение понятий качества и эффективности уголовного процесса

Аннотация. В статье рассматриваются понятия качества и эффективности уголовно-процессуальной деятельности; представлены мнения ученых относительно данных понятий; предпринята попытка сопоставления данных понятий применительно к уголовному процессу.

Ключевые слова: уголовный процесс; качество; эффективность; совершенствование уголовно-процессуальной деятельности.

Уголовный процесс является одним из важнейших видов правоприменительной деятельности, направленной на защиту граждан и общества от преступных посягательств. В связи с этим и государство, и общество заинтересованы в том, чтобы деятельность государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, соответствовала его назначению, обеспечивала общественные интересы в данной сфере и удовлетворяла потребность человека в личной безопасности и защищенности. Поэтому совершенно закономерно, что стремление к совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности рассматривается и уголовно-процессуальной наукой, и законодателем, и правоприменителем как положительная установка, способствующая наиболее четкому функционированию уголовного процесса.

Проблемы совершенствования уголовно-процессуальной деятельности в отечественной науке длительное время остаются значимыми и актуальными; ученые зачастую связывают его с повышением качества и эффективности предварительного расследования и судебного разбирательства [3; 8; 10]. Однако, как справедливо указывал В.И. Власов, «понятие эффективности и качества не тождественны» [3, с. 31].

Действительно, понятия качества и эффективности не синонимичны, предпримем попытку рассмотреть и сопоставить данные понятия применительно к уголовно-процессуальной деятельности. Оба понятия являются оценочными, единого их определения в науке уголовно-процессуального права не выработано, законодательно закрепленных дефиниций также нет.

В науке уголовного процесса относительно понятия качества существуют различные точки зрения. Так, под обеспечением качества предварительного расследования понимается достижение конечной цели уголовного процесса по уголовному делу при минимуме ущемления законных интересов участников [1, с. 56]. Существует мнение, что качество расследования в совокупности определяют законность, всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств, обоснованности и мотивированности обвинения [5, с. 29]. Также качество предварительного расследования рассматривается через способность своим результатом удовлетворять общественную потребность в доступе к правосудию [7, с. 41].

Представляется, что качество – это степень пригодности для использования по назначению; а качество уголовно-процессуальной деятельности – это степень ее соответствия установленным уголовно-процессуальным законом «требованиям» (соответствующим, в свою очередь, принципам уголовного судопроизводства и обеспечивающим справедливое разрешение уголовного дела), которая определяет ее пригодность и способность к функционированию, соответствующему назначению уголовного судопроизводства.

В.И. Власов в своем труде «Расследование преступлений. Проблемы качества» выделял уровни качества расследования – высокий, средний и низкий. Вопрос о соотношении уровней качества уголовного процесса требует отдельного исследования; что же касается оценки качества, на наш взгляд, «измерить» его по конкретному уголовному делу возможно по своевременно принятым процессуальным решениям; соблюдению разумного срока; верной квалификации преступления; допустимости, достоверности и достаточности доказательств; всесторонности, полноте и объективности расследования; полноте сбора характеризующего материала на обвиняемое в совершении преступления лицо и др., то есть тем требованиям, которые предъявляет законодатель в УПК РФ к уголовному судопроизводству.

Эффективность уголовно-процессуальной деятельности, на наш взгляд, – более широкое и сложное понятие, определяющееся совокупностью критериев. Учеными-правоведами эффективность уголовного судопроизводства также рассматривается по-разному: как

степень соответствия достигнутого результата поставленной цели [9, с. 88; 6, с. 92; 4, с. 251; 8, с. 13; 12, с. 58; 10, с. 24]; как соотношение между результатом и затратами [2; 8; 13, с. 5]; через положительное влияние на общественные отношения [11, с. 13] и др.

Нами предлагается определение понятия эффективности уголовно-процессуальной деятельности как показателя способности достигать результата, соответствующего назначению уголовного судопроизводства, гарантирующего тем самым соблюдение прав и законных интересов личности, при условии оптимального использования необходимых для этого ресурсов. В качестве критериев эффективности, соответственно, мы выделяем: результативность, соответствие назначению уголовного процесса, оптимальное использование ресурсов, затрачиваемых при осуществлении уголовного судопроизводства.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о соотношении понятий качества и эффективности уголовного процесса: качественная уголовно-процессуальная деятельность способствует достижению результата, соответствующего назначению уголовного судопроизводства, и является одним из признаков эффективности. Совершенно очевидно, что отсутствие качества не позволит признать уголовно-процессуальную деятельность эффективной. Вместе с тем, по одному признаку качества уголовно-процессуальной деятельности нельзя сделать вывод об ее эффективности.

В заключение следует подчеркнуть важность качественного расследования уголовного дела, обеспечивающего, в свою очередь, эффективность уголовного судопроизводства, что обосновывает необходимость стремления к повышению как качества, так и эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

Список литературы:

1. Батыщева Е. В. Актуальные вопросы и проблемы качества предварительного расследования и пути их решения // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – № 3 (82). – С. 55–60.
2. Богатский Д. В. Оптимизация норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации как средство повышения эффективности деятельности правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2007. – 25 с.
3. Власов В. И. Расследование преступлений. Проблемы качества. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. – 199 с.

4. Данилюк А. И., Рахлевский М. П. Понятие эффективности предварительного расследования // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1984. – 255 с.
5. Зникин В. К. Понятие эффективности и качества предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. - № 1 (11). – С. 25–32.
6. Либус А. И. Эффективность защиты в советском уголовном процессе. // Советское государство и право, 1974. № 3. – С. 91–95.
7. Нечаев А. А., Курилов С. И. Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: учебное пособие. – М.: Академия управления МВД России, 2021. – 124 с.
8. Пашкевич П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. – М.: Юрид. лит., 1984. – 176 с.
9. Стрёмовский В. А. Актуальные проблемы организации и производства предварительного следствия в СССР. Краснодар. 1978. – 142 с.
10. Томин В. Т., Попов А. П. Эффективное уголовное судопроизводство: управленческие, социальные и правовые аспекты. Пятигорск. 2003. – 112 с.
11. Фаткуллин Ф. Н. Актуальные вопросы эффективности советского уголовного процесса // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – С. 3–27.
12. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность: монография / М. Д. Шаргородский. - Л., 1973. – 160 с.
13. Эффективность применения уголовного закона. М.: «Юрид. лит.», 1973. – 208 с.

Гузь Михаил Евгеньевич,
заместитель начальника управления
по контролю за оборотом наркотиков –
начальник отдела по противодействию
наркоугрозе в сети Интернет,
УМВД России по Ямало-Ненецкому
автономному округу
E-mail: sosnovski85@mail.ru

УДК 343

Эволюция оперативно-правовой деятельности и ключевые векторы ее развития

Аннотация. Статья посвящена вопросам становления и зарождения становления оперативно-розыскной деятельности. Исследуются история правового регулирования оперативно-розыскной деятельности как системы разведывательно-поисковых мер. Раскрываются этапы ее периодизации.

Ключевые слова: сыск; тайная полиция; оперативно-розыскная деятельность; уголовный розыск; оперативно-розыскные мероприятия.

На государственном уровне идет борьба с преступлениями, активно применяются различные меры, но несмотря на это показатели преступлений все еще остаются на высоком уровне. Так согласно данным ГИАЦ МВД России в 2023 году на территории страны, зарегистрированной 1947,2 тыс. преступлений из них 589 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (прирост с 2022 г +9%). При этом значительное число преступлений совершается в условиях неочевидности.

Борьба, с любого рода преступными проявлениями, представляет собой важную функцию любого государства. Одной из функций является проведение оперативно розыскной деятельности по выявлению виновных лиц. Оперативно-розыскная деятельность в своем развитии и становлении прошла сложный и долгий путь.

Изучая работы авторов, труды которых посвящены истории оперативно-розыскной деятельности, можно заключить, что до настоящего времени...) единого подхода к периодизации нет. Так, К.К. Горяинов, Е.В. Овчинский и А.Ю. Шумилов выделяет три базовых периода в становлении оперативно-розыскной деятельно-

сти, Д. Е. Куличиков выделяет пять этапов, Е. С. Дубоносов рассматривая элементы оперативно-розыскной деятельности выделил четыре периода. В работах О. Г. Ковалева выделяется 7 этапов.

Свои исторические корни оперативно-розыскная деятельность ведет с Древней Руси (IX века). Это подтверждается договорами Византии и Киевской Руси, где указывается о появления «путных людей», специально привлеченные лица, для добывания информации в целях безопасности государственного устройства. Русская Правда стала первым актом, которая своими нормами упорядочила розыскную деятельность того периода. Первым нормативным актом этого периода, который упорядочил розыскную деятельность, является Русская Правда. В данном документе были введены основные понятия, корыте применялись на протяжении длительного времени и установлен перечень лиц, который осуществлял розыскную деятельность («верники»).

В 1462 г была введена Псковская грамота, в данном акте также были положения, касающиеся розыскной деятельности. Именно с введением данного нормативно акта розыскная деятельность стала носить официальный характер. При правлении Алексея Михайловича Романова был введено Соборное Уложение (1649 г.).

Впервые Соборным уложением была введена должность – «сыщики». Данная должность подразумевала проведения обыска и осуществление розыска лиц [7]. В дальнейшем для регулирования деятельности сыщиков был издан отдельный акт «Наказ сыщикам беглых крестьян и холопов».

В этот период был сформирован отдельный орган, по осуществлению сыска - «Приказ тайных дел» (1655 г.) [5]. Данное явление можно отнести к началу формирования отрасли оперативно-розыскного права. При этом следует сказать, что для Русского государства Сыскной орган не является новым. Существовал он ранее и для регулирования его деятельности были введены несколько актов. Особо важными государственными преступлениями и расследования дел данной категории занимался Приказ тайных дел. Можно сказать, что это стало зарождением тайной полиции [1, с. 112].

Петром I была активизирована работа по сыскной деятельности. Проведенная реформа ввела регулярную полицию. Деятельность данного органа было направлено на борьбу с преступностью и розыск преступников. Для укрепления данной деятельности. Император от 17 марта 1714 года ввел в действие Указ «О должности фискалов» была введена должность «фискала». При Петре I была проведена иерархия служб: обер-фискал, провинциал-фискал, городской и низший (рядовой) [11, с.177].

В 1718 г был введен орган Канцелярия тайных дел. Данный орган формировал розыскные команды по поиску и поимки беглых солдат, крестьян и разбойников. При этом было личное участие Императора в деятельности данной службы.

Позже полномочия Канцелярии тайных дел были расширены. И для получения информации стал широко применяться «донос». В 130 году был создан Сыскной приказ, а в 1746 г. Особая экспедиция по делам воров и разбойников [14, с.132].

Вторая половина XVIII века принесла свои изменения: Канцелярия тайных дел была упразднена. Функции ее были переложены на местные полицейские органы – Управы благополучия. Розыском и дознанием занялись частные приставы (их деятельность не было как-либо оформлена и в осуществлении полномочий они при мели личный сыск и информацию от случайных прохожих и местных жителей).

Тем самым можно говорить, что XVIII век было принято множество попыток реформировать сыскную деятельность, но по итогу она оставалась неупорядоченной.

Начало XIX века ознаменовалась серьезными реформами в органах государственного управления. На это повлияла обстановка того периода - всплеск преступности, индустриализация и урбанизация городов. В этот период начали формироваться министерства, в том числе на основании приказа Александра I было учреждено Министерство внутренних дел. В данном министерстве была выделена служба - Особенная канцелярия МВД (осуществляла функции контрразведки) [11, с.178].

Но продолжающийся рост преступности, указывал, что применяемые меры были недостаточными. Все это вынуждало власти применять организационные меры. В 1832 году был принят Свод законов Российской империи. Полиция этого времени могла совершать следственные действия, а также исполнять приговоры. Розыскные действия могли осуществляться на основании закрепленных в законе причин. Проведение розыска могло осуществляться на усмотрение полиции. Данным законом был установлен перечень лиц и органов, которые могли осуществлять розыскные мероприятия (от нижних земских судов до Комитетов). Для упорядочения этого процесса в 1866 году была введена сыскная или уголовная полиция. В начале XX века в России уголовный сыск являлся важной частью оперативно-розыскной деятельности. В 1908 году Закон «Об организации сыскной части» в 89 городах России были образованы сыскные отделения. Задачами данных органов было осуществление сыскного розыска по делам общеуголовного характера в том числе с правом проведения дознания по преступлениям [4, с. 307].

Правоприменительные органы советского периода не обошли революционные события февраль-октябрь 1917 года. Временное правительство пыталось активизировать деятельность Сысской полиции, которая была разгромлена февральской революцией. Пытаясь ввести Народную милицию, но это была лишь поверхностная работа, не отвечающая требованиям того времени. При этом «народная милиция» подчинялась интересам правительства, а не народа. 28 октября 1917 года НКВД России принял декрет «О рабочей милиции». Было сформировано Главное управление милиции с рядом структурных подразделений в том числе и уголовный розыск. 5 октября 1918 г. Коллегией НКВД было принято «Положение об организации отделов уголовного розыска», в котором отмечалось, что эта служба создается «для охранения революционного порядка путем негласного расследования преступлений уголовного порядка и борьбы с бандитизмом» [3].

Начиная с 30-х годов развитие оперативно-розыскной деятельности проходило в бесконечных процессах реформирования оперативно-розыскных органов. За короткий период времени функционировали разные субъекты, деятельность которых была связана на оперативно-розыскной (НКВД, НКГБ, военная контрразведка, МГБ, КГБ, МВД) [9, с. 67].

С окончанием Великой Отечественной войны началось восстановление оперативных аппаратов. Проводились организационные меры по восстановлению оперативно-розыскной деятельности/

Принятие «Основ уголовного судопроизводства СССР и Союзных республик» Верховным Советом 25 декабря 1958 г. стало первой попыткой замены агентурно деятельности на оперативно-розыскную деятельность в отношении разведывательного контрразведывательного и агентурного сыска [3]. Спец службы и органы внутренних дел с этого момента могли использовать широкую тактику средств, ресурсов и стратегий, направленных на защиту индивидуальных и государственных интересов от внешних угроз и борьбы с преступностью.

Данное положение было отражено в Уголовно-процессуальном кодексе Союзных Республик. Это позволило установить единый и легитимный термин. Данным кодексом была признана важной и необходимой мерой введения оперативно-розыскной деятельности. Согласно нормам, органы следствия наделялись правом проводить оперативно-розыскные мероприятия в целях раскрытия преступлений и установления личности виновных (ст. 118 УПК РСФСР) [12].

Распад Советского Союза в 1991 г. стал новым этапом в развитии оперативно-розыскной деятельности [2, с. 143].

Вступая на путь рыночной экономики, последовали изменения в государственном аппарате, что потребовало от правительства поставить новые задачи. сформировавшиеся преступные образования стали серьезной угрозой для государства. Все это потребовало от правоохранительных органов адаптироваться к меняющейся ситуации. В настоящее время, оперативно-розыскная деятельность представляет собой особого рода правоохранительную функцию, основным содержанием и характерной чертой которой является её разведывательно-поисковая сущность [6, с. 307].

С распадом СССР не было принято новых актов, которые бы кардинально меняли оперативно-розыскную деятельность. Изменения были проведены в структуре и правовых основах данной деятельности. В этот и период был принят Федеральный закон № 144-ФЗ «Об оперативно розыскной деятельности» [8]. В данном нормативном акте закрепил органы, деятельность которых направлена на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, ретроспективный анализ становление и развитие оперативно-розыскной политики на территории нашего государства говорит о сложном и зачастую противоречивом пути. Изменения законодательной политики в этой области указывает на меняющуюся природу преступности, а также динамику российского общества и управления.

Список литературы:

1. Басков В. И. Оперативно-розыскная деятельность: учебно-методическое пособие.
2. Винник А. Д. Ретроспективный анализ становления оперативно-розыскной деятельности в России с древнейших времен до 1917 года // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXVII Международной научно-практической конференции. 2019.
3. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9006425>.
4. Пинчук А. П. Становление отрасли оперативно-розыскного права: исторический аспект // Скиф. Вопросы студенческой науки.
5. Приказ тайных дел 1655 г. URL: https://vimpel-v.com/history/spez_rus/411-prikaz-taynyh-del.html (дата обращения: 13.08.2024)
6. Путилин И. Д., Кошко А. Ф. На страже Отечества. Уголовный розыск Российской империи. М.: Эксмо, 2022.

7. Соборное уложение 1649 г. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 11.08.2024).

8. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС КонсультантПлюс

9. Чебанова Н. С. Сыскной приказ (Приказ сыскных дел) Московского государства XVII века (функции, полномочия, дело-производство) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 2 (118).

Дзюба Максим Александрович,
соискатель кафедры уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
E-mail: maksim.dzuba.20142mail.ru@gmail.com

УДК 343.9

Проблемы обеспечения криминологической безопасности в общеобразовательной среде

Аннотация. В статье на основе проведенного автором эмпирического исследования последовательно рассматриваются вопросы обеспечения криминологической безопасности в общеобразовательной среде. Выявлены наиболее важные проблемы обеспечения криминологической безопасности в общеобразовательной среде и предложены перспективные направления их минимизации.

Ключевые слова: криминологическая безопасность; общеобразовательные организации; преступность; школа; обучающиеся; образовательная среда; школьная преступность; криминогенная обстановка.

В общеобразовательной среде объективно развиваются процессы криминализации и виктимизации, сохраняются традиционные и формируются новые криминальные вызовы и угрозы. По данным официальной статистики в общеобразовательных школах нашей страны обучается свыше 17 млн. детей, а число работников общеобразовательных организаций превышает 2 млн. 100 тыс. человек, из них педагогические работники составляют свыше 1 млн. 300 тыс. человек [1]. В целом в России в образовательные отношения в общеобразовательных организациях вовлечено более 50 млн. человек [1]. В этой связи вопросы обеспечения криминологической безопасности в общеобразовательной среде имеют особое социально-политическое значение.

Криминологическая безопасность в криминологической науке определяется как объективное состояние защищенности личности, общества и государства от преступных посягательств [2, с. 57-58]. Она имеет и свои социальные, территориальные или отраслевые объекты приложения [3, с. 282-286]. Общеобразовательная среда, имея специфические социальные, территориальные и отраслевые

характеристики, как раз и выступает одним из важнейших объектов криминологической безопасности.

Социальные характеристики криминологической безопасности общеобразовательной среды представлены свойствами участников образовательных отношений: обучающиеся, педагоги, родители, персонал общеобразовательных организаций. С точки зрения обеспечения криминологической безопасности каждый из указанных участников имеет целый набор криминогенных и антикриминогенных характеристик, которые необходимо учитывать субъектам правоохранительной деятельности (например, противоправный опыт, миграционный статус).

Территориальные характеристики выражаются наличием специфической школьной среды, центральным объектом которой выступает общеобразовательная школа и ее территория, а также пришкольные территории и сегменты сети интернет, формирующие школьное пространство. Они, с одной стороны, являются местом совершения преступлений и административных правонарушений, формирования криминогенных факторов, а с другой стороны, объектом обеспечения безопасности и осуществления предупредительной деятельности.

Отраслевые характеристики представлены особенностями общеобразовательной среды, как специфической области жизнедеятельности. В данной отрасли присутствует особый состав участников отношений, их специфическая нормативная регламентация, особенности организации образовательной деятельности и досуга, обычаи и традиции, а также система профилактики правонарушений.

На основе интерпретации данных, полученных в ходе опросов экспертов из числа сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, педагогов общеобразовательных организаций и школьников, следует выделить наиболее важные проблемы обеспечения криминологической безопасности в общеобразовательной среде, а также сформулировать перспективные направления их минимизации.

1. Проблемы диагностики криминализации и виктимизации общеобразовательной среды. Процессы криминализации и виктимизации в школе, как правило, длительное время развиваются скрыто и проявляются в виде общественно-опасных последствий или общественного резонанса.

Здесь необходимо выстраивание эффективной системы диагностики процессов криминализации и виктимизации в общеобразовательной среде, позволяющей субъектам профилактики обеспечить реализацию профилактических мер на этапе формирования

криминогенных факторов [4-7]. Для этого субъектов профилактики следует вооружить и обучить использованию простых и эффективных инструментов диагностики (наблюдение, опросы, социально-медицинский анализ).

2. Сокрытие фактов противоправной деятельности, разрешение конфликтных ситуаций неправовыми средствами. Большинство фактов противоправной деятельности в общеобразовательной среде не получает легальную правовую оценку. Такая ситуация во много обусловлена не только злоупотреблениями должностных лиц, сколько сложной бюрократической системой учета и реагирования на выявленные факты, а также боязнью негативной реакции вышестоящих органов.

Вместе с тем, большинство конфликтных ситуаций в школьной среде может быть быстро и эффективно разрешено в более упрощенной форме (при отсутствии возражений участников конфликтной ситуации), в т.ч. с использованием механизмов медиации. Такая форма разрешения конфликтов, в основе которых правонарушающее поведение, нуждается в правовой регламентации.

3. Формализм в осуществлении профилактической деятельности. Формирование документооборота, форм отчетности зачастую подменяют собой фактическую профилактическую работу. Здесь необходимо формирование соответствующих критериев оценки профилактической деятельности, ориентированных на фактические результаты профилактической работы, а также минимизация бюрократической нагрузки на субъектов профилактики.

4. Несформированность профессиональных компетенций в области превентивной деятельности у субъектов профилактики правонарушений в общеобразовательной среде. Субъекты профилактики правонарушений, основной массив которых в данной сфере составляют педагоги и работники общеобразовательных организаций и органов образования, достаточно слабо ориентируются в вопросах профилактики правонарушений. Здесь необходимо формирование системы их профессиональной подготовки и повышения квалификации в данной сфере. Значимость данного направления особенно возрастает с учетом быстрого изменения криминальных угроз и их отражений в сети Интернет.

5. Недостатки нормативного правового регулирования в области образования и профилактики правонарушений, обуславливающие возможность злоупотребления правом на общедоступность и бесплатность основного общего образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях со стороны обучающихся. Сложившаяся система нормативного правового регу-

лирования в области осуществления образовательной деятельности позволяет обучающимся, совершающим правонарушения в общеобразовательных организациях, фактически злоупотреблять своим правом на образование. Здесь необходимо выстраивания механизма дисциплинарной ответственности обучающихся за совершенные правонарушения в общеобразовательных организациях, предусматривающего в качестве основной меры – отчисление из образовательной организации.

6. Незащищенность жертв противоправных посягательств, совершенных в общеобразовательной среде, отсутствие эффективных механизмов восстановления их прав и реабилитации. Субъекты профилактики правонарушений в общеобразовательной среде в первую очередь должны быть ориентированы на защиту прав и интересов обучающихся – жертв противоправных посягательств, оказание им педагогической, психологической, медицинской и правовой помощи. Однако в центре профилактической работы в школе, по-прежнему, правонарушитель. Именно на него направлены основные усилия субъектов профилактики. Данный подход в полной мере согласуется с основными постулатами теории криминологической безопасности: «Речь идет о смене вектора правоохранительной системы с объекта нападения (преступности) на объект защиты (личность, общество, государство)» [8, с. 5-6.].

7. Проблемы обеспечения безопасности территорий общеобразовательных организаций. Здесь также сохраняется масса нерешенных проблем, которые обуславливают возможность реализации механизма преступного поведения в силу возможности формирования криминогенных ситуаций в общеобразовательных школах. Это проблемы обеспечения охраны, видеонаблюдения, пропускного режима, контроля территории, действий в чрезвычайной ситуации. В этой связи необходимо формирование системы обязательных требований по обеспечению криминологической безопасности, предъявляемых к общеобразовательным организациям и осуществлении контроля за их исполнением. На сегодняшний день в этой области определенным образом урегулированы лишь вопросы антитеррористической защищенности.

8. Слабая координация деятельности субъектов профилактики правонарушений. На сегодняшний день применительно к деятельности общеобразовательных организаций не создан эффективный организационный и правовой механизм координации деятельности субъектов профилактики правонарушений. Общеобразовательная школа должна быть центром объединения усилий субъектов профилактики. Координирующую роль здесь может выполнять институт комиссий

по делам несовершеннолетних и защите их прав или органы внутренних дел как основной субъект профилактики правонарушений.

Приведенные проблемы обеспечения криминологической безопасности в общеобразовательной среде не являются исчерпывающими, а предложенные меры их минимизации не претендуют на исключительность. Вместе с тем, их учет и реализация способны существенно повысить уровень криминологической безопасности в общеобразовательной среде.

Список литературы:

1. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2023/24 учебного года // URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu (дата обращения: 28.05.2024).

2. Симоненко Д. А. Криминологическая безопасность и учет ее состояния в оценке правоохранительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 5. С. 57–58.

3. Лебедев С. Я. Криминологическое обеспечение региональной безопасности в Республике Крым // Российский криминологический взгляд. 2015. № 2. С. 282–286.

4. Ильницкий А. С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 24–43.

5. Грибанов Е. В. Школьное насилие: меры профилактики и контроля (по материалам экспертного опроса) // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 77–81.

6. Насилие в школе: состояние, причины, предупреждение (по материалам Воронежской области): учебное пособие / Е. В. Грибанов и др. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2014. – 88 с.

7. Грибанов Е. В. Наркоситуация в общеобразовательной школе: диагностика и мониторинг // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 1 (2). С. 30–33.

8. Симоненко Д. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

Довлатов Александр Николаевич,
аспирант кафедры уголовного права,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина
E-mail: aleksandr.dovlatov@mail.ru

УДК 343

**Общественная опасность преступлений,
связанных с монополистическими действиями
и недобросовестной конкуренцией, в условиях цифровизации
экономических отношений**

Аннотация. В статье излагаются результаты рассмотрения проблемы актуальности уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией, в свете интенсивного внедрения цифровых технологий в отношения в сфере экономической деятельности. Указано на новые вызовы, возникающие в связи с влиянием цифровых технологий на отношения добросовестной конкуренции, имеющие противоправный характер, в том числе достигающий уровень преступления. В частности, проанализированы юридические аспекты вредоносного использования цифровизации в ходе электронных торгов в рамках работы контрактной системы, функционирования электронных торговых площадок. В статье сформулированы и обоснованы выводы о существенном влиянии цифровых технологий на уровень общественной опасности преступлений, совершаемых в данной сфере. Обозначены пути решения данной актуальной проблемы, имеющие правоприменительные и правотворческие составляющие.

Ключевые слова: уголовная ответственность; преступление; состав преступления; общественная опасность; недобросовестная конкуренция; монополизм; средства индивидуализации.

В свете тотальной цифровизации различных сфер жизнедеятельности человека и общества происходят глобальные трансформации в сфере экономической деятельности, в частности в торговле товарами и услугами. Свободные рыночные отношения столкнулись с современными реалиями, когда значительные объемы эко-

номической деятельности переходят в разряд электронной коммерции. Последние годы ознаменовались прогрессивным развитием различных электронных площадок – цифровых платформ для товарных рынков [1, с. 7].

Традиционные каналы сбыта товаров и услуг столкнулись с необходимостью адаптации к таким тенденциям развития рыночных отношений. Одновременно актуализировались вопросы конкуренции как в сфере электронной коммерции, так и в традиционных каналах торговли, а еще более – между собой. При этом обнаружались новые формы и способы ограничения конкуренции. Агрессивный маркетинг нередко приобретает формы недобросовестной конкуренции, новое пространство для которой образовалось главным образом в связи с функционированием цифровых платформ для товарных рынков.

В этих условиях антимонопольное законодательство начало адаптироваться под стремительные изменения в указанной сфере экономических отношений, за которыми последовали и реформы в уголовном законодательстве. Так, корректировкам были подвергнуты ст. 178 УК РФ (2015 г.), ст. 180 УК РФ (2024 г.), ст. 183 УК РФ (2021 г.). Однако эти незначительные шаги вряд ли можно признать адекватным ответом на все новые вызовы, приобретающие масштабные объемы. Существует потребность выработки мер противодействий преступлениям в указанной сфере, которые бы максимально учитывали реалии прогрессивно развивающейся цифровой экономики.

Вполне очевидно, что происходящие трансформации общественных отношений в сфере защиты конкуренции диктуют необходимость теоретического переосмысления доктринальных положений уголовно-правовой науки в части вопросов противодействия преступлениям, связанным с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией. Экономические отношения в сфере защиты свободной конкуренции являются своего рода надстройкой если не для всех, то для многих областей хозяйственной деятельности.

В этих условиях уровень общественной опасности нарушений антимонопольных правил коррелирует как с характером соответствующего проявления монополистической деятельности или недобросовестной конкуренции, так и со спецификой цифровизации конкретной области экономической деятельности.

Одной из наиболее актуальных сфер экономики в современных условиях стали отношения, складывающиеся в связи с реализацией механизмов госзакупки в рамках контрактной системы. В эти отношения вовлечено значительное количество хозяйствующих субъ-

ектов, между которыми возникает конкуренция. Одновременно это создает предпосылки для неправомерного обхода правил свободной конкуренции.

В юридической литературе обращается внимание на то, что одной из сфер экономической деятельности, в которых особо развиты и внедрены цифровые технологии, являются аукционы и торги. В данных сферах экономической деятельности стали активно использоваться информационно-телекоммуникационные технологии. Изначально все это преследовало цель автоматизации рутинных процессов, а что еще более важно – цель минимизации нарушений со стороны недобросовестных участников экономического оборота.

Однако цифровизация сферы торгов со временем породила процессы адаптации приемов и способов нарушения антимонопольного законодательства. В юридической литературе в оборот включено понятие «цифровой картель», под которым понимаются согласованные действия участников экономической деятельности с использованием современных цифровых технологий для преодоления существующих законодательных барьеров антимонопольной деятельности [2, с. 35].

Особенно вредоносными цифровые картели становятся в связи с их влиянием на государственные закупки, которые в настоящее время достигают до 30 % ВВП.

В сфере торгов распространение получают так называемые аукционные роботы, использование которых позволяет автоматически поддерживать максимально высокие цены. По сути дела, тотальная цифровизация торгов в сфере госзакупки привела к переводу подавляющей части нарушений в цифровую плоскость.

З. М. Казачкова и В. А. Казачков в качестве проблемы, обусловленной стремительным развитием цифровизации в сфере экономической деятельности, выделяют алгоритмическое ценообразование, в том числе с использованием искусственного интеллекта [3, с. 37].

Общественная опасность нарушений в связи с использованием таких цифровых приемов в экономической деятельности может обуславливаться тем, что добросовестная конкуренция ограничивается опосредованным участием человека. Цифровая автоматизация ценообразования может быть настроена с учетом недопущения конкурентов на рынке или их существенного ущемления.

Следует отметить, что уровень общественной опасности монополистической деятельности и ограничения конкуренция определяется как самой сутью такого правонарушающего поведения, так и соответствующей цифровой «настройкой». В результате использования цифровых приемов и способов ограничения

добросовестной конкуренции значительно повышается конспиративность такого поведения, поскольку намного сложнее становится отследить такие криминальные действия и зафиксировать их. В свете использования цифровых технологий в данной сфере существенная часть соответствующих правонарушений остается необнаруженной.

А в случаях использования инструментов искусственного интеллекта вариативность неправомерного поведения в этой сфере еще более повышается с одновременным повышением уровня скрытости бенефициара монополистических действий.

Сфера электронных торгов и аукционов является не единственной в разрезе рассмотрения путей и способов злоупотребления цифровыми технологиями в контексте монополистических действий и ограничения конкуренции.

Так, гиперинтенсивное развитие в настоящее время получили электронные торговые площадки, именуемые «маркетплейсами». И онлайн торговля уже по многим направлениям начинает иметь превосходящее значение в сравнении с традиционными каналами розничного сбыта товаров и услуг. Одновременно существующие электронные торговые площадки активно внедряют цифровые технологии, которые влияют на целый спектр обстоятельств торговли. Ознакомление с некоторыми особенностями функционирования данных площадок позволяет утверждать, что они уже давно переросли уровень рыночных отношений в их традиционном понимании.

Цифровые алгоритмы маркетплейсов оказывают влияние на ценообразование товаров и услуг. Интервьюирование розничных продавцов на данных площадках свидетельствует, что устанавливаемые для потребителя конечные цены могут в отдельных случаях иметь уровень, не соответствующий изначально заданному продавцом. Например, электронная торговая площадка может снижать цену товара, при этом продавец будет получать установленную им стоимость. Этот аспект демонстрирует прямое влияние электронных алгоритмов данных торговых площадок на конкурентное ценообразование.

Кроме того, в сфере функционирования электронных торговых площадок особое значение имеет ранжирование карточек товаров одной группы или вида. Обычно исходят из условий возможности выбора потребителем порядка ранжирования товаров: «по популярности», «по цене» и т.д. Однако и тут могут быть констатированы факты недобросовестного изменения действительных результатов, когда в верхних строках ранжирования оказываются товары, не соответствующие заданным параметрам.

Анализ существующих механизмов работы электронных торговых площадок обуславливает необходимость затронуть еще одну тему, непосредственно взаимосвязанную с проблемами противодействия недобросовестной конкуренции. Речь, в частности, ведется про использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг). В борьбе за потребительский выбор маркетплейсы стали использовать в карточках товаров пометки об оригинальности конкретных вещей. Однако в условиях отсутствия прямого нормативно-правового регулирования данных вопросов очевидно, что имеются проблемы не только с прозрачностью механизма наделения конкретного товара пометкой о его оригинальности, но и в целом достоверности таких пометок.

Изложенные выше обстоятельства самым непосредственным образом затрагивают вопросы охраны свободной конкуренции. И здесь имеется комплекс проблем, предопределенных как сложностями установления и выявления соответствующих случаев правонарушающего поведения, так и их юридической оценкой.

Цифровизация экономических отношений обуславливает возникновение новых форм и видов деяний, в которых проявляется недобросовестная конкуренция. А масштабность цифровой экономики непременно сопровождается крупным ущербом вследствие применения новых методов ограничения конкуренции.

Таким образом, проблема совершенствования мер уголовно-правового противодействия монополистическим действиям и недобросовестной конкуренции в условиях цифровизации экономических отношений все более отчетливо проявляет себя в свете гиперинтенсивного прогресса цифровых технологий и их внедрения, в том числе в сферу экономики. Одновременно могут быть выделены два актуальных пути разрешения обозначенных проблем. В первую очередь, с учетом изложенных аспектов, обнажающих новые механизмы, в том числе и преступного поведения, выражающегося в монополистических действиях и ограничении конкуренции, требуется активизация усилий правоохранительных органов и адаптация правоприменительной деятельности. Очевидным является и второе направление для такого противодействия – это разработка теоретически обоснованных предложений по совершенствованию уголовного законодательства, ориентированных на повышение эффективности правоприменительной деятельности.

Список литературы:

1. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М. О. Дьяконова, А. А. Ефремов, О. А. Зайцев и др.; под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. Москва: ИГиСП, НОРМА, 2022. 376 с.
2. Васильева О. Н. Особенности установления факта ограничения конкуренции по признакам цифровых картелей // Безопасность бизнеса. 2023. № 3. С. 33–38.
3. Казачкова З. М., Казачков В. А. Проблемы противодействия антиконкурентным соглашениям в условиях цифровой экономики: некоторые экономико-правовые императивы в сравнительно-правовом ключе // Конкурентное право. 2021. № 4. С. 36–39.

Особенности документирования хищений с использованием банковских платежных карт

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с документированием преступлений, связанных с хищениями с использованием банковских платежных карт. Особое внимание уделено анализу современных преступных схем, используемых злоумышленниками для незаконного доступа к денежным средствам на банковских счетах. В работе рассматриваются методы и технологии, которые правоохранительным органам необходимо применять для выявления, расследования и предотвращения таких преступлений. Отдельно освещены юридические аспекты, связанные со сбором, фиксацией и оформлением доказательств в рамках расследования данной категории преступлений. Также подчеркивается значение межведомственного сотрудничества и обмена информацией между различными правоохранительными и финансовыми организациями для повышения эффективности расследования и предотвращения хищений с использованием банковских карт.

Ключевые слова: электронное мошенничество; хищение; скрытая сеть связи; информационная система.

С увеличением объемов безналичных расчетов и распространением банковских платежных карт, с каждым годом возрастает и количество преступлений, связанных с их использованием. За 7 месяцев 2024 года в целом по России зарегистрировано 283206 хищений данного вида (АППГ 270810), процент раскрываемости составил 17,4% (АППГ 20,7%)¹.

Хищения с использованием платежных карт представляют собой серьезную угрозу, как для граждан, так и для финансовых

¹ Официальная статистика МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762>.

учреждений. Эффективное документирование таких преступлений является ключевым элементом в процессе их расследования и привлечения виновных к ответственности, ввиду чего правоохранительными органами, в целях стабилизации складывающейся оперативной обстановки в части предупреждения и раскрытия преступлений данной категории, на протяжении последних лет принимаются меры организационного и практического характера.

Но несмотря на все усилия, прилагаемые правоохранительными органами по противодействию преступлениям данной категории, обстановка по данному направлению на территории России остается сложной. Проведенный анализ свидетельствует о ежегодном росте хищений, совершаемых с использованием банковских платежных карт, а также изменении в поведении и методике действий преступников, которые все чаще при совершении преступлений используют все современные технологии, огромное количество банковских счетов и карт, действуя в составе организованных преступных групп.

Проблематика. Преступные схемы.

Злоумышленники используют различные схемы для хищения средств с банковских карт, например, фишинг и социальная инженерия. Каждая из этих схем имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при документировании преступления.

Одна из основных схем мошенничества на сегодняшний день состоит в следующем: преступники под различными предложениями, представляясь как сотрудниками безопасности финансовых организаций, так и сотрудниками силовых ведомств, выманивают у потерпевших реквизиты счетов, оформляют кредиты [1, с. 82]. Зачастую потерпевшие сами переводят денежные средства, посредством банкомата или онлайн, на «так называемые безопасные счета» – как правило это номера мобильных телефонов в количестве 10-20, используемые мошенниками 1 раз в каждом эпизоде. Тоже самое происходит со счетами и банковскими картами, что затрудняет установление места обналичивания похищенных денежных средств и дальнейшее документирование преступной деятельности злоумышленников.

Начиная со второй половины 2023 года преступники при осуществлении звонка, стали представляться работниками сотовых операторов (компаний), где под предлогом продления договора по использованию мобильного номера получают у потерпевшего доступ к справочно-информационному интернет-порталу «Госуслуги», тем самым получая документы и реквизиты необходимые для оформления кредита. Так, на потерпевшего дистанционно могут

оформить несколько кредитов, как в микро финансовых организациях, так и в крупных банках. Использование счетов и банковских карт мошенниками, с целью обналичивания похищенных денег граждан, осуществляется по аналогичной схеме с финансовой безопасностью.

В истекшем году, начиная с 1 января, увеличилось количество заявлений граждан по факту получения так называемого дополнительного заработка (игры на бирже, получение бонусов, различные вклады).

Во всех перечисленных схемах преступниками используется схема обналичивания с использованием криптовалюты, что делает практически невозможным установить движение похищенных денежных средств.

Распространены преступления, совершаемые с использованием различных Интернет-платформ, (купля-продажа). Мошенники в данном случае используют несколько схем: 1) под предлогом приобретения товара получают доступ к счету потерпевшего, после чего совершают хищение денежных средств; 2) под предлогом продажи предоставляют номер счета или банковской карты, «для получения предоплаты», после получения которой больше не выходят на связь с покупателем. Стоит отметить, что количество преступлений при покупке товара гражданами больше, чем в случаях, когда обманывают продавца.

Существует также преступная схема, при которой мошенник, например, сообщает лицу, что родственник последнего попал в ДТП или в полицию, в связи с чем необходимы денежные средства для «решения вопроса». В разговор вступает несколько злоумышленников, один из которых представляется «родственником» потерпевшего, другой «сотрудником полиции» и уверенно сообщает, что за определенную сумму денежных средств может решить вопрос и, что таким образом уже не раз помогал людям. Денежные средства необходимо передать «сотруднику правоохранительных органов» либо за ними приедет их знакомый человек, либо перевести на указанный счет. Диалог с потерпевшим может вести один человек, который в процессе общения изменяет голос.

Значительное количество среди преступлений рассматриваемой категории представляют так называемые преступления «бытового» характера, при которых хищение денежных средств с банковских карт родственников, знакомых или иных лиц производится путем снятия в банкомате, оплаты покупок в магазинах. Такие преступления раскрываются, как правило, практически во всех случаях «по горячим следам».

Трудности в документировании.

Документирование хищений с использованием банковских карт сопряжено с рядом сложностей. Во-первых, это связано с анонимностью интернет-транзакций. По большинству совершенных преступлений денежные средства обналичиваются путем приобретения криптовалюты, что делает невозможным установить лиц, совершивших обналичивание, звонки и общение по таким преступлениям также совершается с использованием IP и SIP телефонии.

Использование преступниками программного обеспечения, позволяющего избежать их идентификацию: VPN (виртуальная частная сеть), TOR (браузер, используемый для соблюдения анонимности). Применяемые указанные способы шифрования не позволяют определять IP-адреса серверов пользователей, отслеживать их активность, устанавливать данные пользователей [2, с. 89].

Кроме того, имеет место затрудненная идентификация продавца и покупателя, так как общение через интернет-сайт исключает какое-либо их личное общение. Регистрация на сайте не требует ввода идентифицирующих данных (e-mail, мобильного телефона), для ее завершения достаточно придумать имя пользователя (логин) и пароль.

В настоящее время отсутствует единый реестр контактных данных операторов связи и интернет-провайдеров, оказывающих услуги по передаче данных на территории России. Информация по юридическому адресу юридических и физических лиц не всегда совпадает с фактическим местонахождением и местом получения почтовой корреспонденции. Так, запросы, направляемые по юридическим адресам подобных организаций, остаются без ответа или ответы предоставляются несвоевременно. Создание указанного реестра и внедрение электронного документооборота позволило бы решить вопрос оперативного получения информации от операторов мобильной связи и организаций, оказывающих услуги по передаче данных.

Методы документирования. Сбор доказательств.

Правоохранительные органы при сборе доказательств должны использовать комплексный подход:

1. Сбор первичной информации о совершенном преступлении:
 - дата, время поступления звонка с соответствующим содержанием;
 - абонентский номер заявителя, на который был осуществлен звонок (стационарный, мобильный телефон);
 - если звонок поступил на сотовый телефон или стационарный телефон с автоматическим определением номера, с какого номера телефона осуществлен звонок;

- дословное содержание разговора, кем представился звонивший, о чем говорил, что предлагал сделать;

- описание голоса звонившего (дефекты речи – хрипота, картавость, шепелявость, заикание), какова была интонация голоса, разговаривал ли он шепотом или обычным тембром; какие особенности, странности в интонации, произношении звуков, в обращении заметил заявитель, использование в разговоре специальных терминов, специфических речевых оборотов; по каким приметам заявитель сможет опознать голос звонившего;

- качество связи (помехи, пропадала слышимость, разговор прерывался, хорошо или плохо был слышен голос и др.);

- установить переводил ли гражданин денежные средства и каким образом: при осуществлении безадресного перевода, необходимо выяснить, на чье имя переводились деньги, полные установочные данные получателя, истребовать у заявителя квитанцию о переводе. Если перевод был осуществлен на лицевой счет абонентского номера или счет банковской карты необходимо выяснить:

- абонентский номер телефона или номер банковской карты, с которой переведены денежные средства (дата получения, срок действия, вид платежной системы, банк-эмитент карты, наличие договора банковского счета и документов об оформлении банковской карты), истребовать данные документы, чек или квитанцию о переводе;

- абонентский номер телефона или номер банковской карты, на которую переведены денежные средства;

- размер суммы перевода денежных средств;

- при установлении, что гражданин не осуществлял никаких действий по переводу денежных средств (только сообщал звонившему приходящие в sms-сообщениях коды) истребовать движение денежных средств по счетам потерпевшего через судебное постановление;

- предпринятые заявителем действия после обнаружения факта мошеннических действий;

2. Для установления мест обналичивания или мест расчета похищенными денежными средствами, получения движения денежных средств по счетам банковских карт, электронных кошельков сотрудник ОВД проводит следующие действия:

- при перечислении похищенных денежных средств на счет банковской карты в соответствии с частью 5 статьи 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 03.08.2018) «О банках и банковской деятельности» подготавливает постановление о ходатайстве перед судом о получении разрешения на проведение оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» в кредитной организации с целью

получения сведений о принадлежности и месте открытия банковской карты, об операциях и авторизациях по банковской карте за интересующий период, о наличии подключенной услуги «Мобильный банк» с указанием абонентского номера, об IP-адресах регистрации и проведения операций в системе «Онлайн» по банковской карте за интересующий период.

- при переводе похищенных денежных средств на электронный кошелек одной из платежных систем (Яндекс, WebMoney и другие) подготавливает постановление о ходатайстве перед судом о получении разрешения на проведение оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» с целью получения информации о принадлежности электронного кошелька, IP-адресах его регистрации и использования с указанием времени, а также движении по нему денежных средств, с указанием расчетных счетов и номеров банковских карт получателей в интересующий период.

- получает постановление суда и с соответствующим запросом направляет его в банк-эмитент карты, в компанию-регистратор электронного кошелька.

3. В случае использования электронных торговых площадок, например, «Avito.ru», направить запрос владельцу данного сайта (ООО «Кех Екоммерц») для предоставления сведений об IP-адресе размещения объявления, с указанием даты и времени, контактных данных, указанных при регистрации на сайте, а также наличие жалоб на данное объявление.

- при использовании социальных сетей направить запрос администратору социальной сети на предоставление сведений об IP-адресах регистрации и использования учетной записи, контактных данных, указанных при регистрации, об учетных записях, зарегистрированных с использованием интересующего абонентского номера (электронного почтового ящика).

- при установлении адреса лица, подозреваемого в совершении преступления при выходе в сеть Интернет и регистрации на различных ресурсах запросить у провайдера следующие сведения: кому предоставлена услуга доступа в сеть Интернет; геолокацию данного лица (населенный пункт и конкретный адрес точки доступа), копию заключенного договора об оказании услуги; контактные данные лица, с которым заключен договор, а при наличии и копии документов, удостоверяющих личность.

Сведения о принадлежности IP-адреса к оператору информационной системы (провайдеру) можно получить на сайте компании ООО «Регистратор доменных имен РЕГ.РУ», перейдя по ссылкам: <https://www.reg.ru/whois> или <https://www.nic.ru/whois>.

Правильное оформление документов является важным этапом в процессе документирования. Все собранные материалы должны быть оформлены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

Рекомендации.

1. Обучение сотрудников. Документирование преступной деятельности лиц, а также дальнейшее раскрытие преступлений данной категории, направление уголовных дел в суд требует постоянного совершенствования квалификации сотрудников правоохранительных органов, которая до сих пор остается на низком уровне [3, с. 107]. Исходя из оперативной обстановки, анализа методики и видов совершения хищений (ежеквартально) проводить с сотрудниками обучение по вопросам документирования хищений с использованием банковских карт.

2. Сотрудничество с банками. С целью более оперативного получения ответов движения денежных средств по счетам, между основными финансово-кредитными организациями (ПАО Сбербанк, ВТБ, Альфабанк) и МВД России, на базе ИСОД МВД налажен сервис электронного документооборота. Таким образом, необходимо расширять подобную практику с другими организациями.

3. Информирование населения. Одним из наиболее эффективных способов противодействия преступлениям в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, в частности хищений с использованием банковских платежных карт, является проведение разъяснительной работы с каждым гражданином и обязательным вручением памяток о методах, используемых мошенниками, а также способах противодействия им [4, с. 152].

С этой целью необходимо на постоянной основе обеспечивать актуализацию и изготовление цветных памяток профилактического характера и их дальнейшее распределение среди территориальных органов, согласно численности проживающего населения и складывающейся оперативной обстановки, на обслуживаемой территории.

Проводить крупномасштабные профилактические акции, в рамках которых сотрудниками полиции гражданам вручать памятки, разработанные МВД России, содержащие информацию об основных способах мошеннических действий.

На информационных мониторах, размещенных в общественном транспорте, а также на медиаэкранах, расположенных в регионах России, транслировать профилактические видеоролики на тему противодействия мошенничествам.

Наряду с непосредственным информированием населения, организовывать размещение памяток в управляющих компаниях, круп-

ных учреждениях и организациях, в том числе в сферах образования и здравоохранения, в торгово-промышленных компаниях со значительной численностью трудовых коллективов, в войсковых частях.

Список литературы:

1. Квасникова Т. В. Новые направления мошеннических посягательств с использованием цифровых технологий // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2024. № 2 (107). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-napravleniya-moshennicheskikh-posyagatelstv-s-ispolzovaniem-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 12.08.2024).
2. Милованова М. М., Шурухнов В. А. О способах мошенничества в сети «Интернет» // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 10 (241). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sposobakh-moshennichestva-v-seti-internet> (дата обращения: 14.08.2024).
3. Ивашин Д. В. Мошенничество, совершаемое с использованием сети Интернет // Научный портал МВД России. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-sovershaemoe-s-ispolzovaniem-seti-internet> (дата обращения: 14.08.2024).
4. Згадзай О. Э., Казанцев С. Я., Мазуров И. Е. Актуальные вопросы борьбы с киберпреступностью // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-borby-s-kiberprestupnostyu> (дата обращения: 16.08.2024).

Жалсанов Максим Константинович,
адъюнкт 3-го факультета,
Академия управления МВД России
E-mail: makszhal82@mail.ru

УДК 343

**Цифровизация и экономическая безопасность:
международные вызовы и механизмы противодействия**

Аннотация. В статье рассматриваются вызовы экономической безопасности, обусловленные процессами глобализации и цифровизации. Анализируются международные меры, в том числе роль ООН в разработке правовых норм и стандартов, направленных на противодействие этим угрозам. Делается вывод о необходимости пересмотра подходов к международному правовому регулированию с целью создания более эффективных механизмов защиты от преступлений, связанных с цифровыми технологиями.

Ключевые слова: экономическая безопасность; цифровая трансформация; глобализация; цифровая преступность; международное сотрудничество; правовое регулирование.

В современной мировой экономике происходят значительные изменения под влиянием глобализации и цифровой трансформации, которые влекут за собой радикальные изменения в социальной, экономической и политической сферах. Процессы роботизации и автоматизации, характерные для четвертой промышленной революции, изменяют производственные и общественные отношения [2, с. 104], создавая новые вызовы для экономической безопасности, определяемой как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации национальных приоритетов Российской Федерации»¹.

¹ Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1110794/> (дата обращения: 20.08.2024);

Глобализация и цифровизация создают условия для трансформации существующих угроз экономической безопасности и появления новых вызовов, связанных с ростом теневой экономики, транснационализацией экономической преступности и её внедрением в сферу цифровых технологий. Следует согласиться с точкой зрения Т.В. Пинкевич о том, что процессы развития цифровых технологий не только диктуют новые правила, но и открывают недоступные ранее горизонты развития, эти технологии носят универсальный характер и могут использоваться во многих сферах человеческой деятельности [3 с. 307]. Но как известно, человеческая деятельность не ограничивается исключительно позитивными проявлениями. Она многогранна, и наряду с созидательными аспектами, в неё включены и деструктивные элементы, в том криминального характера. Технологии, как и любые другие инструменты, могут служить как во благо общества, так и становиться средством для осуществления противоправных действий, что существенно осложняет задачи обеспечения экономической безопасности в условиях цифровой трансформации.

Цифровые технологии активно используются в криминальных целях, и это представляет собой значительную угрозу глобальной безопасности. По данным Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), преступные группы применяют современные технологии на всех этапах своих операций, включая торговлю людьми, незаконный оборот наркотиков и другие формы организованной преступности. Например, социальные сети и платформы онлайн-знакомств используются для вербовки жертв, а шифрование и анонимные браузеры помогают преступникам скрывать свои действия в сети¹.

Исследования также показывают, что использование таких технологий значительно усложняет работу правоохранительных органов. В частности, преступные группы все чаще перемещают свои операции в регионы с менее строгими правовыми нормами, чтобы избежать наказания. ООН отмечает, что глобальный рынок незаконных фармацевтических препаратов оценивается примерно в 4,4 миллиарда долларов, и большая часть этих операций осуществляется через интернет².

¹ Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC). The Role of Technology in Human Trafficking. 2021. – URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/frontpage/2021/October/the-role-of-technology-in-human-trafficking.html> (дата обращения: 29.08.2024)

² Новости ООН. Drugs online: UN-backed body offers solutions to counter narcotics surge. 5 марта 2024 г. – URL: <https://news.un.org/en/story/2024/03/1137232> (дата обращения: 29.08.2024).

Очевидно, что процессы глобализации создают идеальную основу для трансформации существующих угроз безопасности и появления принципиально новых вызовов как для отдельных государств, так и для мирового сообщества в целом. В условиях роста международной теневой экономики, транснационализации преступности и её внедрения в сферу цифровых технологий возникает необходимость пересмотра всей системы глобальной безопасности. В связи с чем, современное развитие цифрового общества требует, чтобы организационно-технические и управленческие меры предупреждения преступности соответствовали актуальным угрозам экономической и национальной безопасности Российской Федерации [1, с. 115].

В этих условиях международные организации, включая Организацию Объединенных Наций (ООН), играют ключевую роль в процессе обеспечения экономической безопасности на глобальном уровне. Так, ООН разработала ряд документов, направленных на противодействие преступности, включая цифровую экономическую преступность, которая стала одной из главных угроз глобальной безопасности. Важнейшими органами ООН, занимающимися этими вопросами, являются Генеральная Ассамблея, Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС), а также специализированные комитеты, такие как Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию (КППУП). КППУП занимается разработкой и координацией международных стандартов, которые содействуют в противодействии преступности на национальном и международном уровнях.

На протяжении последних десятилетий Конгрессы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию стали важной платформой для обсуждения глобальных угроз и выработки рекомендаций по укреплению международного сотрудничества. Особое внимание уделяется вопросам противодействия цифровой преступности включая использование компьютерных технологий и интернета в преступных целях.

Ключевые формы сотрудничества между международными организациями в области противодействия цифровой экономической преступности охватывают широкий спектр действий и инициатив, направленных на совместное решение глобальных вызовов в этой сфере. Среди них:

- консультации, направленные на гармонизацию подходов и унификацию позиций сторон по ключевым аспектам борьбы с преступностью. Это включает в себя обмен опытом, информацией и лучшими практиками, способствующими повышению эффективности международного сотрудничества в данной области;

- совместные мероприятия, такие как конференции, семинары и встречи на высоком уровне, которые проводятся с целью координации

усилий и разработки общих стратегий в борьбе с определенными видами преступности;

- совместные учения и операции, представляющие собой практическое воплощение международного сотрудничества;
- научные исследования, которые играют важную роль в анализе проблем, связанных с международной преступностью, и в разработке научно обоснованных подходов к их решению.

Эти формы сотрудничества отражают многоуровневый и многоаспектный подход к проблеме предупреждения цифровой экономической преступности, предполагая не только непосредственные действия по противодействию определенным видам преступлений, но и развитие системы международного права, обмена информацией и опытом, а также подготовку и реализацию совместных научных и практических проектов.

Следует отметить, что конгрессы ООН несмотря на то, что не принимают юридически обязательных для государств документов, разрабатывают акты и материалы, содержащие нормативные стандарты, которые могут быть применимы во всех странах мира. Значительная часть этих материалов относится к сфере так называемого «мягкого права», закрепленного в резолюциях соответствующих органов ООН, таких как Генеральная Ассамблея и Экономический и Социальный Совет. Тем не менее, всё чаще положения, содержащиеся в материалах конгрессов ООН, включаются в международные договоры и конвенции, которые являются обязательными для выполнения. В результате подписание и ратификация таких международных договоров и конвенций, разработанных с учетом рекомендаций конгрессов ООН, способствуют совершенствованию национального законодательства государств. Таким образом, можно утверждать, что акты конгрессов ООН оказывают значительное влияние на оптимизацию внутригосударственных законодательных систем.

Представляется целесообразным выдвинуть тезис о том, что универсальные стандарты ООН, включая акты конгрессов (такие как декларации, резолюции и прочие), оказывают значительное влияние на развитие российского уголовного законодательства, что, в свою очередь, играет ключевую роль в обеспечении экономической безопасности страны.

Российская Федерация, являясь членом ООН, активно участвует в разработке и реализации международных стандартов в области противодействия транснациональной преступности, включая цифровую преступность. Ратификация Россией таких документов, как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и Конвенция против коррупции, подчеркивает приверженность страны международным нормам.

Анализ действующих международно-правовых стандартов в сфере противодействия преступности демонстрирует, что в условиях стреми-

тельного развития цифровых технологий существующие меры требуют постоянного совершенствования. Это особенно важно в контексте цифровизации экономики Российской Федерации, которая, с одной стороны, предоставляет новые возможности для повышения прозрачности и эффективности управления ею, а с другой – создает дополнительные риск-факторы, включая рост цифровой экономической преступности, имеющей транснациональный характер.

В этой связи возникает необходимость пересмотра подходов к международному правовому регулированию, что делает разработку и принятие нового международного договора, такого как Конвенция ООН «О противодействии использованию цифровых технологий в преступных целях», актуальным шагом. Включение в конвенцию такого термина как «цифровые технологии» на наш взгляд позволяет учитывать не только преступления, связанные с интернетом и компьютерами, но и любые действия, совершаемые с использованием различных цифровых устройств и технологий, таких как робототехника, автоматизация, телекоммуникационные сети и другие цифровые средства.

Данный подход обеспечит более полный охват современных угроз и вызовов, связанных с цифровыми технологиями, и будет способствовать разработке более эффективных международных правовых механизмов для противодействия преступной деятельности в этой области.

Эта инициатива обретает особую значимость на фоне завершения работы над проектом Конвенции ООН по борьбе с использованием информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, завершённой 9 августа 2024 года¹. Проект конвенции охватывает широкий спектр преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, и устанавливает механизмы международного сотрудничества в противодействии этим угрозам. Конвенция была разработана в ходе многолетних переговоров под эгидой ООН и отражает стремление международного сообщества укрепить правовые рамки для эффективного противодействия киберпреступности. Этот документ, ставший первым в истории международным правовым инструментом, направленным на борьбу с цифровой преступностью, включает современные механизмы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. Проект конвенции подчеркивает важность соблюдения ключевых принципов Устава ООН, таких как суверенное равенство государств и невмешательство

¹ Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC). Завершение работы над проектом новой Конвенции ООН против киберпреступности. Нью-Йорк, 9 августа 2024 года. – URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/frontpage/2024/August/member-states-finalize-a-new-cybercrime-convention.html> (дата обращения: 30.08.2024)

во внутренние дела, и направлен на совершенствование существующих механизмов международного взаимодействия в информационной сфере. Принятие данного документа станет важным шагом на пути к усилению международного сотрудничества и созданию более безопасного цифрового пространства

Таким образом, для эффективного противодействия трансграничной цифровой экономической преступности требуется усиление международного сотрудничества и разработка новых правовых норм, соответствующих актуальным вызовам. Международные организации, такие как ООН, играют ключевую роль в координации этих усилий и создании платформ для обмена опытом и лучшими практиками. Одним из приоритетных шагов должно стать принятие новой конвенции, которая обеспечит более полное охватывание всех аспектов цифровой преступности и создаст основу для повышения уровня экономической безопасности на глобальном и национальном уровнях.

Список литературы:

1. Жалсанов М. К. Стратегические направления обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в условиях цифровизации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. №2 (56). С. 115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-napravleniya-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (дата обращения: 29.08.2024).
2. Муравых А. И., Никитенко Е. Г. Проблемы глобальной и национальной безопасности: монография. – Москва: МАКС Пресс. 2021. – С. 104
3. Пинкевич Т. В. Развитие цифровой экономики и ее влияние на криминологическую безопасность России // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». 2019. С. 307.

К вопросу о современном понимании религиозного экстремизма в Российской Федерации: постановка проблемы

Аннотация. Актуальность темы обусловлена необходимостью понимания религиозного экстремизма, его истоков и источников с позиции современности. Безусловно, в настоящее время проблема терроризма и экстремизма остается одной из самых серьезных как для всего мирового сообщества, так и для России, в частности, а борьба с экстремистскими и террористическими группировками входит в число первостепенных задач не только органов власти и управления, но и гражданского общества.

Ключевые слова: экстремистская деятельность (экстремизм); религиозный экстремизм; терроризм; государство и общество; политическая борьба; экстремистские объединения.

В разное время экстремизм являлся проблемой не только политической и религиозной элиты, но и различных слоев общества. Из многих разновидностей экстремизма - политического, этнонационального, религиозного, уголовного в России, на наш взгляд, наибольшую опасность представляет религиозный или, точнее, религиозно-политический.

Некоторые специалисты отмечают, что возникновение экстремизма и терроризма в нашей стране связано с размыванием традиционного общества и формированием общества модернизированного, ориентированного на либеральные ценности¹. Характерно, что

¹ Ханбабаев К. М. «Религиозно-политический экстремизм и терроризм в современной России (сущность, специфика проявления, профилактика)» <https://cyberleninka.ru>. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 23.11.2011: в 2т., Министерство образования и науки Республики Татарстан, Институт экономики и права (г. Казань), Студенческое научное общество ИЭУП «Эффективная профилактика терроризма и экстремизма: взгляд молодежи».

завершение периода «мягкого милитаристского реформаторства» и достижение поставленных целей руководством страны во многом нивелирует и основания экстремизма.

Хорошо иллюстрирует эту неизбежную закономерность наша история, особенно период вхождения народов Кавказа в Российскую империю, а события современности в Сирии только подтверждают данную закономерность.

К основным факторам и причинам, существенно влияющим на формирование и развитие экстремизма, в том числе и религиозного, относится взаимосвязь политических, цивилизационных, экономических, социальных, национальных, и, а также, конфессиональных и психологических составляющих.

На наш взгляд, сегодня из других видов экстремизма, религиозный представляет собой одну из наиболее острых и многогранных проблем государственно-общественных отношений, так как глубокие трансформации, происходящие в мировом сообществе, глобализация и развитие информационных технологий в значительной мере предшествовали активизации деятельности радикальных форм религиозного поведения. В Российской Федерации борьба с проявлениями религиозного экстремизма приобретает особое значение ввиду многонационального и многоконфессионального состава страны.

Религиозный экстремизм, как явление, имеет сложную структуру, а его представителей условно можно разделить на следующие категории:

- идеологи;
- лица, примкнувшие и проповедующие религиозные течение экстремизма;
- лица, финансирующие деятельность радикальных религиозных организаций.

Идеологи современного джихада с всемирно известными именами и аналитические центры зарубежных спецслужб - это мозг проекта, связующая составляющая в генерации стратегии, способом деструктивного поведения и усиления на волю человека и сообщества через инструмент влияния – то есть религию.

Международная террористическая сеть со своими базами, специалистами (как военными, так и по ведению психологических войн), тактикой и стратегией с учетом конкретной этно-региональной привязки конфликтов – это «тело организации».

Третьими (по счету, но не по значимости) можно считать тех, кто занимается финансированием и прочим материальным обеспечением всей этой сложной системы.

Можно с уверенностью предположить, что кроме всеобъемлющего глобального, существуют территориально привязанные экстремистские проекты для всех регионов и даже небольших анклавов, в жизни которых религия имеет большое значение.

Череда преступлений на территории России радикально настроенными исламистами, совершённых в южных субъектах России (из последнего: поджог строящегося еврейского культурного центра в г. Нальчик, события в Махачкале и Дербенте, захват заложников в СИЗО-1 г. Ростова-на-Дону и колонии № 19 г. Волгограда) говорит о том, что регион в новую эпоху остается очагом напряжённости. Сейчас давно уже не тайна, что всегда причиной этого становятся чужие интересы в дестабилизации региона тянущие свои трансатлантические путы.

Вспомним, не так давно остро стоял вопрос экстремистских образований на территории независимой Сирийской Арабской Республики. Кроме того, не стоит забывать события в «Крокус Сити Холле», также показавшие, что особое внимание уже давно привлекают «идеологов хаоса», очаги экстремистского толка, которые набирают силу в некоторых странах центрально-азиатского региона, что и подтвердил в своем выступлении (на совещании по произошедшему), Президент России В. В. Путин – «Мы знаем, что преступление совершено руками радикальных исламистов, с идеологией которых сам исламский мир борется веками¹», так же Президент добавил, поставив вопрос - «Действительно ли радикальные и даже террористического толка исламские организации заинтересованы в нанесении ударов по России, которая выступает сегодня за справедливое решение обострившегося ближневосточного конфликта? И как радикальные исламисты, позиционирующие себя, кстати, в качестве правоверных мусульман, исповедующие так называемый чистый ислам, идут на совершение тяжких зверств и преступлений в священный для всех мусульман месяц Рамадан?²». На наш взгляд это очень точное замечание в контексте категорий религиозного экстремизма обозначенного нами выше.

Говоря только о религиозном экстремизме, невольно затрагиваются вопросы общества, культуры, политики (как внутри страны,

¹ <http://nac.gov.ru/hronika-sobytiy-kontrterroristicheskie-operacii/glava-gosudarstva-provyol.html> - официальный сайт Национального антитеррористического комитета.

² <http://nac.gov.ru/hronika-sobytiy-kontrterroristicheskie-operacii/glava-gosudarstva-provyol.html> официальный сайт Национального антитеррористического комитета.

так и геополитики), национальных и межконфессиональных вопросов, экономики и множество других направлений. Традиционно в науке виды экстремизма имеют содержательную функцию, указанную выше, но некоторые ученые разделяют религиозный и религиозно-политический экстремизм, хотя, по нашему мнению, религиозно-политический экстремизм есть часть религиозного экстремизма. А например А. Н. Поздняков считает, что религиозный экстремизм превращается из политического вследствие его развития¹.

Так что же такое религиозный экстремизм? Для начала нужно рассмотреть, что же такое экстремизм. В поисках понимания термина экстремизм, профессор М. П. Киреев исследовал его под призмой философии, исторических наук, социологии, политологии, с позиции психологии, рассмотрел в историческом аспекте подходы законодателя и определил позицию законодателя по отношению к экстремизму как к общественно опасному деянию, но с отсутствием точного понимания в отношении его содержания².

В энциклопедических словарях экстремизм определяется как склонность, приверженность к крайним взглядам и мерам, преимущественно в политике³.

Профессор Г. И. Демин к пониманию экстремизма приходит через их деяния – «В противоправных деяниях экстремистов можно проследить стремление сформировать «параллельные» органы государственной власти, подчинить своим целям деятельность органов местного самоуправления, бизнес-структур, служащих органов государственной власти»⁴.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»⁵ перечисляет ряд форм подпадающих по это определение, их организация и подготовка, подстрекательство, а так же финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации.

Что касается религиозного экстремизма то А. В. Журавский для анализа использует такие категории, как «экстремистское сообщество», «экстремистская идеология», «экстремистские политические

¹ Этническая преступность как один из факторов, криминализирующих миграционную среду и частично стимулирующих экстремистскую» деятельность» Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3

² Киреев М. П., Халиуллина Л. И. Подходы к определению экстремизма как угрозы общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2.

³ «Большой энциклопедический словарь» под редакцией А. М. Прохорова.

⁴ Труды Академии управления МВД России. 2012. № 2.

⁵ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) на 28.08.2024 г.

практики» определяя единственно верным то что, существование такого понятия становится возможным только в плоскости политики¹.

М. Я. Яхьяев рассматривает религиозный экстремизм, как одну из форм иллюзорно-деструктивной деятельности, направленной на разрушение существующей социальной системы, которую нужно отличать от фанатизма, рассматривая понятие и в религиозной плоскости².

Анализируя совокупность мнений и доводов, несмотря на поверхностную очевидность явления, до настоящего времени так и получено емкого, отражающего все грани такого понятия как религиозный экстремизм. По нашему мнению религиозный экстремизм – это обратная сторона любой религии, включающая в себя следующее:

жесткое неприятие идей другой религиозной конфессии, агрессивное отношение и поведение к иноверам;

пропаганду незыблемости, «истинности» одного вероучения; стремление к искоренению и устранению представителей иной веры вплоть до физического истребления;

проявление крайней нетерпимости к представителям различных конфессий либо противоборство внутри одной конфессии (внутриконфессиональный и межконфессиональный экстремизм).

Не только распространение какой-либо религии, но и создание государственных или административных образований, в которых эта религия стала бы официальной и господствующей.

Следует отметить, что нередко лидерами радикальных экстремистских движений преследуются экономические и политические цели.

Так же, религиозный экстремизм определяется, как приверженность радикальным религиозным идеям и практикам, которые могут угрожать общественному порядку и безопасности.

Как правило, деятельность радикальных религиозных организаций построена по определенной иерархии (уровням) воздействия и построения.

Идеологический уровень: радикальные интерпретации религиозных доктрин, которые противоречат общепринятым нормам и ценностям. Эти интерпретации могут включать в себя оправдание насилия, применения силы для достижения религиозных целей и установления определенного порядка.

¹ Журавский А. В. Религиозный экстремизм в конфликте интерпретаций <https://religare.ru/715710>.

² «К вопросу об экстремизме в исламе» М. Я. Яхьяев <file:///C:/Users/aZaicev/Desktop/k-voprosu-ob-ekstremizme-v-islame.pdf>

Социальный уровень: проявляется через создание замкнутых социальных групп, в которых культивируется собственная исключительность, ненависть к другим религиозным или этническим группам. Это может привести к разделению общества и возникновению конфликтов.

Политический уровень: заключается в стремлении к изменению политической системы и установлению режима, основанного на религиозных законах, например, попытки подрыва существующих государственных устоев.

Психологический уровень: радикализация личности, при которой религиозные убеждения становятся основой для построения коммуникаций, деятельности, а также оправдания любого действия, включая насилие и терроризм.

В современном дискурсе особое внимание уделяется необходимости четкого разграничения понятий «религиозный экстремизм» и «терроризм», так как не всякий экстремизм переходит в террористическую деятельность, однако, террористические акты часто имеют экстремистское происхождение.

Выделив все признаки данного явления можно определить религиозный экстремизм как деструктивную деятельность, порожденную ложными идеалами и интерпретациями религиозных аспектов и духовных начал, направленную на усиление собственных устоев способом искоренения чужих (насильственным путем). Данный путь предполагает использование только политического ресурса, в результате вся деятельность направлена на подрыв устоев государства и узурпацию власти.

Россия, как многонациональная и многоконфессиональная страна, сталкивается с уникальными вызовами в области религиозного экстремизма. Основные особенности религиозного экстремизма в Российской Федерации включают два основных пласта своего возникновения:

- этноконфессиональная составляющая: на территории России проживают различные этнические и религиозные группы с различными обычаями и традициями, что иногда создаёт благодатную почву для межнациональных и межконфессиональных конфликтов. В частности, в Северо-Кавказском регионе исторически сложившиеся конфликты и сепаратистские настроения значительно усиливают угрозу религиозного экстремизма. Влияние международных экстремистских организаций: активная деятельность зарубежных радикальных группировок и идеологическое воздействие через интернет и социальные сети;

- законодательная и правоприменительная составляющая: правовая база в сфере противодействия экстремизму, в том числе

аспекты её совершенствования и возможные недостатки с учетом интересов и особенностей субъектов, в особенности субъектов Северо-Кавказского федерального округа (СКФО¹);

Для глубокого понимания и эффективного противодействия религиозному экстремизму в России необходимо учитывать целый ряд факторов, способствующих его развитию:

- социально-экономические условия: достаточно высокий уровень безработицы, бедность и социальная неустроенность в определённых регионах способствуют радикализации населения;

- образовательный уровень: недостаток качественного образования и просвещения в сфере религии и религиозной толерантности, нишу которой занимают «тикток-проводники» и другие блогеры религиозного характера. Не должный уровень знаний и понимания культурных и религиозных традиций других групп может способствовать развитию предрассудков и экстремистских настроений;

- психологическое состояние населения: чувство несправедливости, отчуждения и неустраиваемости может стать почвой для экстремистских взглядов;

- негативное влияние среды: криминальные структуры, нестабильность и насильственные конфликты.

Сама угроза уже определяет важность предупреждения и противодействия религиозному экстремизму, является одной из приоритетных задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития России в современных условиях. А с этой целью метод дисперсии данного явления определит более качественное понимание происходящих процессов и вывод на следующий уровень понимания проблемы.

Итак, научно обоснованное и давно устоявшееся понимание, что решение проблем с религиозным экстремизмом и его проявлением в целом, в Российской Федерации требует комплексного и многогранного подхода, рассмотренные выше различные уровни и факторы только помогут в поиске содержания проблемы. Важную роль в этом процессе играют государственные институты, общественные организации и образовательные учреждения, которые должны работать совместно для нейтрализации угроз и создания условий для мирного сосуществования и взаимодействия всех профессиональных и этнических групп в стране. От научной обоснованности эффективности обычаев и традиций до правового вопло-

¹ Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) образован 10 января 2010 года Указом Президента Российской Федерации от 19 января 2010 года № 82.

щения, от решения «соседских споров» в рамках традиционных особенностей до четкой правоприменительной практики.

Такая многоуровневая и многослойная работа должна иметь понятный аппарат именно «своего» направления. Зачастую дублирование функций созидания приводит к аннигиляции положительного эффекта, а функций противодействия и вовсе к противоположному эффекту, поэтому для начала необходимо выделить основные направления:

просветительская работа: проведение просветительских мероприятий, направленных на повышение уровня религиозной, юридической и социальной грамотности населения. Особенно это важно в школах и молодежных организациях. Форма проведения может быть любая: урок, лекция приглашённого гостя, концерт, театральная постановка, совместные походы на представления в рамках празднования какого-либо события районного, регионального либо государственного значения и т.д.;

социальная политика: реализация программ, направленных на уменьшение социального неравенства, улучшение условий жизни и трудоустройства, особенно в проблемных регионах. Именно воплощение своих традиционно-ценностных потребностей в жизнь является одним из ингибиторов экстремистской сущности;

межкультурное взаимодействие: развитие диалога между различными этническими и религиозными группами, создание площадок для взаимодействия и обмена опытом. В рамках таких взаимодействий всегда рождается основа эффективного взаимоотношения в широком смысле слова;

усиление государственного управления: совершенствование законодательства, направленного на борьбу с экстремизмом, усиление контроля над деятельностью религиозных организаций и их финансированием, повышения авторитета закона и его правоприменителей;

информационная безопасность: разработка и внедрение программ по контролю и противодействию распространению экстремистских материалов в интернете, а также поддержка инициативы создания позитивного и достоверного контента. Создание механизмов регуляции и эффективного выявления индикаторов напряжения экстремистского толка в электронной среде. В условиях глобализации и информационных технологий борьба с религиозным экстремизмом требует координированных действий и обмена опытом со странами-партнерами.

Обозначив основные направления, необходимо также определить принимаемые меры и механизмы по противодействию религиозному экстремизму.

Профилактические меры: улучшение социально-экономических условий: проведение социальных программ, направленных на снижение уровня бедности, улучшение условий жизни и создание рабочих мест, особенно в уязвимых регионах.

Образовательные программы: внедрение образовательных программ, направленных на развитие критического мышления, понимание и уважение к различным культурам и религиям. Поддержка молодежных инициатив, направленных на поощрение толерантности и диалога.

Поддержка мигрантов и этнических меньшинств: интеграционные программы, направленные на поддержку мигрантов и этнических меньшинств, преодоление дискриминации и способствование их активному участию в социально-политической жизни страны.

Законодательные и правоприменительные меры: усиление контроля над экстремистскими организациями: мониторинг деятельности религиозных организаций и групп, подозреваемых в пропаганде радикальных идей и причастности к экстремистской деятельности.

Обеспечение прозрачности и справедливости в правоприменении: юридические меры должны быть справедливыми, прозрачными и основанными на верховенстве закона, чтобы избежать усиления недоверия к государственным институтам.

Международное сотрудничество: активное сотрудничество с международными организациями и другими государствами в вопросах обмена информацией, совместного предотвращения и пресечения экстремистской деятельности.

Культурные и информационные меры: продвижение межрелигиозного диалога: создание платформ для регулярного диалога между представителями различных религиозных конфессий, что поможет уменьшить напряженность и повысить уровень взаимопонимания.

Информационные кампании: проведение информационных кампаний, направленных на разоблачение экстремистской пропаганды, популяризацию идей толерантности и мирного сосуществования.

Роль массмедиа: привлечение средств массовой информации к распространению позитивных примеров взаимодействия между различными этническими и религиозными группами.

Таким образом, противодействие религиозному экстремизму в Российской Федерации требует только комплексного подхода с четким разделением направлений по субъектам исполнения, включающего меры на всех уровнях общества - от улучшения социально-экономических условий и образовательных программ до усиления контроля над экстремистской деятельностью и продвижения межрелигиозного диалога.

В светском обществе должна допускаться только такая религиозная деятельность, которая не вступает в противоречие с конституционным правом на свободу совести и вероисповедания и принципом светского характера государства. Религиозные представления приверженцев той или иной религии, которые оказываются несовместимыми с этими принципами, подпадают под термин «религиозный экстремизм».

Зюзина Анастасия Викторовна,
преподаватель кафедры ОРД в органах внутренних дел,
Краснодарский университет МВД России
E-mail: Stanislaw.Sm2018@yandex.ru

УДК 343.97

Основные направления реализации оперативно-розыскной политики в российском государстве

Аннотация. В статье рассматриваются основы формирования оперативно-розыскной политики, как части уголовной политики, проблемные вопросы и перспективные направления ее реализации в современной России. Поскольку от правильного определения приоритетов и долгосрочных целей в этой области (и их успешного достижения) напрямую зависит национальная безопасность государства, данное направление можно с уверенностью назвать стратегическим. Данный тезис подтверждает и то, что укрепление законности, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств прямо закреплены в Стратегии национальной безопасности РФ¹. Это означает, что оперативно-розыскную политику, как государственную деятельность, формирующую основные векторы борьбы с преступностью, нельзя игнорировать ни в вопросах научно-теоретического, ни организационного-финансового обеспечения. Недостаточное внимание к данной проблеме, а также просчеты при ее решении приведут к гораздо более тяжелым последствиям для государства, чем может показаться на первый взгляд.

Ключевые слова: оперативно-розыскная политика; уголовная политика; национальная безопасность; оперативно-розыскное прогнозирование.

Говоря об оперативно-розыскной политике, в первую очередь необходимо разобраться в определении данного явления, его месте и роли в научной и практической деятельности. И если в отношении уголовной политики в научной среде существует относительное единство и определенность касаясь ее понимания и сути, то с оперативно-розыскной

¹ О Стратегии национальной безопасности: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС КонсультантПлюс.

политикой среди ее исследователей нет консенсуса ни в части ее нынешнего содержания, ни в части путей дальнейшего развития. Да и самих исследований в данном направлении критически мало, что ведет к недостаточности научного обоснования указанного вопроса и, как следствие, отсутствия путей решения проблем, возникающих в ходе реализации оперативно-розыскной политики.

Итак, исходя из анализа научных работ, посвященных уголовной политике (а ни в одном нормативно-правовом акте это понятие официально не раскрывается), обобщив приведенные в них формулировки, можно сделать вывод о том, что это есть целенаправленная деятельность государства по защите граждан и общества от преступных посягательств. Следовательно, как правильно отмечают многие авторы, оперативно-розыскная политика логически является ее составной частью, поскольку, без оперативно-розыскной деятельности невозможно ни предотвращение преступлений, ни тем более их раскрытие.

Однако, на сегодняшний день нет даже четкого определения оперативно-розыскной политики и ее места в политике государства в целом и уголовной политике в частности.

Одним из ученых, наиболее детально проработавших в своих трудах вопросы теоретического, практического и правового характера оперативно-розыскной политики, является Катков С.В., который в своей докторской диссертации на данную тему дал достаточно широкое определение этому явлению. Катков С.В. называет оперативно-розыскную политику системой общественных отношений, основанную на объективных условиях общественного развития, достижениях научной мысли и урегулированную правовыми нормами, осуществляемую специальными субъектами с помощью гласных и негласных методов, с целью обеспечения и защиты конституционных прав и свобод граждан, суверенитета, независимости и территориальной целостности государства. Во-первых, в данном определении любопытно, что автор считает эту деятельность именно общественными отношениями, но гораздо важнее то, что им делается акцент на трех ее основах: объективной реальности, достижениях науки и правовых нормах. И если последняя составляющая является само собой разумеющейся, то первые две заслуживают отдельного внимания.

На мой взгляд, Катков С.В. абсолютно точно уловил те факторы, на которые необходимо опираться государству при реализации оперативно-розыскной политики, особенно сейчас, в период серьезных и стремительных перемен во всех сферах жизни. Объективные условия общественного развития предполагают, в том

числе, и новые виды преступности, способы и тактику совершения преступлений, новые направления, откуда государству следует ждать угрозы законности и правопорядку. Для того, чтобы правоохранительные органы не оставались все время в роли «догоняющих», государству, и, в первую очередь, его законодательной системе, следует почти мгновенно реагировать на возникающие вызовы. И здесь, как раз, нужно обратить внимание на указанную Катковым С.В. вторую составляющую оперативно-розыскной политики, а именно – достижения науки, причем не только фундаментальной, но и, в первую очередь, прикладной (и не только в гуманитарных отраслях, но и в технических).

Технологический прогресс, совершив в последние два-три года качественный рывок, на данный момент изменил практически все сферы жизни, начиная с бытовой и заканчивая военной областью применения, ежедневно влияя на ход боевых действий и расстановку сил в геополитических процессах. Так почему же тогда не применить его достижения в созидательных целях, а в частности на благо борьбы с таким общественным недугом, как преступность? Тем более, что сама преступность очень чутко реагирует на любые новшества, моментально внедряя их в различные виды противоправной деятельности: наркоторговлю, экстремизм, терроризм, дистанционные мошенничества и другие. Именно поэтому, как верно отметил Катков С.В., научно-технические достижения должны являться одной из основ оперативно-розыскной политики нашего государства.

Как уже было отмечено выше, в российской правовой науке оперативно-розыскной политике отводится весьма незначительная роль. Не многие ученые задаются вопросами ее изучения в историческом контексте, генезиса и современного состояния. Еще меньше пытается заглянуть в ее перспективы. К чему может привести такое положение дел?

Оперативные подразделения органов внутренних дел всегда были и остаются «локомотивом» борьбы с преступностью, а их сотрудники находятся на переднем крае этой специфической и опасной работы. При этом, не имеет значения, о каком именно виде преступности идет речь, поскольку одни из них могут причинять относительно небольшой ущерб, но представляют опасность своей массовостью (например, кражи), другие, хоть и происходят значительно реже, но даже единичные их случаи наносят колоссальный вред обществу и государству (террористический акт, государственная измена и т.д.). В любом случае, уровень преступности – один из ключевых показателей эффективности государства и его органов власти, мерило качества жизни населения и фактор, во многом пре-

допределяющий направления экономического и социального развития страны. Таким образом, борьба с преступностью, без преувеличения, является стратегическим направлением функционирования государства, его экзистенциальной необходимостью. А значит, без четкого определения концепции оперативно-розыскной политики, невозможно говорить о государственной безопасности, как внутренней, так и внешней.

Но для этого необходимо глубокое понимание и качественный анализ самой сути рассматриваемого процесса.

При попытке разобраться с научной точки зрения с сущностью и направлениями развития оперативно-розыскной политики в РФ, нельзя не обратить внимание на следующую дихотомию. С одной стороны, согласно федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, основной ее целью является защита прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем, этот же закон дает право субъектам оперативно-розыскной деятельности² при проведении некоторых оперативно-розыскных мероприятий³ ограничивать ряд конституционных прав и свобод граждан для достижения целей и задач ОРД. И оба этих противоречащих друг друга фактора являются неотъемлемыми составляющими ОРД, без которых невозможна реализация ее главной функции – предотвращения, пресечения и раскрытия преступлений. С учетом изложенного, главным направлением оперативно-розыскной политики в РФ, ее концептуальной задачей, должно быть соблюдение баланса (путем как законодательных, так и организационных мер) между достижением целей, стоящих перед субъектами оперативно-розыскной деятельности, и теми методами, которыми они достигаются.

При этом необходимо помнить, что усиление одной из этих составляющих неизбежно приводит к ослаблению другой. То есть, как показывает практика, когда государственная политика начинает акцентировать внимание на неукоснительном соблюдении прав и свобод граждан в деятельности полиции (в чем, естественно, нет ничего плохого), это зачастую приводит к излишней осторожности и «перестраховке» как со стороны руководителей, согласовывающих соответствующее ОРМ, так и со стороны судей, дающих санкцию на их проведение. Вследствие этого, как правило, не проводится весь комплекс необходимых ОРМ и, соответственно, не всегда

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995г. №144-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

² Далее – ОРД.

³ Далее – ОРМ.

удается привлечь виновных лиц к уголовной ответственности либо предотвратить преступление. И наоборот, если дать субъектам ОРД полный «карт-бланш» при осуществлении их деятельности, то это практически неизбежно приведет к определенному проценту нарушений, что вызовет негативную реакцию в обществе, и уж точно не будет способствовать укреплению законности и правопорядка.

В связи с этим, решение такой непростой задачи, как приведение к общему знаменателю возможностей и ограничений, существующих в оперативно-розыскной деятельности, создание устойчивого баланса между ними, должно стать концептуальной целью всех участников оперативно-розыскной политики, особенно имеющих отношение к нормотворческому процессу.

Следующим масштабным направлением оперативно-розыскной политики следует, на мой взгляд, определить глубокий аналитический подход к тому, с какими именно вызовами субъектам ОРД предстоит столкнуться в краткосрочной и долгосрочной перспективе. От этого будет зависеть тактика и стратегия противодействия преступности в самом широком смысле. И здесь существует целый ряд проблем, большинство из которых носят организационный характер и вполне решаемы. В теории и практике оперативно-розыскной деятельности незаслуженно забыто оперативно-розыскное прогнозирование, как процесс, выявляющий факторы наибольшего риска в меняющейся оперативной обстановке. Оперативно-розыскное прогнозирование отличается от криминологического прогнозирования тем, что при осуществлении последнего анализируется перспектива изменения оперативной обстановки в целом, рост или снижение тех или иных видов преступности. Оперативно-розыскное прогнозирование предполагает анализ и моделирование преступного поведения конкретного фигуранта (фигурантов).

Кроме того, при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, как специфического вида государственного воздействия, целью которого является борьба с преступностью, всегда будет иметь место активное противодействие со стороны преступного элемента. Это противодействие выражается в самых разных формах: способах, методах, тактике совершения преступлений, которые адаптируются по мере изменения законодательства, появления новинок научно-технического прогресса, изменения структуры правоохранительных органов и т.д. Именно это противодействие и необходимо прогнозировать при планировании и реализации оперативно-розыскной политики.

Автору данной статьи будущее оперативно-розыскного прогнозирования видится в следующих формах:

1) Обработка, анализ и использование так называемых больших данных (Big Data), то есть всей цифровой информации, которая копится и обрабатывается в сетях и компьютерах;

2) Использование технологии OSINT, то есть разведки и сбора информации, основанных на открытых источниках. Тем более, что данный метод успешно применяется не только в коммерческой деятельности, но и в военном деле;

3) Применение искусственного интеллекта¹, без которого невозможна реализация первых двух пунктов. Наверное, на сегодняшний день, самым реалистичным вариантом использования ИИ в правоохранительной деятельности будет сугубо аналитическая работа, но с учетом скорости развития данной технологии, в будущем она, вероятно, будет решать более широкий круг задач;

4) Законодательная проработка вопросов, связанных с искусственным интеллектом, уже как субъектом определенных правоотношений, в том числе уголовно-правовых. Этот тезис может показаться как минимум спорным. Однако, мнения ученых, занимающихся исследованием ИИ в чисто техническом аспекте, сводятся к тому, что, несмотря на отсутствие у ИИ антропоморфных черт, мы в обозримом будущем можем столкнуться с появлением у ИИ таких признаков, как «воля» и «сознание». А это значит, что из простого инструмента в руках человека, он может превратиться в самостоятельного участника самых разных общественных отношений, включая те, которые охватываются юридической наукой.

В целом, не стоит бояться внедрения ИИ в деятельность полиции, в том числе для оперативных нужд. При условии правильного применения, четкого законодательного регулирования и соблюдения требований по защите государственной тайны, искусственный интеллект поможет осуществлять огромный объем работы (как минимум, в части обработки и анализа сведений), не сравнимый с человеческими возможностями. Тем более, что ИИ успешно применяется, в том числе, для нужд военных ведомств, как в России, так и за рубежом. Например, на момент написания данной статьи, в Китае создан ИИ, имитирующий поведение военачальников. Он может моделировать поведение того или иного известного командира, основываясь на анализе его образа мышления, опыта, а также личных качеств, включая недостатки. Стоит ли говорить, что такие технологии могут сулить прорыв как минимум в работе разведки, а затем приспособлены к самым разным областям жизни.

¹ Далее – ИИ.

Наконец, говоря и об оперативно-розыском прогнозировании, и об осуществлении оперативно-розыскной деятельности в целом, нельзя обойти вниманием вопрос о применении специальных технических средств. Во-первых, расширения их номенклатуры, используемой правоохранительными органами, а во-вторых, совершенствования правовых основ их применения и реализации полученных результатов в процессе доказывания. В настоящее время существует ряд проблем, связанных с использованием специальных технических средств в ходе проведения ОРМ. Это и недостаточное их количество, выделяемое для нужд оперативных подразделений, и несоответствие технических характеристик целям, для которых они используются, и не всегда оправданная высокая закупочная стоимость, которая зачастую приводит к отказу от их использования из-за опасений утраты или повреждения.

Решение данной проблемы видится, с одной стороны, в оптимизации процесса госзакупок в системе Министерства внутренних дел¹, а, с другой стороны, в получении возможности применения личных технических средств (по аналогии со смартфоном), таких как диктофон, трекер и другие, оперативными сотрудниками, не входящими в состав специализированных подразделений МВД.

Ведь невозможно игнорировать тот факт, что противодействовать преступности XXI века можно только имея для этого правовой, технический и организационный инструментарий, соответствующий вызовам времени. А с учетом складывающейся геополитической обстановки, такими вызовами будут являться: повышение террористической опасности, внешняя миграция и связанная с этим этническая преступность, преступность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, организованная преступность различного генеза, экономические и должностные преступления, наркотрафик. Именно эти виды преступности представляют наибольшую опасность для национальной безопасности РФ. Данные факторы обусловлены во многом процессами, происходящими в масштабах всего мира: обострением внешнеполитической конкуренции, многочисленными военными конфликтами в различных регионах, перемещением экономических центров и перераспределением финансовых средств и средств производства, борьбы за сферы влияния и постепенным изменением мирового устройства в целом. В настоящее время РФ оказалась не просто в центре данных событий, но и послужила катализатором для многих из них, что

¹ Далее – МВД.

не могло не отразиться на ее положении на мировой арене, а также обострении многих внешних и внутренних вопросов.

Кроме того, при определении векторов оперативно-розыскной политики не стоит забывать о борьбе с теми видами преступности, которые традиционно не относят к стратегическим направлениям, но ввиду их распространенности они так или иначе касаются практически каждого жителя страны. Это все виды имущественных преступлений насильственного и ненасильственного характера. От успешности противодействия им зависит отношение общества к полиции вообще, а правоохранительные органы – это «срез» государственной системы в целом, отражающий эффективность ее функционирования.

Таким образом, мы видим, что от такого узкоспециализированного направления, как оперативно-розыскная политика, зависит как благополучие отдельного гражданина, так и государственная безопасность всей страны в самом широком понимании. С состоянием законности и правопорядка напрямую связана внутренняя политическая стабильность, формирование позитивного имиджа России на международной арене, укрепление ее обороноспособности и перспектив экономического развития, что особенно важно в эпоху мировой политической турбулентности, гибридных войн, санкционного давления и других экзистенциальных вызовов.

Нет сомнений, что МВД является самым массовым субъектом оперативно-розыскной деятельности. Множество системных проблем, назревших в последние годы внутри ведомства, не способствуют решению задач по обеспечению безопасности общества и государства, и требуют скорейшего и комплексного решения. Одним из них является совершенствование оперативно-розыскной политики государства, как в части актуализации законодательства, так и в части оптимизации правоприменительных процессов. В настоящей статье обозначены самые актуальные вопросы формирования оперативно-розыскной политики, концепция которой должна строиться без допущения схоластики, исходя из реалий «на земле». Несмотря на то, что в последние годы эти реалии претерпели колоссальные изменения, сфера нормативно-правового регулирования оперативно-розыскной деятельности подверглась минимальному корректированию. Самым серьезным нововведением последних лет можно считать дополнение федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ оперативно-розыскным мероприятием «получение компьютерной

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

информации», хотя, конечно, необходимость такого ОРМ назрела очень давно. Отсутствие положительных и своевременных сдвигов в практике ОРД кроется в, первую очередь, в отсутствии теоретической проработки основ оперативно-розыскной политики государства на ближайшие годы. Да и самих ученых – специалистов в этой области не так много. Вместе с тем, при должном внимании государства к решению этой проблемы, действенных шагах с его стороны, можно будет не только эффективнее бороться с преступностью, но и способствовать улучшению ситуации в самом МВД, включая стабилизацию кадровой составляющей, уменьшение оттока опытных сотрудников и комплектование новыми, высоко мотивированными специалистами.

Список литературы:

1. Хомколов В. П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью: системный подход. Москва, 1999.
2. Катков С. В., Паталашко С. В. Оперативно-розыскная политика как элемент системы национальной безопасности России // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности: сб. науч. ст. / под ред. Ю. С. Чичерина [и др.], Волгоград, 2016.
3. Федоров А. В. Российская оперативно-розыскная политика: некоторые вопросы теории // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов, М., 2017.
4. Аتماжитов В. М. О сущности оперативно-розыскной политики // Академическая мысль. 2020. № 4.
5. Беляева Л. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскная политика: понятие и содержание // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 19–24.

Ильяшенко Екатерина Алексеевна,
аспирант кафедры уголовного права,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина
E-mail: katyail99@mail.ru

УДК 343.985.5

**Уголовно-правовой запрет заведомо ложного сообщения
об акте терроризма как средство обеспечения
национальной безопасности**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению уголовно-правового запрета заведомо ложного сообщения об акте терроризма через призму вопросов обеспечения национальной безопасности. Обоснована актуальность разработки мер повышения эффективности уголовно-правового противодействия фактам заведомо ложного сообщения акта терроризма в условиях современной геополитической ситуации. Выделены виды «телефонного» терроризма, охарактеризована их социально-правовая природа. Выявлено соотношение заведомо ложного сообщения об акте терроризма, совершенного в целях дестабилизации деятельности органов власти, с угрозой совершения террористического акта в тех же целях. Доказано, что существующая возможность уголовно-правовой оценки угрозы совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов власти в качестве заведомо ложного сообщения об акте терроризма, содержит в себе формально-логические противоречия. Разработаны рекомендации по квалификации «телефонного» терроризма в зависимости от целей и мотивов виновного.

Ключевые слова: состав преступления; общественная опасность; общественная безопасность; терроризм; террористический акт.

В последние десятилетия в устойчивый оборот обывденной речи вошла фраза «телефонный терроризм». В юридической плоскости указанное явление приобретает форму заведомо ложного сообщения об акте терроризма (далее по тексту – телефонный терроризм). Несмотря на предпринимаемые государством попытки повышения эффективности противодействия данным преступлениям, осуществляемые как на законодательном, так и на правоприменительном

уровне, количество фактов совершения данного преступления имеет неуклонную тенденцию к росту. При этом телефонный терроризм представляет весьма серьезную проблему для функционирования государства и его органов, а также для жизнедеятельности общества [1, с. 53].

Особую актуальность проблема телефонного терроризма приобрела в свете современной геополитической ситуации и проведения специальной военной операции, так как рост количества фактов телефонного терроризма приобрел шквальный характер. И это еще более актуализирует необходимость незамедлительной оптимизации уголовно-правового противодействия данным общественно опасным деяниям.

Следует отметить, что уголовно-правовые нормы об ответственности за телефонный терроризм неоднократно подвергались корректировке, что предопределялось в том числе признанием недостаточной эффективности противодействия такому преступлению.

Очередные изменения законодательства в этой части были произведены в 2017 г., и они оказались весьма масштабными. Традиционно телефонный терроризм ассоциировался с хулиганскими выходками. Теперь же в рамках ст. 207 УК РФ криминализованы две разновидности данного преступления: телефонный терроризм из хулиганских побуждений и аналогичное деяние, совершенное в целях дестабилизации деятельности органов власти.

Социально-правовая природа этих двух видов телефонного терроризма имеет существенные отличия. Совершение такого деяния из хулиганских побуждений очевидно создает угрозу преимущественно общественному порядку. Подобные деяния совершаются студентами и школьниками, лицами, находящимися в состоянии опьянения и т.п. Представляется, что национальная безопасность как объект уголовно-правовой охраны в этом случае не подвергается воздействию, не ставится под угрозу причинения вреда.

Другое дело – телефонный терроризм, который в современных условиях совершается зачастую в интересах представителей зарубежных стран, ориентирован на дестабилизацию деятельности органов государственной власти. Подобные деяния характеризуются большей степенью общественной опасности и посягают на общественные отношения, связанные с национальной безопасностью.

С позиции нормативных конструкций предписаний, касающихся телефонного терроризма из хулиганских побуждений или в целях дестабилизации деятельности органов власти, они отличаются соответствующим мотивом либо целью, которые имеют статус обязательных признаков составов преступлений.

Для правильного разграничения данных преступлений уяснению подлежит содержание такого признака как цель дестабилизации деятельности органов власти [2, с. 48].

Толкование этого признака предложено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [3]. Но это толкование, по сути, представляет собой лишь констатацию оценочности данного уголовно-правового признака. Высшей судебной инстанцией указано на необходимость установления наличия этого признака в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

Кроме того, соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ непосредственно посвящены разъяснению признаков состава террористического акта, где признак дестабилизации выступает в качестве альтернативно обязательного в ч. 1 ст. 205 УК РФ.

И в этом контексте следует подчеркнуть имеющиеся особенности современной конструкции уголовно-правового запрета террористического акта. Как известно, террористический акт может быть выражен в виде соответствующих фактических вредоносных действиях, а равно в угрозе их совершения. При первом варианте возможна как цель дестабилизации деятельности органов власти, так и цель оказания воздействия на них для принятия ими решений.

В свою очередь угроза совершения террористических действий может быть совершена только с целью воздействия на принятие решений органами власти. Наличие цели дестабилизации не позволяет квалифицировать содеянное по ст. 205 УК РФ.

Как пишет О. В. Костылева, угроза совершения акта терроризма в целях дестабилизации деятельности органов власти в настоящее время квалифицируется по ч. 3 ст. 207 УК РФ [4, с. 56].

Получается, что угроза совершения террористического акта приравнивается к телефонному терроризму. Это, конечно же, упрощает вопросы правоприменительной деятельности, поскольку устраняет возможность противоречивого толкования указанных моментов.

Однако обоснованность изложенного законодательного решения вызывает сомнения. Проблема заключается в том, что обычно угроза в ст. 205 УК РФ трактовалась как выражение намерений совершения соответствующих действий при наличии оснований опасаться их осуществления. Проводилась своего рода параллель с составом угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью. Угроза наделялась признаком реальности.

В свою очередь телефонный терроризм не рассматривался в качестве выражения реального намерения совершения террориз-

ма. Социально-правовая природа этого деяния подразумевала факт распространения заведомо ложной общественно значимой информации.

При этом, конечно же, произошедшие трансформации не могут исключить изложенное понимание телефонного терроризма. То есть в любом случае классические варианты телефонного терроризма продолжают охватываться ст. 207 УК РФ. В этой части не может быть даже сомнений.

Другое дело, что смысловое содержание телефонного терроризма теперь расширено и включает в себя не только распространение соответствующей заведомо ложной общественно значимой информации, но еще и случаи угрозы совершения террористического акта в целях дезорганизации деятельности органов власти.

По нашему мнению, описанная ситуация является полумерой. Считаем недопустимым отождествлять угрозу терроризмом и соответствующее заведомо ложное сообщение о нем. Равным образом вызывает обоснованное несогласие с размещением в рамках ч. 1 ст. 205 УК РФ предписаний об ответственности за фактически совершенный террористический акт и за угрозу его совершения.

В существующих же условиях можно констатировать, что уголовно-правовой запрет телефонного терроризма является средством обеспечения национальной безопасности.

Еще один вопрос, с которым сталкивается правоприменитель, это невозможность применения квалифицирующего обстоятельства совершения телефонного терроризма в отношении объектов социальной инфраструктуры при совершении анализируемого преступления в целях дестабилизации. В силу буквального толкования уголовного закона такая квалификация недопустима.

Одновременно возникает закономерный вопрос о целесообразности распространения квалифицирующего признака в виде совершения телефонного терроризма в отношении объектов социальной инфраструктуры только на случаи совершения данного преступления из хулиганских побуждений. Полагаем, что данное квалифицирующее обстоятельство должно быть применимо и к случаям телефонного терроризма в целях дестабилизации. Особенно если такое преступление выражается в форме угрозы совершения террористического акта.

На основании изложенного необходимо сделать вывод о том, что уголовно-правовой запрет на телефонный терроризм в целях дестабилизации деятельности органов власти представляет собой средство обеспечения национальной безопасности. Согласно положениям действующего российского уголовного законодательства

угроза совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов власти образует признаки телефонного терроризма и подлежит квалификации по ч. 3 ст. 207 УК РФ.

Помимо обозначенных аспектов правоприменительного плана считаем необходимым обозначить в качестве вектора потенциальной правотворческой деятельности разработку предложений по устранению выявленных противоречий в части юридической регламентации ответственности за угрозу совершения террористического акта. Одним из путей разрешения сложившейся проблемной ситуации может быть конструирование самостоятельной уголовно-правовой нормы об ответственности за угрозу совершения террористического акта с одновременным исключением спорных положений из текста диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ.

Список литературы:

1. Жерновой М. В. Законодательное обеспечение борьбы с «телефонным терроризмом» в России // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 53–54.
2. Ковлагина Д. А. Проблемы дифференциации ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Уголовное право. 2019. № 6. С. 46–50.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.
4. Костылева О. В. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и угроза совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ) // Уголовное право. 2018. № 2. С. 52–60.

Институт семьи как объект уголовно-правовой охраны

Аннотация. Институт семьи является объектом уголовно-правовой охраны в большинстве современных правовых системах. Уголовно-правовая защита института семьи направлена на установление наказания за противоправные действия, а также на предупреждение и предотвращение преступлений в семейной сфере. В статье исследуется роль и значение института семьи в обществе и его защита с помощью уголовного законодательства. С учетом увеличения значимости института семьи в рамках социальных отношений автором рассматривается вопрос целесообразности внедрения охраны семьи в качестве одной из задач Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: объект уголовно-правовой охраны; уголовное законодательство; институт семьи; общественные отношения; правовое регулирование.

Семья, как составная часть социума, представляет собой значимый элемент культуры и основу государства. В Конституции закреплено, что государство обязуется оберегать и поддерживать брак как союз между мужчиной и женщиной, а также семью, права опекунов и детей. Подчеркивается, что именно семья является гарантом существования каждой нации, способствуя стабильному функционированию общества в целом. В настоящее время человечество находится на пороге новой эпохи, где семейные отношения претерпевают значительные трансформации. С каждым годом значение семьи становится все более важным, требуя особого внимания и защиты.

Согласно официальной статистике, за последние пять лет количество преступлений в России составляет примерно 2 миллиона случаев ежегодно. Из них значительная доля приходится на преступления, связанные с нарушением семейных отношений:

в 2018 году было зафиксировано 58348 случаев, в 2019 году – 57772, в 2020 году – 50096, в 2021 году – 61761, в 2022 году – 62144. Информация, представленная в статистике, свидетельствует о возрастании уровня преступности, что свидетельствует о повышенной угрозе для общества.

На сегодняшний день вред и угроза причинения вреда с развитием современного общества только возрастает, поэтому государство обязано развивать правовой механизм противодействия негативным проявлениям в отношении семьи.

В рамках правового механизма охраны семьи выступает УК РФ, в котором содержится комплекс норм, обеспечивающих охрану семьи и направленных на борьбу с такими проявлениями.

Разработчики уголовного закона подтверждают, что в нем особое внимание уделено объектному принципу. Таким образом, объект уголовно-правовой охраны обеспечивает то, что нормы, которые являются основой уголовного права, формируют его организацию и устройство.

Под понятием объекта уголовно-правовой охраны понимаются ключевые общественные отношения, которые регулируются законодательством или формируются в процессе законной деятельности участников правоотношений. Сохранение этих отношений является государственной обязанностью. [1]. Эти «обязанности» четко прописаны в задачах, установленных в статье 2 Уголовного кодекса. Основная идея этого подхода заключается в том, чтобы укрепить общественные отношения как ценность, которую государство признает и защищает от преступных посягательств. Фактически, общественные отношения могут рассматриваться только как потенциальная угроза.

В свою очередь объект преступления – это существующие общественные отношения, на которые было совершено преступное посягательство и в результате чего было нарушено содержание таких отношений [2].

Согласно определениям, объект уголовно-правовой охраны расширяет свое содержание за счет включения объекта преступления, что делает его более широким уголовно-правовым понятием. [3]. В данном случае, принимая во внимание взаимосвязь между объектами, можно сделать вывод о наличии двух уголовно-правовых ситуаций: когда общественные отношения и их части находятся в равновесии, что говорит о стабильности в обществе, а как следствие, что такие отношения находятся под защитой государства, и когда общественные связи нарушены в результате совершения преступления.

При изучении уголовного законодательства России можно увидеть, что семейные связи играют важную роль в определении квалификации преступлений в отечественной уголовно-правовой системе. В Соборном Уложении 1649 года были установлены категории преступлений, такие как отцеубийство (убийство родителей), мужеубийство и другие.

С развитием как уголовного законодательства, так и науки уголовного права в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и последующих правовых актах (Устав о наказаниях, назначаемых мировыми судьями 1864 г., Уголовное уложение 1903 г.) семейные отношения были выделены в качестве самостоятельного охраняемого объекта уголовного права.

Анализ дореволюционной системы уголовного права показывает, что она характеризовалась, прежде всего, охраной семьи и семейных отношений как социального блага, а не защитой частных интересов отдельных лиц. Такая защита была необходима в интересах общества, однако посягательства на семейные отношения относились к группе посягательств на необходимые условия общественной жизни.

Из-за политических и идеологических мотивов охрана семейных интересов, как важного общественного института, не была выделена в самостоятельное направление уголовно-правовой политики в Уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 годы, государство не придавало особого значения семье как основе общественного и государственного устройства. Вместо этого акцент был сделан на защита интересов личности, чем на защите семьи в целом.

Анализируя Уголовные кодексы РСФСР и РФ, можно сделать вывод, что институт семьи как объект защиты со стороны уголовного кодекса был выделен в качестве самостоятельного объекта. Во времена существования СССР семья рассматривалась как «ячейка общества», которая служит на благо всему социуму и цивилизации. Однако в Уголовном кодексе, принятом в 1996 году, семья определяется как разновидность интересов личности (содержится в главе 20, раздел 7 «Преступления против личности»). В результате Уголовный кодекс защищает семью в первую очередь через призму интересов личности, а не как особый социальный институт.

Стоит заметить, что на сегодняшний день институт семьи оказывает влияние на личность, общество и государство. Это позволяет делать вывод, что институт семьи выступает в качестве самостоятельного объекта преступления. Это говорит о необходимости закрепления положения, касающегося охраны семьи, как одной из задач уголовного закона, так как институт семьи оказывает

огромное влияние на общественные отношения существующие в настоящее время.

В свою очередь, ч. 1 ст. 2 УК РФ необходимо изложить следующим образом «Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, семьи, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений».

В связи с вышесказанным, для обеспечения уголовно-правовой защиты необходимо рассматривать семью как особый социальный институт, а не с точки зрения различных интересов отдельных лиц.

Список литературы:

1. Герасимов А. М. Понятие и характеристики объекта уголовно-правовой охраны // *Ex iure*. 2021. № 3. С. 165–181.
2. Жалинский А. Э. Понятие преступления // *Уголовное право: учебник*. Т. 3. / под общ. ред. А. Э. Жалинского. Т. 1: Общая часть. М.: Издательский Дом «Городец», 2011. 864 с.
3. Новоселов Г. П., Федосеева Л. Ю. Объект уголовно-правовой охраны и объект преступления: соотношение и уголовно-правовое значение // *Российское право: образование, практика, наука*. 2019. № 4. С. 60–70.
4. Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за 2018–2022 гг. По данным ГИАЦ МВД России.

Киселева Александра Алексеевна,
адъюнкт 3-го факультета,
Академиз управления МВД России
E-mail: krokhaleva2000@mail.ru

УДК 343.14

**О совмещении процессуальных статусов
в свете решения Конституционного Суда
Российской Федерации**

Аннотация. Поднимается проблема законодательного регулирования вопроса о совмещении (трансформации) уголовно-процессуальных статусов в одном лице, в частности, о возможности привлечения в качестве свидетеля лица, участвующего в судопроизводстве в иной роли. Обосновывается основной критерий разрешения вопроса о допустимости показаний таких лиц в качестве свидетелей – предмет их допроса. Обладание информацией об обстоятельствах, значимых для уголовного дела, и имевших место за рамками уголовного судопроизводства, однозначно исключает участие в уголовном процессе лиц, выполняющих свои функции в связи с особой профессиональной подготовленностью. Невластные участники процессуальных действий могут быть допрошены в качестве свидетелей об обстоятельствах их производства как процессуального, так и фактического (содержательного) характера. Должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, могут быть допрошены об обстоятельствах производства процессуальных действий процессуального характера. Выполнение ими обязанностей следователя (дознателя) и в последующем допустимо, если это не влечет их личной заинтересованности в исходе уголовного дела.

Ключевые слова: процессуальные функции; допустимость показаний свидетеля; свидетель; отводы; допрос свидетеля.

К производству по уголовному делу для решения задач уголовного процесса привлекается широкий круг лиц, не имеющих собственного интереса в деле: выполняющие вспомогательные роли в доказывании (переводчик, понятые, педагог, психолог, законный представитель, представитель), являющиеся носителями специальных знаний

(специалист, эксперт), осуществляющие защиту участников процесса или представляющие их интересы (защитник, адвокат, представитель, законный представитель) [2, с. 10-13]. В ходе участия в следственных и иных процессуальных действиях эти лица могут становиться обладателями информации, имеющей доказательственное значение (воспринятой от иных участников процесса, при ознакомлении с документами, аудио-, видеозаписями). Однако в самом законе нет определенности в решении вопроса о совмещении (трансформации) уголовно-процессуальных статусов в одном лице, и, в частности, в возможности привлечения в качестве свидетеля лица, ранее участвовавшего в производстве по уголовному делу в ином качестве.

Согласно ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) перечень процессуальной формы доказательств (их источников) является закрытым. Показания законного представителя, психолога, педагога или иных участников процесса (кроме прямо указанных в этой статье) как виды доказательств не предусматриваются. В правоприменительной деятельности этот вопрос решается путем допроса таких лиц в качестве свидетелей, что поддерживается и некоторыми учеными [6]. УПК РФ и не предоставляет иной возможности использования в доказывании информации сообщаемой данными лицами, тогда как она может быть важна, например, показания законного представителя обвиняемого (подозреваемого), которому может быть известна информация, имеющая значение для уголовного дела [4, с. 9]. Однако, большинством исследователей в таких ситуациях подразумевается информация, полученная вне уголовного судопроизводства. О возможности допроса и проблемах использования в доказывании показаний участников процесса об обстоятельствах производства процессуальных действий в литературе в основном умалчивается.

Вместе с тем, предмет допроса участников уголовного судопроизводства в качестве свидетелей – основной критерий, посредством которого должен разрешаться вопрос о допустимости данных ими показаний.

Обладание информацией об обстоятельствах, значимых для уголовного дела, и имевших место за рамками уголовного судопроизводства однозначно исключает участие в уголовном процессе лиц, выполняющих свои функции в связи с особой профессиональной подготовленностью (следователь, дознаватель, эксперт, специалист, судья, прокурор, адвокат, защитник, представитель, переводчик и др.). Обладание такой информацией делает этих лиц потенциальными свидетелями, а участие в качестве свидетеля согласно ст. 61, 69, 70, 71, 72 УПК РФ – обстоятельство, исключающее участие в процессе указанных его участников.

Отсюда, если установлены основания для допроса таких участников процесса в качестве свидетелей об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания и возникших вне уголовного процесса, все доказательства, полученные с участием этих лиц, должны быть признаны недопустимыми.

Несмотря на очевидность данного положения, в правоприменительной деятельности по этому вопросу возникают нарушения, доходящие до Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд), которому приходится напоминать о положениях, на наш взгляд, вытекающих из закона совершенно недвусмысленно.

Так, в Конституционный Суд поступило заявление о проверке конституционности ст. 71 УПК РФ, которая, по мнению заявителя, не приводит четкого перечня оснований для отвода специалиста и тем самым допускает правовую неопределенность¹. Иначе говоря – допускает участие лица в качестве специалиста, невзирая на его предшествующий допрос в качестве свидетеля. Достаточно странная постановка вопроса. УПК РФ (ч. 2 ст. 71, п. 1 ч. 2 ст. 70, п. 1 ч. 1 ст. 61 УПК РФ) недвусмысленно запрещает участие лица в качестве специалиста, если он ранее приобрел процессуальный статус свидетеля. Вряд ли банальное нарушение уголовно-процессуального закона вообще должно было стать предметом рассмотрения Конституционного Суда, который, однако, сформулировал правовую позицию, имеющую определенное значение для теории уголовного процесса и способную инициировать продолжение дискуссий по вопросу о совмещении процессуальных статусов.

Конституционный Суд подчеркнул, что участие лица в судопроизводстве в качестве специалиста, если оно ранее привлекалось в качестве свидетеля, влечет обоснованные причины полагать, что лицо заинтересовано в исходе уголовного дела, в отведении от себя подозрений в причастности к преступлению, а также в силу непосредственно воспринятых им обстоятельств не способно дать объективную информацию по существу исследования в виде показаний или заключений специалиста. Таким образом, Конституционный Суд подчеркнул, что допрошенный ранее свидетель в последующем не может выступать в деле в качестве специалиста, поскольку это ставит под сомнение его объективность, беспристрастность и непредвзятость при даче заключения или показаний ввиду возможного влияния субъективного отношения к произошедшему на использование специальных знаний.

¹ По делу о проверке конституционности статьи 71 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Е. В. Емельянова : постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2024 № 37-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.07.2024).

Полагаем, что такой подход в целом применим и к иным участникам процесса, выполняющим функции того или иного участника судопроизводства в связи со своей профессиональной подготовленностью.

При этом аргументация Конституционного Суда не дает оснований утверждать об абсолютной недопустимости совмещения процессуальных статусов.

Известны многочисленные случаи допроса в качестве свидетелей (в основном в ходе судебного разбирательства) следователей об обстоятельствах производства ими процессуальных действий. В таких случаях лицо выполняет процессуальные функции в условиях, обеспечивающих беспристрастность, непредвзятость и объективность, а затем привлекается в качестве свидетеля и допрашивается об обстоятельствах производства действий, в которых он принимал участие.

Вновь обратим внимание на ключевой критерий: предмет допроса. В обозначенных случаях участники процесса, реализующие в уголовном судопроизводстве свои профессиональные знания и навыки, в качестве свидетеля допрашиваются об обстоятельствах, носящих уголовно-процессуальный характер, возникших в связи с производством процессуальных действий.

В отношении большинства привлекаемых к производству по уголовному делу участников процесса ст. 56 УПК РФ не содержит запрета на допрос в качестве свидетелей об обстоятельствах, ставших известными в связи с выполнением профессиональных обязанностей (за исключением судьи, присяжного заседателя, защитника и адвоката¹).

Так, например, допрос лица в качестве свидетеля для установления каких-либо обстоятельств проведения следственных и процессуальных действий, в которых он принимал участие, не ставит под сомнение ранее данное им в качестве специалиста заключение (или данные в качестве специалиста показания), поскольку предмет существа его деятельности как специалиста и предмет его допроса в качестве свидетеля не идентичны. Как специалист лицо участвует в уголовном процессе в связи с наличием у него специальных знаний (дает заключение, показания). Предмет здесь – их применение или разъяснение (ч.ч. 2, 4 ст. 80 УПК РФ). Предмет показаний лица, который участвует в уголовном процессе как специалист, в качестве свидетеля – обстоятельства производства процессуальных действий.

¹ В определенных случаях ч. 3 ст. 56 УПК РФ допускает допрос и этих участников судопроизводства об обстоятельствах, ставших известными в связи с выполнением профессиональных обязанностей.

Принципиальная возможность допроса лиц, принимавших участие в процессуальных действиях, об обстоятельствах их производства не исключает нескольких дискуссионных вопросов.

Первый: каков круг «обстоятельств производства процессуальных действий»? Ограничивается ли он только обстоятельствами процессуального характера? Допустимо ли допрашивать участников процессуальных действий об обстоятельствах фактического характера, т.е. о содержании сведений, полученных в ходе таких действий?

Применительно к должностным лицам, осуществлявшим процессуальное действие, этот вопрос решен Конституционным Судом. Допуская возможность допроса следователя, дознавателя об обстоятельствах производства отдельных следственных и иных процессуальных действий, Конституционный Суд не допускает возможности с помощью их показаний восстанавливать содержание показаний подозреваемого (обвиняемого)¹.

Следователь, дознаватель, судья не являются свидетелями обстоятельств, выясненных в ходе действий, ими же и проводимых. Все, что они воспринимают в их ходе, должно найти отражение в протоколе. Однако правомерно ли распространять запрет на допрос об этих обстоятельствах иных участников судопроизводства?

Лицо, участвующее в производстве по уголовному делу в каком бы то ни было невластном статусе, не может абстрагироваться от происходящего вокруг, от любых обстоятельств, возникающих в ходе проведения следственных и процессуальных действий, ограничиваясь лишь пределами осуществления своих функций. Так, специалист, привлеченный для содействия в обнаружении и изъятии предметов и документов или применения технических средств, может в ходе выполнения этих действий воспринять информацию, сообщаемую иными участниками процесса, имеющую важное значение для расследования, или увидеть то, что не увидел следователь. Эта информация может быть крайне важна для расследования конкретного преступления или для предотвращения другого. В случае отсутствия этой информации в протоколе процессуального действия имеются ли основания, препятствующие допросу специалиста (иных невластных участников процессуального действия) в качестве свидетеля о ее содержании?

¹ По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 № 44-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.07.2024).

Согласимся, что, когда в предмет допроса лица, принимавшего участие в процессе в качестве специалиста, входят обстоятельства лично им осуществленных действий (выявление следов, применения технических средств), должен быть проведен допрос специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК). Об иных сведениях (об обстоятельствах участия в следственном действии, порядке его производства, о поведении иных участников следственного действия) он может быть допрошен в качестве свидетеля [1, с. 45]. В обязанности участников следственного действия (за исключением должностных лиц, его производящих, не входит составление протокола, они не отвечают за его правильность и полноту). Все обстоятельства производства процессуального действия и процессуального и фактического характера они воспринимают как лица, не несущие процессуальной ответственности за сам ход и результаты процессуального действия, за исключением возможной ответственности за выполнение своих обязанностей. Поэтому – они очевидцы производства процессуального действия, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей (ч. 1 ст. 56 УПК).

Полагаем, что в целом такой подход применим и при решении вопроса о допросе иных невластных участников процессуальных действий об их содержании и результатах (понятые, представители, законные представители, педагоги, психологи и др.).

Для более убедительной аргументации проведем аналогию с использованием в доказывании результатов применения технических средств фиксации хода и результатов следственного действия. Их значение в доказывании, действительно, дискуссионно. Однако, согласимся с тем, что вряд ли имеются достаточные основания отрицать использование в доказывании информации, содержащихся в таких результатах, хотя и не нашедших отражение в протоколе [5, с. 371-372]. Оставим в данном случае без рассмотрения вопрос о том, являются ли результаты применения технических средств фиксации частью протокола или иными документами [5, с. 373], важно, что зафиксированная с помощью таких средств информация может использоваться в доказывании, даже если ее нет в протоколе процессуального действия. Полагаем, что аналогия здесь правомерна. Очевидцы производства процессуального действия (а ими могут оказаться и случайные люди, не являющиеся его участниками) могут быть допрошены о его содержании и результатах не только процессуального, но и фактического характера.

Второй важный вопрос, возникающий в результате принятия позиции о совмещении процессуальных функций: допускается ли продолжение выполнения конкретной процессуальной функции после допроса лица в качестве свидетеля об обстоятельствах производства

процессуальных действий (включая сведения о содержании и результатах действия).

На этот вопрос в части должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, эксперта, специалиста, переводчика, защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика законодатель отвечает отрицательно (ст.ст. 60, 69, 70, 71, 72 УПК РФ).

Иначе говоря, после возвращения, например, уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, следователь, допрошенный в суде в качестве свидетеля, хотя бы и по обстоятельствам исключительно процессуального характера, не может продолжать производство и подлежит отводу. Буквальное толкование приведенных статей УПК РФ дает основание полагать, что и другие названные участники судопроизводства подпадают под обстоятельства, исключающие их участие в уголовном деле. Полагаем, однако, что буквальное толкование УПК РФ в данном случае не является правильным. Так, например, допрос лица в качестве свидетеля после осуществления им функций специалиста об обстоятельствах производства процессуальных действий (включая их фактическое содержание и результаты) не оказывает влияния на исполнение этим лицом функций специалиста в последующем, если предмет допроса не совпадает с обстоятельствами, для выяснения которых и требуются специальные знания специалиста. Такая же логика в целом применима к другим участникам судопроизводства, привлекаемым к участию в следственных действиях.

Склонность правоприменителя к букальному толкованию уголовно-процессуального закона [3, с. 66-67] нередко использовалась недобросовестными участниками судопроизводства для отвода неугодных следователей. Достаточно было заявить о недозволённых методах ведения следствия, включить следователя в список лиц, подлежащих вызову в суд в качестве свидетеля, заявить ходатайство о его допросе. Очевидно, что сам факт допроса должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу, о порядке производства процессуального действия не влечет заинтересованность такого лица в исходе уголовного дела. Именно такая заинтересованность, судя по конструкции ст. 61 УПК РФ, и является основанием для формулирования положений ее части первой, поскольку в части второй речь идет о недопустимости участия в уголовном деле, если имеются «иные обстоятельства», позволяющие предположить личную заинтересованность в исходе уголовного дела. Отсюда и положения ч. 1 ст. 61 УПК РФ запрещают участвовать в производстве лишь при наличии личной заинтересованности. Именно наличие этого кри-

терия и препятствует участию в судопроизводстве, и именно он должен оцениваться при решении вопроса о возможности выполнения любой процессуальной функции после допроса лица в качестве свидетеля об обстоятельствах производства процессуальной деятельности.

Таким образом, допрос участников процессуальных действий об обстоятельствах их производства (включая обстоятельства не только процессуального, но и содержательного характера¹) в качестве свидетелей законом не запрещается. Последующее выполнение ими первичной (основной) конкретной процессуальной функции после допроса в качестве свидетеля также допускается, если допрос проводился об обстоятельствах, не связанных с теми, для выяснения которых лицо, обладающее специальными знаниями или профессиональной подготовкой и привлекалось к участию в процессе, а для должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, - не влечет личной заинтересованности в исходе уголовного дела.

Список литературы:

1. Зайцева Е. А. Тактические аспекты допроса специалиста в суде // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 42–47.
2. Латыпов В. С. Иные участники уголовного судопроизводства. М.: «Юрлитинформ», 2014. 200 с.
3. Победкин А. В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 66–77.
4. Победкин А. В. Показания как источник доказательств: обеспечить системность // Российский следователь. 2019. № 7. С. 9–14.
5. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М.: «Юрлитинформ», 2009. 408 с.
6. Рыжаков А. П. Свидетель в российском уголовном процессе: понятие, права, обязанности и ответственность. Комментарий к статье 56 УПК РФ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.07.2024).
7. Смирнов А. В. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС. 2008. 704 с.

¹ Должностные лица, ведущие производство по уголовному делу, не могут быть допрошены об обстоятельствах процессуального действия содержательного характера.

Кудря Алексей Дмитриевич,
адъюнкт 3-го факультета,
Академия управления МВД России
E-mail: alexey_kdr@list.ru

УДК 343

**Унитарный подход к ОРД:
катализатор эволюции оперативно-розыскной политики**

Аннотация. Актуальность исследования определяется не в полной мере осмысленным значением оперативно-розыскной политики, а также не познанной её ролью в системе реализации уголовной политики, что затрудняется, среди прочего, отсутствием согласованного подхода к содержанию оперативно-розыскной деятельности, как ключевого вектора развития.

Цель исследования: обоснование необходимости формирования унитарной методологической предпосылки для толкования правовых норм, установленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», принятие которой в теории и на практике приведёт к ясности в понимании содержания оперативно-розыскной деятельности.

Результаты и ключевые выводы: предложено принятие и использование в теории и на практике единого подхода к содержанию оперативно-розыскной деятельности. Определены основные его элементы, а также раскрыто их соотношение между собой. Обоснована как теоретическая, так и практическая необходимость наличия согласованного подхода к содержанию ОРД, как стержневого элемента оперативно-розыскной политики и ключевого вектора её развития.

Ключевые слова: оперативно-розыскная политика; содержание оперативно-розыскной деятельности; оперативно-розыскные мероприятия; оперативно-розыскные меры; методы оперативно-розыскной деятельности.

Чтобы справляться с преступностью и предотвращать связанные с её последствиями риски, в том числе для национальной безопасности, нужны соответствующие государственные меры, осу-

ществляемые посредством используемых правоохранительными органами инструментов¹.

Современная преступность характеризуется всё большей осведомленностью о методах работы органов правопорядка, правовой грамотностью и хорошей технической оснащённостью, в связи с чем противодействие этому явлению можно эффективно реализовывать исключительно при сочетании инструментария, воплощаемого в рамках ОРД, следовательно, успех нейтрализации как названной, так и других угроз национальной безопасности, зависит от эффективности оперативно-розыскной политики.

Относительно молодой термин «оперативно-розыскная политика» сейчас является предметом активной научной дискуссии, и однозначного мнения о его значении в изданных научных работах не существует. В этой связи, заслуженные юристы России Л. И. Беляева и Н. В. Павличенко отмечают некоторую поспешность и поверхностность выводов в рассуждениях об оперативно-розыскной политике. По словам этих специалистов можно делать выводы относительно отрицательного влияния на обеспечение высшего уровня национальной безопасности неопределённости в части сущности оперативно-розыскной политики и соответствующей ей научной базы [5, с. 20].

Поэтому, изучая различные научные подходы и труды по исследованию этой тематики, стоит согласиться с мнением этих авторов о том, что за основу целесообразнее брать работы В. М. Аتماжитова и Н. П. Водько с их фундаментальными знаниями в сфере оперативного розыска [7], а так же В. П. Хомколова, поскольку он обосновал его значимость в части решения уголовных вопросов [21, с. 43-48].

Рассмотрев состояние научной разработки фундаментальных проблем оперативно-розыскной политики на современном этапе, профессор В. М. Аتماжитов сформулировал положения о том, что её цель может достигаться только в определении содержания оперативно-розыскной работы и её соответствующих направлений. Определить её, как он полагает, можно только на базе исторически сложившихся профессиональных суждений об оперативно-розыскной деятельности, содержание которой, соответственно, можно считать фундаментом существующей оперативно-розыскной политики в стране [4, с. 35-36].

Если продолжать изучать этот вопрос, можно столкнуться с различными подтверждениями вышесказанных утверждений.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 / СПС КонсультантПлюс.

К их ряду стоит отнести факт, например, того, что аналитические исследования С.В. Каткова относительно исторического образования оперативно-розыскной политики основываются именно на изучении особенностей осуществления ОРД в те или иные периоды её развития [11, с. 157-163].

Ещё одним примером, который следует привести здесь, является момент из его совместной работы с О.И. Белокобыльской, где он в качестве одного из выводов написал следующее суждение, снова подтверждающее вышеизложенные доводы: «более наглядно практическая значимость определения оперативно-розыскной политики проявляется в закономерностях, относящихся к организации и правовому регулированию ОРД» [12, с. 117].

Возвращаясь к тому, что в ходе своих исследований утверждали Н.В. Павличенко и Л.И. Беляева, отметить так же стоит следующие их определения понятия и сущности реализуемой в стране оперативно-розыскной политики. Она, по их мнению, является стратегической деятельностью такого широкого масштаба, что осуществляется в целях защиты гражданских и человеческих прав населения от тех или иных незаконных деяний, притом защиты в части не только личных интересов и свобод, а ещё и здоровья людей, и их жизни. При всём этом осуществляться указанная деятельность может через специальные проводимые для этого оперативными государственными подразделениями мероприятия [5, с. 22]. Надо отметить, что такое определение почти ничем не отличается от того, как принято характеризовать сущность ОРД, факт чего ещё раз подтверждает близость этих понятий.

С учётом этим наблюдений автор настоящей статьи отмечает важность единого подхода к содержанию одного из них в развитии второго, что необходимо для обеспечения эффективности, легитимности и адаптивности к новым вызовам исследуемого стратегического направления обеспечения национальной безопасности. В этом контексте стоит вспомнить суждение, данное профессором В.М. Атамажитовым, и его суть состоит в том, что принадлежащие оперативно-розыскной политике фундаментальные положения на законодательном уровне становятся определяющими в части обозначения границ проведения тех или иных оперативно-розыскных мер [4, с. 35].

В свою очередь, содержание ОРД, как главный элемент исследуемой темы, не закреплено базисными положениями, способствующими единообразию в толковании и применении норм, а суть ОРД сводится только к осуществлению оперативно-розыскных мероприятий согласно принятым относительно неё на законодательном уровне определениям.

В специальной литературе на этот счёт высказаны различные мнения. Например, К.К. Горяинов, В.С. Овчинский и Г.К. Синилов отмечают, что основное содержание ОРД составляет агентурный метод [19, с. 194], по мнению В.К. Зникина, оно заключается в поиске и сборе необходимых оперативных данных [10], а вот А.Е. Чечётин отмечает важность оказываемого гражданами содействия в ходе проводимых ОРМ [22]. Но вот если говорить о суждениях Н.С. Железняк, то надо отметить их отличие от большинства тем, что, по его словам, процесс осуществления ОРМ стоит считать базой ОРД [8, с. 97-99].

Во многих научных исследованиях авторами предприняты попытки раскрыть содержание ОРД через систему задач, принципов, сил и средств, путем разграничения с уголовно-процессуальной, частной детективной и охранной деятельностью [19, с. 10-11].

Надо отметить при этом, что содержанием можно считать «то, из чего складывается, состоит что-либо» [18] или же, согласно ещё одному определению, «то, что составляет сущность кого-чего-нибудь» [20].

Анализ положений ФЗ «Об ОРД» позволяет выделить в содержании этой деятельности такие элементы как: оперативно-розыскные мероприятия; гласные и негласные методы (ст. 3, ч. 1 ст. 12); действия осуществляющих ОРД органов и должностных лиц (ч. 3 ст. 5, ч. 9 ст. 8, ч. 2 ст. 16). Ранее К.К. Горяинов, В.С. Овчинский, Г.К. Синилов и А.Ю. Шумилов уже выделяли эти элементы в содержании ОРД, которую они определяли в качестве особой системы осуществления на основе принятия эффективных оперативно-важных решений тех или иных оперативно-розыскных мер, среди которых называются специальные методы, оперативно-тактические действия и, собственно, сами ОРМ [15, §2]. Говоря о том, как определял ОРД В.М. Аتماжитов, надо отметить значимость её осуществления в контексте специальных необходимых для её проведения организационных мероприятий и оперативно-розыскных действий [3].

Вопрос о соотношении указанных понятий не урегулирован законом, так как в нём отсутствуют легальные определения, в связи с чем в юридической литературе высказываются различные точки зрения, не способствующие складыванию полной ясности. Некоторые авторы отождествляют рассматриваемые категории как взаимозаменяемые или близкие по значению [9, с. 202, 206, 209], что приводит к искажению смысла и едва ли способствует правильному пониманию сущности юридических категорий.

Для того чтобы выделить ещё какие-то другие важные элементы, которые содержит в себе ОРД, нужно обратить внимание на предло-

жения Н. С. Железняк по изменению написанной к ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» преамбулы, исключив из неё указание на проведение оперативно-розыскных мероприятий [17].

Соглашаясь с позицией Н. С. Железняк, стоит отметить необходимость глубокого анализа обозначенной проблемы. По этому поводу В. Н. Омелин отметил, что такой анализ «не просто уместен, он очень важен, поскольку даёт возможность раскрыть новые грани указанных понятий» [14, с. 143].

На основании всего вышеизложенного, с целью раскрытия содержания ОРД, как значимого элемента становления оперативно-розыскной политики, видится необходимым закрепление единой парадигмы относительно сущности и соотношения ОРМ, оперативно-розыскных действий (мер) и методов ОРД. Представляется, что единые стандарты, чёткие положения и единое толкование обеспечат согласованность действий субъектов, беспрепятственный обмен информацией между ними, оптимизацию использования ресурсов и внедрение инновационных подходов. Вместе с тем, единый подход к ОРД минимизирует риски нарушения прав и свобод граждан и злоупотреблений со стороны субъектов её осуществления, укрепляя доверие общества к правоохранительным органам.

Закон не даёт легального определения оперативно-розыскных мероприятий, а позиции относительно сущности ОРМ, содержащиеся в специальной литературе, разнятся и содержат расходящиеся, а порой и противоречивые определения. Не смотря на устоявшиеся в теории ОРД подходы, автор в рамках другого исследования по-иному подошёл к анализу и определению степени значимости признаков ОРМ и сформулировал следующую дефиницию: оперативно-розыскные мероприятия – это совокупность объединённых единым тактическим замыслом специальных организационных мер и оперативно-тактических действий, направленных на добывание и дальнейшее использование оперативно-значимой информации об объекте оперативной заинтересованности, а также источников и носителей этой информации, необходимых для решения прямо указанных в законе и иных, не противоречащих ему, задач ОРД [13].

Надо заметить, что согласно такому определению, к разряду элементов, составляющих ОРМ, следует относить такого рода действия оперативно-тактического характера и действия по их организации, которые, впрочем, могут осуществляться и в отрыве от конкретного ОРМ, в связи с чем возникает следующий проблемный вопрос: соотношение ОРМ и совокупности мер и действий, не образующих конкретных ОРМ. На этот счёт в литературе также высказаны различные точки зрения.

Для обозначения такой не ограничивающейся ОРМ совокупности действий В.Г. Бобров использует термин «оперативно-розыскные меры» [6, с. 21], которые, в свою очередь, могут осуществляться с использованием некоторых методов ОРД, обладая при этом тактическим или же управленческим характером.

Обладая схожими на этот счёт мнениями, они вместе В.М. Аتماжитовым сходились ещё в суждениях о том, что сущность ОРД не ограничивается лишь одними такими ОРМ, а только базируется на их проведении [2, с. 21]. И поэтому, на их взгляд, должны быть и законом разрешены, и нормированы в рамках этой деятельности другие мероприятия тоже [1, с. 6, 9].

Ещё подтверждал эти слова А.Ю. Шумилов, считающий также ОРД целой системой решений и действий оперативно-розыскного характера, отнюдь не ограниченной применением одних только ОРМ [16, с. 64].

Нужно сказать, что и Н.С. Железняк поддерживал такую позицию, высказываясь о том, что ОРД – не иначе, как целый комплекс связанных с оперативным розыском мероприятий, проводимых с целью победы над преступностью, при том не только самими работниками оперативных служб, но и так же помогающими им в достижении этой цели другими лицами [8, с. 106].

Судя по всем перечисленным исходящим из исследования данного вопроса доводам, можно делать соответствующие выводы о том, что ОРМ нельзя считать единственной составляющей ОРД и, соответственно, их слияние стоит воспринимать как ошибочное допущение из-за отсутствия необходимых нормативно-правовых разграничений этих понятий.

Разделяя мнение большого количества исследователей о несоответствии установленного перечня ОРМ с фактически осуществляемыми действиями и о необходимости их внедрения в закон, автором предлагается объединить их понятием «оперативно-розыскные меры¹», которым определить комплекс специальных организационных мер и оперативно-тактических действий, предназначенных для решения задач ОРД, но не образующих ОРМ в своей совокупности.

Последней из определённых законом категорий, составляющих содержание ОРД, выступают методы ОРД, которым в оперативно-розыскной теории посвящено не мало трудов. Железняк Н.С. определил их как «совокупность выработанных практикой способов реше-

¹ Согласно словарю русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, мера – это действие или совокупность действий, средств для осуществления чего-либо.

ния частных задач оперативно-розыскной деятельности» [17, ст. 1], не выделяя при этом никаких существенных признаков. Некоторые авторы совершенно справедливо присваивают практическим методам работы почётное место в системе оперативно-розыскных категорий, что обуславливает необходимость исследования данного института.

Методы ОРД, как отметил В. Н. Омелин, можно считать неоднородным явлением со свойственным ему разнообразием черт и характеристик [14, с. 143], выводы относительно которых, в свою очередь, нередко противоречат друг другу и имеют некоторые несоответствия.

Рассматривая подробнее понятие метода ОРД, стоит обратиться к оперативно-розыскной теории, в соответствии с которой под ним надо понимать комплекс используемых при осуществлении ОРМ на практике приёмов для выполнения оперативно-тактического рода задач [19, с. 33].

Такой подход поднимает вопрос о соотношении понятий «мероприятие» и «метод», последнее из которых имеет более широкое значение, а следовательно, не может определять содержание более узкого термина. В отдельных работах при исследовании сущности ОРМ допускается подмена конкретных ОРМ методами ОРД [9, с. 202, 206, 209].

К тому же, существуют помогающие осознать это по-другому, приведенные в ч. 1 ст. 12 ФЗ «Об ОРД» формулировки, из-за которых возникает некое несоответствие относительно использования понятий «методы» и «мероприятия»: «Сведения об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности...». В результате становится ясно, что наличие таких формулировок никак не способствует ясности понимания буквы закона и обуславливает наличие в литературе различных точек зрения.

Принимая во внимание вышесказанное, автор предлагает понимать под методами оперативно-розыскной деятельности совокупность включающих в себя элементы различных ОРМ приёмов и способов установления истины, которые должны применяться с целью выполнения конкретных задач оперативно-тактического характера, а также общих и частных оперативно-розыскных задач.

Принятие и использование такого подхода в теории и на практике приведёт к ясности в понимании содержания оперативно-розыскной деятельности, что выступает необходимым условием для построения эффективной, легитимной и адаптивной системы противодействия преступности в рамках оперативно-розыскной политики, способной адекватно реагиро-

вать на современные вызовы и угрозы, обеспечивая безопасность национальных интересов страны.

Список литературы:

1. Аتماжитов В. М., Бобров В. Г. Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики: материалы научно-практического семинара / отв. ред. В. М. Аتماжитов. – М.: Академия управления МВД России, 2005.
2. Аتماжитов В. М., Бобров В. Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. – М., 2001.
3. Аتماжитов В. М. О сущности оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2008. № 1.
4. Аتماжитов В. М. О сущности оперативно-розыскной политики Российской Федерации // Академическая мысль. 2020. № 4 (13).
5. Беляева Л. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскная политика: понятие и содержание // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60).
6. Бобров В. Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: лекция. – М., 2003.
7. Водько Н. П. Оперативно-розыскная политика Российской Федерации: монография. Москва, 2018.
8. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография / Н. С. Железняк. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019.
9. Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф., Сурков К. В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Комментарий. – М., 1997.
10. Зникин В. К. Принципы и основные понятия перехода избыточности оперативной информации в достаточность уголовно-процессуальных доказательств. М., 1998.
11. Катков С. В. Историко-правовой анализ становления и развития оперативно-розыскной политики в России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 1.
12. Катков С. В., Белокобыльская О. И. Закономерности оперативно-розыскной политики: отдельные вопросы теории и практики // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1.
13. Кудря А. Д. Эволюция понятия оперативно-розыскных мероприятий: комплексный подход к формированию законодательной

дефиниции // Статья направлена в научно-практический журнал «Научный вестник Омской Академии МВД России». – Омск, 2024.

14. Омелин В. Н. Соотношение и связь методов оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскных мероприятий // Закон и право. 2020. № 3.

15. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова, А. Ю. Шумилова. – М.: ИНФРА-М, 2004.

16. Оперативно-розыскная энциклопедия / авт.-сост. проф. А. Ю. Шумилов. – М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2004.

17. Проект Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / Н. С. Железняк – Сибирский юридический институт Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков – Красноярск, 2012.

18. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

19. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2017.

20. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940).

21. Хомколов В. П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью: системный подход. М., 1999.

22. Чечётин А. Е. Оперативно-розыскные мероприятия: понятие, сущность, структура. Барнаульский юридический институт МВД России, 2004.

**Целесообразность совершенствования
уголовно-правовых механизмов охраны оборота
персональных данных и компьютерной информации**

Аннотация. Развитие информационных технологий в последнее десятилетие обусловило необходимость совершенствования различных правовых механизмов обеспечения реализации общественных отношений, законных интересов человека и гражданина. Не являются исключением и уголовно-правовые механизмы, в частности, направленные на охрану общественных отношений в сфере оборота персональных данных и компьютерной информации. В настоящей статье автором дается оценка законопроекта, направленного на совершенствование уголовно-правового механизма охраны общественных отношений в рассматриваемой сфере с позиции целесообразности и социальной обусловленности уголовно-правовой охраны. В результате исследования, автор приходит к выводу о необходимости совершенствования уже существующих уголовно-правовых средств охраны оборота персональных данных и компьютерной информации.

Ключевые слова: информационные технологии; персональные данные; компьютерная информация; уголовно-правовая охрана; уголовно-правовые средства; механизм уголовно-правовой охраны.

Влияние информационных технологий в настоящее время неоспоримо. Под их воздействием видоизменяются все сферы человеческой жизни. Не является исключением и содержание, и структура общественных отношений.

Несомненно, следствием такой трансформации является упрощение общественной действительности. Формируются сферы услуг с использованием информационных технологий в различных плоскостях: финансово-экономической, государственной и др. Соответственно,

появляются новые форматы общественных отношений, именуемых «информационными» [1; С.119], предметом которых являются различные категории информации. Одной из таких сфер являются общественные отношения, складывающиеся в сфере персональных данных.

В свою очередь общественные отношения в сфере персональных данных представляют собой правовой режим конфиденциальности информации, содержание которой направлено на особый оборот сведений, данных, связанных с отдельным человеком. Данное положение подтверждается правовой основой механизма урегулирования общественных отношений – ч.1, 2 ст. 23, ч. 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ «Об информации») и Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ «О персональных данных»), а также некоторыми подзаконными нормативными правовыми актами: Указом Президента Российской Федерации от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера», в частности. Подобное внимание к такой категории общественных отношений, по нашему мнению, показывает их особое значение для личности, общества и самого государства.

Вместе с тем, режим конфиденциальности персональных данных не ограничивается лишь механизмом правового регулирования общественных отношений. Существуют и механизмы охраны рассматриваемой сферы, среди которых стоит выделить действующий уголовный закон.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) устанавливает уголовно-правовые средства [2, С. 68], призванные, в частности, с одной стороны охранять общественные отношения, законные интересы граждан, с другой, в сфере персональных данных (ст. 2 УК РФ). На сегодняшний день таким уголовно-правовым средством является ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни».

Обладая отраслевой самостоятельностью [3, С. 41], уголовный закон, как и другие правовые сферы, подвержен изменениям, обусловленным развитием общественных отношений (особенно в условиях фактического бурного развития информационных технологий) [4, С. 123].

Однако, любые изменения в структуру уголовного закона должны отвечать требованиям, которые исходят из социальной обусловленности [5, С, 24-25; 6, 303 с.] такой охраны, а также целесообразности введения нового уголовного запрета [7, 171 с.].

Так, 04.12.2023 г. на официальном сайте Государственной Думы Российской Федерации был зарегистрирован законопроект № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹ (далее – Законопроект). Разработчики упомянутого Законопроекта предлагают ввести в действие новый уголовно-правовой запрет – ст. 272.1 УК РФ «Незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и (или) распространения». Следует также отметить, что Законопроект принят в первом чтении Государственной Думой Российской Федерации.

Упомянутая уголовно-правовая новелла, предлагаемая разработчиками данного Законопроекта, действительно, вызывает большой интерес с позиции той же социальной обусловленности и целесообразности введения «точечного» уголовно-правового запрета, призванного охранять как общественные отношения в сферах компьютерной информации и персональных данных, так и законные интересы личности, затрагиваемых в результате преступного посягательства.

Кроме того, данное обстоятельство позволяет открыть следующую дискуссию: достаточно ли уже существующих уголовно-правовых средств охраны оборота конфиденциальной информации, в частности, оборота персональных данных?

Для ответа на поставленные вопросы следует обратиться к статистическим данным о состоянии преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, поскольку, преступления в сфере оборота персональных данных совершаются именно с использованием современных технических средств.

Так, по некоторым статистическим данным, за 2022 год было зарегистрировано 522 000 преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, в 2023 этот показатель составил 677 000 зарегистрированных фактов. В процентном соотношении рост преступности в данной сфере составил 23,5 % [8]. В свою очередь количество «утечек» в сфере оборота персональных данных в 2022 году составило 197 млн. записей. При этом, в указан-

¹ См.: Законопроект № 502113-8 от 04.12.2023 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 12.05.2024 г.)

ный период времени суммарный ущерб, причиненный в результате таких утечек, превысил 8 млрд. рублей¹.

Учитывая представленные данные, вывод становится очевидным – существенно возрастает общественная опасность, исходящая от посягательств, совершаемых в сфере оборота персональных данных. В связи с чем следует согласиться с мнением разработчиков Законопроекта в части, назревшей необходимости разрешения данной проблемы.

Однако, целесообразно ли вводить новый уголовно-правовой запрет? Разработчики Законопроекта считают, что такая необходимость назрела. Рассмотрение диспозиции, предлагаемой ст. 272.1 УК РФ показало, что в случае введения такой статьи в структуру уголовного закона, произойдет разграничение таких правовых категорий как «личная тайна» и «персональные данные», находящихся под уголовно-правовой охраной в рамках уже действующего средства – ст. 137 УК РФ. Но стоит учитывать положения ст. 2 ФЗ «О персональных данных», целью которой является «обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну».

Кроме того, предлагаемой статьей затрагиваются общественные отношения, предусмотренные главой 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» (соответственно, в данную главу и предполагается введение новой статьи). Также, конкретизирован объект преступного посягательства, предусмотренный предлагаемой статьей 272.1 УК РФ. Таким объектом, по мнению разработчиков, является компьютерная информация, содержащая персональные данные, полученные незаконным путем. Однако, представленная формулировка является не совсем корректной, поскольку объектом преступления являются общественные отношения, находящиеся под уголовно-правовой охраной [9, С. 57]. В данном случае разработчиками был сформулирован предмет преступного посягательства, затрагивающий несколько сфер общественных отношений: общественных отношений в сфере оборота персональных данных, в сфере оборота компьютерной информации. При этом, развивая идею о введении нового уголовно-правового запрета (ст. 272.1 УК РФ) все же стоит сформулировать объект такого преступления – это общественные отношения,

¹ См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 12.05.2024 г.)

складывающиеся в сфере оборота компьютерной информации, содержащей персональные данные, которые были получены незаконным путем.

Учитывая тенденции развития преступности в данной сфере, стоит отметить, что в настоящее время уголовный закон обладает определенными уголовно-правовыми средствами обеспечения охраны общественных отношений и законных интересов граждан в сфере оборота персональных данных. Такими средствами являются названная ранее ст. 137 и ст. 272 УК РФ. Потенциал уголовно-правового воздействия позволяет применять положения данных запретов по совокупности преступлений (ч.1 ст. 17 УК РФ).

Также вызывает определенный интерес «тяжесть» рассматриваемых уголовно-правовых запретов. Так, основные составы уже действующих ст. 137 и 272 УК РФ и предлагаемой ст. 272.1 УК РФ относятся к категории небольшой и средней тяжести, соответственно.

Однако, следует заметить, что несмотря на необходимость усиления ответственности за преступления в сфере оборота персональных данных, такие изменения не всегда эффективно оказывают влияние на снижение уровня преступности, в том числе и в изучаемой сфере [10, С. 242]. В таких случаях стоит обратить внимание на организационно-технические меры обеспечения охраны общественных отношений и защиты законных интересов граждан.

Таким образом, стоит говорить о возросшей целесообразности совершенствования уголовно-правовых механизмов охраны общественных отношений, связанных как с оборотом персональных данных, так и компьютерной информации, ввиду возросшей в последнее десятилетие общественной опасности деяний, совершаемых в данной сфере. Преследуя идею «модернизации» уголовного закона, наиболее оптимально совершенствовать уже действующие уголовно-правовые средства охраны, нежели вводить новые уголовно-правовые запреты. Однако данный вопрос все равно остается открытым и дискуссионным.

Список литературы:

1. Андрейцо С. Ю., Сорокин А. А., Зазерина А. В. Информационные общественные отношения в правовом государстве // Социология и право. 2012. № 1. С. 117–122.
2. Мартыненко Н. Э. Уголовно-правовые средства охраны информации и противодействия информационным угрозам // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4. С. 66–75.

3. Генрих Н. В., Квашиш В. Е. Понятие уголовного права // Общество и право. 2016. № 1. С. 38–45.
4. Кирдяшова Е. В. Совершенствование законодательства и развитие права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 4. С. 118–124.
5. Бодаевский В. П., Соловьев Е. А. Социальная обусловленность уголовно-правового положения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1. С. 24–25.
6. Основания уголовно-правового запрета: Криминализация и декриминализация / В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин и др., отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М., 1982. 303 с.
7. Бавсун М. В. Целесообразность в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск. 2002. 171 с.
8. МВД: число преступлений с использованием IT-технологий выросло на 23,5 % // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/04/08/1030570-chislo-prestuplenii-s-ispolzovaniem-it-tehnologii-viroslo> (дата обращения: 16.05.2024 г.).
9. Петрова И. А., Лобачев И. А. Преступления в сфере компьютерной (цифровой) информации: дискуссионные вопросы определения понятия, объекта уголовно-правовой охраны и предмета посягательств // Журнал прикладных исследований. 2020. № 1. С. 52–62.
10. Кури Х., Ильченко О. Ю. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Russian Journal of Economics and Law. 2013. № 2. С. 240–256.

Маллекер Диана Ивановна,
адъюнкт 3-го факультета,
Академия управления МВД России
E-mail: diana1999z@mail.ru

УДК 343.851

**Проблемы предупреждения вовлечения
в употребление и незаконный оборот наркотиков
в условиях развития цифровизации: практический аспект**

Аннотация. Статистические данные, которые основаны только на доказанных фактах преступной деятельности представителей наркобизнеса, не свидетельствуют об объективных тенденциях развития данного вида преступности. Применительно к вовлечению в употребление и незаконный оборот наркотиков отметим, что его факты в условиях развития цифровизации обладают высокой латентностью. Процент искусственной латентности, служащей индикатором при оценке уровня эффективности деятельности правоохранительных органов, свидетельствует о проблемах при предупреждении рассматриваемой преступной деятельности. Установлено, проблемы возникли ввиду наличия сложностей, наблюдаемых в подразделениях правоохранительных органов. К их числу относится: недостаток либо отсутствие информации и данных; некомплект либо нехватка компетенции кадров (сотрудников); рассогласованность в методах и способах деятельности; процессуальные проблемы. В качестве мер совершенствования предупреждения вовлечения в наркобизнес новых участников предлагается создание общих баз данных, улучшение материально-технических ресурсов; полное и своевременное повышение квалификации и компетенции сотрудников; совершенствование меж- и внутриведомственного взаимодействия; упрощение и (или) снижение документооборота; ужесточение и конкретизация законодательства.

Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, а именно: экспертный опрос 239 сотрудников подразделений Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России и 10 представителей подразделений Следственного департамента МВД России.

Ключевые слова: совершенствование; предупреждение; профилактика; вовлечение; наркотики; употребление; незаконный оборот; цифровизация; ИТТ.

Вовлечение в употребление и незаконный оборот наркотиков в условиях развития цифровизации является одним из основополагающих направлений организованной преступной деятельности, целью которой является поддержание функционирования наркобизнеса путем расширения его географии и увеличения прибыли. Указанное оказалось возможно в силу появившихся в информационно-телекоммуникационном пространстве инструментов деятельности, например, блог-сервисов и онлайн-сообществ, контекстной и таргетированной рекламы, сервисов анонимизации трафика и личности, а также многого другого.

Появившиеся у представителей наркобизнеса возможности обусловили рост преступности в указанной части, при этом определенная доля таких деяний стала характеризоваться повышением процента латентности. Так, в соответствии с данными судебной статистики по статье 230 УК РФ «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» в 2018 году общее количество осужденных за деяния в указанной части составило 58 человек (+26% к количественному показателю прошлого года), в 2019 – 66 (+14%), в 2020 – 80 (+21%), в 2021 – 76 (–5%), в 2022 – 88 (+16%), в 2023 – 85 (–3,41%)¹. Однако приведенные данные не соответствуют мнению опрошенных нами экспертов, ежегодно отмечающих рост вовлечения новых участников в данную преступную деятельность.

Как отмечает Е.В. Фирсова, цифры могут характеризовать какой-то один аспект, формировать статистические тенденции, отражать действительность и оценивать результативность деятельности. Так, и внешняя оболочка системы, и содержательное ее наполнение находятся в прямой зависимости от числовой формы. В данном случае показательно само значение слова «статистика» (status – от латинского состояние дел). Цифры, подчеркивает специалист, могут быть просто констатирующими факт, однако если проанализировать их в группе (в совокупности) статистических данных, то получится показывающий проблему результат [10, С. 647].

Вместе с тем, необходимо акцентировать внимание, что статистические данные по вовлечению в употребление наркотиков в силу высокого процента латентности этой группы деяний не отражают объективное состояние дел, а статистические данные по вовлечению в незаконный оборот наркотиков и вовсе отсутствуют ввиду

¹ Судебная статистика Российской Федерации. Данные о назначении наказаний по статьям УК РФ. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 12.09.2024).

несуществования соответствующей статьи в УК РФ. В этой связи нами было принято решение о включении в лист экспертного опроса ряда пунктов, направленных на установление дополнительных цифровых данных.

Так, на вопрос «Оцените уровень латентности вовлечения в употребление наркотиков в условиях развития ИТТ» эксперты ответили следующим образом:

Уровень латентности	Количество респондентов
от 1% до 25%	13,8%
от 25% до 50%	19,7%
от 50% до 75%	28,5%
от 75% до 90%	15,5%
свыше 90%	22,6%

При ответе же на вопрос «Оцените уровень латентности вовлечения в незаконный оборот наркотиков в условиях развития ИТТ» мнение экспертов распределилось следующим образом:

Уровень латентности	Количество респондентов
от 1% до 25%	7,1%
от 25% до 50%	15,1%
от 50% до 75%	31,8%
от 75% до 90%	20,5%
свыше 90%	25,5%

Как отмечается в научных трудах по методологии и методам исследования, в целях получения глубоких результатов необходимо использовать методы построения условных распределений, которые особенно полезны при подготовке предложений по решению проблем [8, С. 70]. Если предположить, что уровень латентности вовлечения можно оценить в качестве относительно невысокого и высокого, где в первом случае он менее 50%, а во втором – более 50%, то результаты будут следующими. При оценке уровня латентности

вовлечения в употребление наркотиков 33,5% опрошенных оценили его как относительно невысокий; 66,5% – как высокий. А в оценке уровня латентности вовлечения в незаконный оборот наркотиков: 22,2% из числа опрошенных выступило за относительно невысокий; 77,8% – за высокий.

Таким образом, в обоих случаях уровень латентности вовлечения является высоким, однако при вовлечении в незаконный оборот наркотиков он наиболее внушителен. В процессе сбора эмпирического материала было установлено, что такое положение дел связано с тем, что в случаях вовлечения в употребление наркотиков, лицом, осуществившем вовлечение, является знакомый человек (из числа друзей, коллег), что не вызывает особых затруднений при установлении его личности сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации. Указанное пока применимо к вовлечению в употребление наркотиков в условиях развития ИТТ, однако с каждым годом количество выявления фактов становится меньше. Вовлечение в незаконный оборот наркотиков осуществляет специально обученный участник наркобизнеса, личность которого скрывается с помощью специального программного обеспечения и оборудования. В то время как лицо, вовлеченное в незаконный оборот наркотиков в качестве участника, становится заинтересованным в утаивании этого от ближайшего окружения и, в частности, от правоохранительных структур. В связи с чем установление фактов вовлечения в незаконный оборот наркотиков лиц, которые впоследствии занимаются сбытом наркотиков, с точки зрения практики весьма осложнено.

Общеизвестно, что структура латентной преступности включает скрытые и скрываемые преступления. Скрытая часть образуется за счет преступлений, которые совершены, однако о которых не стало известно правоохранительным органам. Скрываемая часть включает преступления, которые стали известны правоохранительным органам, но которые по различным причинам не нашли отражения в данных статистики (например, нерассмотрение заявлений, неверная оценка деяний). По механизму образования различают латентные преступления незаявленные, неучтенные и неустановленные. А виды латентной преступности включают в себя естественную и искусственную латентность.

В процессе исследования установлено, что для вовлечения в употребление наркотиков характерна скрытая, незаявленная и естественная латентность. Именно поэтому статистика по статье 230 УК РФ не содержит внушительного массива цифровых данных, так как по большому счету о таких преступлениях потерпевшие

по личным причинам не сообщают, а установление подобного рода фактов правоохрнительными органами происходит крайне редко, как правило, в процессе проверки сообщений по иным правонарушениям и преступлениям.

Для вовлечения в незаконный оборот наркотиков присуща скрытая, неучтенная или неустановленная, искусственная латентность. Так, отсутствие состава преступления, предусматривающего ответственность за это направление деятельности наркобизнеса, обусловило собой нерегистрацию и нерассмотрение заявлений о таких фактах, оценку данного рода деяний как непроступных. Как итог, огромная часть фактов осуществления вовлечения в незаконный оборот наркотиков на сегодняшний день остается латентной.

При этом показатели латентной преступности, в частности искусственной, служат весьма важным элементом при оценке эффективности деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, а также являются маркерами выявления уязвимых мест в самой концепции предупреждения преступности, способствуя принятию решений об улучшении отдельных ее элементов. Столь высокие показатели при оценке латентности вовлечения свидетельствуют о том, что предупреждение рассматриваемой деятельности участников наркобизнеса не столь эффективно, как может показаться, и нуждается в совершенствовании.

В настоящее время имеется ряд отдельных научных публикаций, которые посвящены исследованию проблемных вопросов предупреждения вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотиков. Так, меры предупреждения вовлечения женщин в криминальный наркотизм на уровне диссертационного исследования уже были рассмотрены Е.А. Неустроевым [6]. Предупреждение органами внутренних дел вовлечения несовершеннолетних в употребление наркотических средств, психотропных веществ рассматривалось в исследовании Р.Т. Исмаилова [5], а также в отдельных научных статьях Е.О. Филипповой [9] и О.Р. Догузовой [2]. Проблемам профилактики незаконного оборота наркотиков и вовлечения в него была посвящена работа М.В. Ионовой [4]. Проблемы вовлечения в наркотическую среду, а также меры по противодействию ему были рассмотрены в работе Е.А. Поповой [7]. Аспект этого вопроса в информационно-телекоммуникационном разрезе был освещен в работе Ю.А. Западновой [3].

Однако, несмотря на достигнутые в вышеуказанных работах результаты, на практике все еще остаются неразрешенными некоторые вопросы, связанные с совершенствованием системы предупреждения в рассматриваемую преступную деятельность, что обуславливает актуальность проводимого нами исследования.

Как отмечал Г. А. Аванесов: «Концепция предупреждения преступности нацелена на обеспечение единства действий всех органов и организаций, так или иначе участвующих в борьбе с правонарушениями» [0, С. 332]. В криминологии, по мнению специалиста, концепция предупреждения преступности наиболее ярко выражена. Поэтому называется «особой криминологической концепцией», имеющей также ярко выраженный «выход» в практику борьбы с преступностью. Главным принципом которой является деятельность, ориентированная на активизацию предупреждения преступности и повышение ее эффективности. Эта концепция, подчеркивал Геннадий Арташесович, предполагает изучение и таких вопросов, как организация предупреждения преступности, управление и планирование, координация и взаимодействие, а также контроль и проверка исполнения [0, С. 333].

Составной частью концепции предупреждения преступности является специализированная деятельность по профилактике преступного поведения – специальная профилактика. Такая целенаправленная деятельность опирается на государственные органы и общественные организации, которые специально предназначены для профилактики преступлений и иных связанных с ними правонарушений [0, С. 352]. Под специальными органами необходимо понимать и органы внутренних дел Российской Федерации. Кроме того, специальная профилактика называется таковой не только потому, что специально направлена на достижение определенных целей с помощью присущих специальным органам методов, но потому, что требует специальных и профессиональных знаний. А это, в свою очередь, уже связано с вопросами профессиональной подготовки, деятельности и взаимодействия сотрудников российских органов внутренних дел.

Организация предупреждения преступности в органах внутренних дел в условиях развития цифровизации, в частности, также связанная с вовлечением в употребление и незаконный оборот наркотиков, не может существовать в неизменном виде, иначе просто утратит свое значение, не приведя к полезным результатам. Однако, прежде чем совершенствовать систему в указанной части вопроса, необходимо разобраться с проблемами, возникшими «внутри» самой правоохранительной системы.

Так, анализ ответов на вопрос «Оцените по 10 бальной шкале (выбрав соответствующую Вашему мнению цифру) эффективность взаимодействия российских правоохранительных органов по предупреждению вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотиков» дал следующие результаты:

Наименование органа / количе- ство опрошенных за определенный балл (в %)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
с прокуратурой	12,1%	5,0%	7,9%	5,9%	23,8%	7,5%	10,5%	7,9%	7,9%	10,5%
со следственным комитетом	7,9%	5,4%	13,0%	4,6%	16,7%	6,7%	15,1%	12,1%	7,9%	9,6%
с федеральной таможенной службой	23,0%	6,7%	14,6%	7,9%	15,5%	5,9%	8,4%	8,8%	4,6%	3,3%
с федеральной службой безопасности	15,1%	3,8%	7,1%	6,7%	19,2%	5,9%	12,6%	10,0%	7,5%	12,1%
с министерством здравоохранения	16,7%	7,5%	8,8%	4,6%	18,4%	8,8%	10,5%	8,8%	6,3%	8,8%
с федеральной службой исполнения наказаний	16,3%	6,3%	8,4%	6,7%	13,0%	7,5%	11,7%	9,6%	7,9%	11,3%

В целях получения глубоких результатов исследования вернемся к методу построения условных распределений. Предположим, что эффективность можно оценить в качестве относительно невысокой и высокой, где в первом случае она менее 50% (1-5 баллов), а во втором – более 50% (от 6 баллов), тогда результаты будут выглядеть следующим образом: с прокуратурой: 54,7% оценили ее как относительно невысокую; 44,3% респондентов – как высокую; со следственным комитетом: 47,6% – относительно невысокую; 51,4 – высокую; с федеральной таможенной службой: 67,7% – относительно невысокую; 32,3% – высокую; с федеральной службой безопасности: 51,9% за относительно невысокую; 48,1% – высокую; с министерством здравоохранения: 56% – относительно невысокую; 44% – за высокую; с федеральной службой исполнения наказаний: 50,7% – относительно невысокую; 49,3% – высокую.

Как итог, эффективность взаимодействия правоохранительных органов по предупреждению преступного вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотиков относительно невысокая. В случае с оценкой уровня эффективности взаимодействия со следственным комитетом, в котором респонденты оценили ее в качестве высокой, ее значение лишь на 1,4% выше, чем оценка взаимодействия как относительно невысокого.

Показатели при ответах на вопрос «Оцените по 10 бальной шкале (выбрав соответствующую Вашему мнению цифру) эффективность взаимодействия с подразделениями органов внутренних дел по предупреждению вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотиков» выглядят несколько иначе:

Наименование подразделения / количество опрошенных за определенный балл (в %)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
со службой участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних	11,3%	6,3%	7,9%	5,9%	23,4%	7,9%	9,6%	8,8%	5,4%	12,1%
с оперативными подразделениями	8,8%	3,8%	3,8%	5,4%	16,3%	4,6%	8,8%	14,6%	13,0%	19,7%
со следственными подразделениями	12,1%	5,4%	10,9%	5,9%	14,6%	7,9%	10,5%	10,5%	7,9%	12,6%
с дорожно-патрульной службой	13,0%	4,6%	7,1%	9,2%	18,0%	8,8%	13,8%	9,6%	5,4%	9,6%
с патрульно-постовой службой	13,4%	4,2%	10,0%	6,7%	18,8%	10,0%	13,0%	6,7%	4,6%	10,9%

Рассмотрим полученные данные по ранее описанному примеру анализа результатов, где эффективность оценивалась в качестве относительно невысокой (менее 50%) и высокой (более 50%). Тогда результаты предстанут в следующем обобщенном виде: со службой участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних: 54,8% опрошенных экспертов выступило за относительно невысокую; 45,2% – за высокую; с оперативными подразделениями: 38,1% – за относительно невысокую эффективность; 61,9% – высокую; со следственными подразделениями: 48,9% – относительно невысокую; 51,1% – за высокую; с дорожно-патрульной службой: 51,9% – относительно невысокую; 48,1% – за высокую; с патрульно-постовой службой: 53,1% – относительно невысокую; 46,9% – высокую.

Резюмируя вышеизложенное, можно обоснованно утверждать, что оценка эффективности взаимодействия с подразделениями органов внутренних дел в трех из пяти случаев находится на относи-

тельно невысоком уровне. В случае с уровнем эффективности взаимодействия со следственными подразделениями, в котором респонденты оценили эффективность в качестве высокой, ее значение лишь на 1,1% выше, чем оценка взаимодействия как относительно невысокого. Как итог, только лишь с оперативными подразделениями оценка эффективности взаимодействия может быть признана действительно высокой.

Получение именно таких результатов неудивительно вследствие немалого количества проблемных вопросов, возникающих в рамках взаимодействия министерств, ведомств и служб, а также подразделений органов внутренних дел, связанных с предупреждением вовлечения в наркобизнес.

Так, при ответе на поставленный вопрос «Какие проблемы взаимодействия правоохранительных органов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков существуют в Вашем регионе» от экспертов были получены следующие ответы:

- непредоставление данных Министерством здравоохранения Российской Федерации о лицах, поставленных на учет ввиду употребления ими наркотиков;
- некомплект многих подразделений в российских правоохранительных органах, вследствие чего отсутствие квалифицированных специалистов и слабое межведомственное и внутриведомственное взаимодействие;
- непредоставление сведений от представляющих правоохранительный интерес Интернет-ресурсов ввиду расположения их серверов за пределами границ Российской Федерации;
- проблемы взаимодействия подразделений по контролю за оборотом наркотиков со следственными подразделениями по причине отсутствия нужного опыта работы в сфере ИТТ, с органами прокуратуры по вопросу легализации (отмывания) денежных средств, полученных от незаконного сбыта наркотиков;
- отсутствие общих баз данных;
- проблемы собирания доказательственной базы вследствие отсутствия или недостаточного количества специалистов, обладающих познаниями в области ИТТ;
- возбуждение уголовных дел эпизодически, не в составе организованных преступных групп;
- излишний документооборот, затрудняющий практическую деятельность.

Рассмотрим полученные нами результаты через призму такого метода, как синтез. Так, если объединить все ответы на основании их свойств и качеств, то все проблемы в рамках взаимодействия

правоохранительных органов, связанные с предупреждением вовлечения в наркобизнес, можно изложить в четырех блоках: недостаток (отсутствие) информации и данных; некомплект (нехватка) компетенций кадрового звена (сотрудников); рассогласованность в методах и способах деятельности; процессуальные проблемы.

Вместе с тем, отвечая на вопрос «Какие пути обозначенных выше проблем Вы можете предложить» от респондентов нами были получены следующие варианты ответов:

- повышение компетенции сотрудников российских правоохранительных органов в области ИТТ и инструментов ведения деятельности в цифровом пространстве;
- разработка единой совместной инструкции о взаимодействии, создание на ее основе единых для всех методических рекомендаций, налаживание взаимодействия по ним на государственном уровне;
- ужесточение санкции статьи 230 УК РФ, расширение ее объективной стороны и оснований применения на случаи вовлечения в незаконный оборот наркотиков;
- создание общих баз данных в указанной части;
- улучшение материально-технического оснащения правоохранительных органов;
- внесение изменений в статью 228 УК РФ, в частности, за употребление наркотических средств синтетического происхождения необходимо возбуждать уголовное дело на лицо;
- совершенствование законодательства в части документооборота, в частности, его упрощение;
- более детально конкретизация понятия и способов осуществления вовлечения в тексте УК РФ.

В заключение сформулируем ряд проблемных вопросов, которые упорно демонстрирует российская правоохранительная практика. Изложенные выводы – это результат анализа закономерностей в ходе исследования наркоситуации, а также оценки ее тенденций для прогнозирования и определения адекватных мер реагирования, нацеленных на решение проблем предупреждения вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотиков в условиях развития ИТТ. К их числу сегодня необходимо относить: создание общих баз данных и улучшение материально-технических ресурсов; повышение квалификации и компетенции сотрудников; совершенствование межведомственного и внутриведомственного взаимодействия; упрощение и снижение документооборота; ужесточение и конкретизация законодательства.

Как итог, современные технологии позволяют лицам, причастным к дистанционным преступлениям, оставаться анонимными, что,

бесспорно, влияет на раскрываемость. С учетом этого требуется создать свои собственные кадры и инструменты для оптимизации правоохранительной деятельности. Вместе с тем важно, как на стадии преобразований, так и в последствии этого устанавливать и развивать партнерское взаимодействие специализированных подразделений компетентных правоохранительных органов с научным обществом в сфере ИТТ и профильными коммерческими организациями, чтобы своевременно выявлять продвижение в жизнь общества новых технологий, диагностируя их на предмет криминального внедрения для выработки своевременных мер противодействия. Не менее важно создавать технологии оперативного обмена информацией между правоохранительными и контролирующими органами, а также провайдерами информационных и цифровых услуг, преодолевая существующие нормативные и организационные препятствия.

Список литературы:

1. Аванесов Г. А. Криминология. М.: Академия МВД СССР. 1984. 500 с.
2. Догузова О. Р. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков / О.Р. Догузова // Юридическая наука в современном мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Владикавказ: Горский государственный аграрный университет. 2022. С. 61–63.
3. Западнава Ю. А. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков с применением IT- технологий / Ю. А. Западнава, К. М. Велиева // Eromen. Global. 2023. № S34. С. 503–509.
4. Ионова М. В. Проблемы профилактики незаконного оборота наркотиков и вовлечения в него несовершеннолетних / М. В. Ионова // Юрист-Правоведь. 2015. № 6 (73). С. 115–119.
5. Исмаилов Р. Т. Вовлечение несовершеннолетних в употребление наркотических средств и психотропных веществ и его предупреждение органами внутренних дел (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 25 с.
6. Неустроев Е. А. Вовлечение женщин в криминальный наркотизм: криминологическая характеристика, причины, меры предупреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 36 с.
7. Попова Е. А. Проблемы вовлечения несовершеннолетних в наркотическую среду и меры по противодействию / Е. А. Попова, И. В. Мускатина, М. Е. Тетушкина // Фундаментальные и приклад-

ные науки сегодня. Том 2. North Charleston, USA: Lulu Press, 2018. С. 168–171.

8. Филимонов О. В. Передня Д. Г., Зуева О. В. Методология и техника социологического исследования процесса управления: учебное пособие / под общ. ред. О. В. Филимонова. Москва: Академия управления МВД России, 2021. 96 с.

9. Филиппова Е. О. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов / Е. О. Филиппова, О. В. Журкина // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 10А. С. 158–166.

10. Фирсова Е. В. Противодействие легализации доходов от незаконного оборота наркотиков на современном этапе: учеб. пособие: в 2 ч. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 831 с.

**Проблемные аспекты освобождения от уголовной ответственности
в связи с назначением судебного штрафа по уголовным делам
в сфере исполнения законодательства по репатриации
иностранной валюты или валюты Российской Федерации**

Аннотация. В статье автор пытается выявить и проанализировать проблемные аспекты освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа по уголовным делам, предусмотренным ст. 193 УК РФ, такие как механизм назначения судебного штрафа, соразмерность назначенного судом штрафа и причиненного преступлением ущерба с приведением примеров из судебной практики.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности; судебный штраф; уклонение от исполнения обязанности по репатриации иностранной валюты; статья 193 УК РФ; судебная практика по уголовным делам в сфере исполнения законодательства по репатриации иностранной валюты или валюты Российской Федерации; глава 11 УК РФ.

Тема освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа достаточно подробно и полно изучена в работах И. Э. Звечаровского, Н. А. Лопашенко, С. Л. Баба-яна [1, 15-18], Н. Э. Мартыненко, диссертационных исследованиях П. А. Каматесова [2], Н. С. Луценко, А. Г. Полуэктова [3], Е. А. Хлеб-ницыной [4] и др. Однако в научной литературе ни разу не освя-щался момент освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа по уголовным делам, возбужден-ным по статье 193 УК РФ.

В Уголовном кодексе не дано определение понятия «освобождение от уголовной ответственности», но в 11-й главе УК РФ указа-ны условия, при которых это возможно. Лицо может быть освобо-ждено от уголовной ответственности, если: преступление совершено впервые и относится к категории небольшой или средней тяжести; лицо, совершившее преступление, возместило ущерб или иным

образом загладило причинённый вред; не возражает против прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа.

По названной категории преступлений отсутствует такой участник судопроизводства как потерпевший. Мартыненко Н.Э. [5] в своей докторской диссертации представлено авторское понятие потерпевшего, где таковым может быть государство, на чьи охраняемые правом законные интересы было или могло быть направлено преступное посягательство и которым причинен или мог быть причинен вред». Государство может являться потенциальным потерпевшим (*de futurum*).

В своей диссертации Н. С. Луценко [6] приводит мнение А.П. Рыжакова, который утверждает, что с появлением судебного штрафа у обвиняемых появилась дополнительная возможность избежать уголовной ответственности в случаях, когда в деле отсутствует потерпевший и процедура примирения сторон неприменима. В диссертации Луценко Н. С. указано, что освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа возможно только по тем преступлениям, формальный состав которых позволяет виновному лицу принять меры по заглаживанию причинённого вреда. Например, принести извинения или компенсировать моральный вред. Если нарушенные в результате преступления права потерпевшего, законные интересы личности, общества и государства объективно не могут быть восстановлены, то освободить лицо от уголовной ответственности и применить меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа нельзя.

Судебная практика подтверждает это: суд пришёл к выводу, что обязательные условия для освобождения от уголовной ответственности не соблюдены, поскольку в материалах уголовного дела и ходатайстве следователя нет сведений о возмещении обвиняемым Г. С. Давроновым ущерба. Также отсутствуют документы, подтверждающие возврат денежных средств в иностранной валюте в РФ [7].

Проведя анализ судебных решений по статье 193 УК РФ, можно отметить, что в последнее время лицам, виновным в совершении преступления, с момента введения в действие главы 15.2 УК РФ назначается судебный штраф, установленный в пределах от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет.

З.И. Гафуров, являясь директором ООО «ЛЕСПРОМ+», единолично руководя его деятельностью, имея право первой подписи, из корыстных побуждений уклонился от обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте и валюте Российской

Федерации. В рамках своей преступной деятельности Гафуров заключил два внешнеторговых контракта: с ООО «Истами Сугд» - на поставку пиломатериалов хвойных пород общей стоимостью 27 500 000 рублей; с ООО «Элегант» - также на поставку пиломатериалов хвойных пород, общей стоимостью 30 000 000 рублей. Таким образом, из Российской Федерации было вывезено пиломатериала хвойных пород на общую сумму 57 500 тысяч рублей. В 2019 году З.И. Гафуров возместил ущерб, причинённый государству, оказав материальную (спонсорскую) помощь следующим организациям: Тайшетскому городскому Совету ветеранов, Джогинской средней общеобразовательной школе и Администрации Джогинского муниципального образования [8], в связи с чем судом принято решение прекратить уголовное дело и уголовное преследование в отношении Гафурова З.И., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 193 УК РФ и ч. 1 ст. 193 УК РФ на основании ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ, в связи с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере двадцати тысяч рублей. Возникает вопрос насколько соизмерим причиненный ущерб государству в виде вывоза с территории РФ пиломатериала хвойных пород на общую сумму пятьдесят семь миллионов пятьсот тысяч рублей и уплата в бюджет страны судебного штрафа в сумме 20 тысяч рублей. Хвойная древесина – это ценный и востребованный материал, благодаря своим свойствам хвойная древесина пользуется большой популярностью и имеет высокий спрос на рынке. Хвойная древесина широко используется в промышленности и приносит государству значительную пользу.

Вот некоторые примеры того, как государство может получать выгоду от хвойной древесины:

1. Государство может зарабатывать на продаже хвойной древесины другим странам или предприятиям внутри страны. Это способствует развитию экономики и пополнению государственного бюджета.

2. Из хвойной древесины производят различные строительные материалы, мебель, бумагу и другие товары. Развитие деревообрабатывающей промышленности также способствует экономическому росту государства.

3. Хвойную древесину можно экспортировать в другие страны, что способствует укреплению международных торговых связей и привлечению иностранной валюты в страну.

4. Выращивание хвойных деревьев помогает улучшить экологическую ситуацию в регионе за счёт поглощения углекислого газа и выделения кислорода. Кроме того, леса защищают почву от эрозии и регулируют водный режим рек.

Резюмируя вышесказанное, государство могло получить значительно большую выгоду, нежели 20 000 рублей.

Согласно постановлению Индустриального районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики, которое вынесла исполняющая обязанности судьи Т.Г. Пашкина, уголовное дело и преследование в отношении Д.В. Кравцова прекращены. Ему назначена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Д.В. Кравцов обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 193 УК РФ. Ранее он не был судим. В судебном заседании Кравцов извинился, полностью признал свою вину и активно способствовал раскрытию преступления. Он загладил причинённый вред, купив письменные принадлежности и канцтовары для детского дошкольного учреждения.

При определении размера судебного штрафа суд учёл материальное положение Д.В. Кравцова: необходимость оплачивать ипотеку, коммунальные услуги и детский сад. Также было принято во внимание, что его жена находится в отпуске по уходу за ребёнком и что Кравцов может получать заработную плату.

Проанализировав вышеназванные судебные решения, можно сделать вывод, что в судебной практике отсутствует единый механизм назначения судебного штрафа: суммы назначаются на усмотрение судьи и нет никакой градации суммы судебного штрафа в зависимости от суммы ущерба, даже нет градации суммы ущерба в зависимости от того, преступление совершено по ч. 1 или по ч.2 ст. 193 УК РФ. Конфискация имущества обвиняемых отсутствует.

Таким образом, в настоящее время незаконно выведенные денежные средства не возвращаются в страну. В связи с назначением судебного штрафа общей стоимостью до пяти сот тысяч рублей лицо освобождается от (избегает) уголовной ответственности, несмотря на то, что сумма незаконного перевода денежных средств превышает десятки миллионов рублей. В связи с чем возникает вопрос: зачем и с какой целью законодатель ввел такую возможность освобождения от уголовной ответственности по валютным преступлениям, чтобы бизнесмены заплатили меньше, чем должны были. Подобным вопросом задается Н.А. Лопашенко в своей статье «Об уголовно-правовом предупреждении преступлений: на примере новых уголовно-правовых норм» [9]. В связи с чем получается, что назначение судами судебного штрафа не соответствует цели уголовного закона, а именно: восстановление социальной справедливости и исправление осужденного. Совершив преступление повторно, лицо также может избежать уголовной ответственности, так

как за ранее совершенное преступление лицо не было осуждено, уголовное дело и уголовное преследование было прекращено. То есть виновное лицо может неоднократно участвовать в преступной деятельности каждый раз получая относительно выведенных за границу денежных средств небольшой штраф.

Как показывает изучение уголовных дел, возбужденных по ст. 193 УК РФ, привлекаемые лица являются номинальными директорами и действуют по указанию других лиц, преступление является групповым, но к ответственности привлекают только одного человека, подписанта внешнеэкономического контракта (генерального директора фирмы). Подсудимый Б.А.А. на стадии предварительного расследования предоставил сведения о лице, являющегося инициатором перечисления денежных средств и предоставившего реквизиты компании-получателя денежных средств, а также контрактов, в подтверждение чего предоставил соответствующую аудиозапись их разговоров. До возбуждения уголовного дела подсудимый обратился в правоохранительные органы с явкой с повинной, в судебном заседании публично извинился за совершенные им действия [10]. Используя электронную подпись в системе «Банк-Клиент Онлайн», подсудимый Б.А.А. подписал заявление на валютный перевод, согласно которого работник Банка, не подозревающий о противоправности совершаемых действий, осуществил банковские операции в размере 128 753 318, 28 рублей. Б.А.А. назначена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в сумме две тысячи рублей, так как ранее не судим, впервые обвиняется в совершении преступления средней тяжести, загладил причиненный вред путем принесения публичных извинений, уплаты административного штрафа по ч. 6 ст. 15.25 КоАП РФ на общую сумму 80 000 рублей, дополнительной уплате возглавляемого подсудимым предприятия налогов в бюджет на сумму более 10 млн. рублей.

На основании изложенного, предлагаем признавать государство в лице Центрального банка потерпевшим по данной категории уголовных дел и предложить принимать обеспечительные меры к наложению ареста на имущество обвиняемых в пределах суммы, незаконно выведенной за рубеж.

Список литературы:

1. Бабаян С. Л., Акимов В. С. // Российский следователь. 2017. № 13. С. 15–18.
2. Каматесов П. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа как уголовно-процессуальная форма: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022.
3. Полуэктов А. Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018.
4. Хлебницына Е. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 195 с.
5. Мартыненко Н. Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. С. 17–23.
6. Луценко Н. С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2019. 237 с.
7. Постановление Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга в составе председательствующего судьи Усатовой С. Ю. от 6 июня 2019 г.
8. Постановление Тайшетского городского суда Иркутской области в составе председательствующего судьи Тычкова Д. К. о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа от 8 августа 2019 г.
9. Лопашенко Н. А. Об уголовно-правовом предупреждении преступлений: на примере новых уголовно-правовых норм» // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 1. С. 90–97.
10. Постановление о прекращении уголовного дела Октябрьского районного суда г. Архангельска, вынесенное в октябре 2017 г.

Марсаков Илья Сергеевич,
старший преподаватель кафедры организации
оперативно-разыскной деятельности,
Академия управления МВД России
E-mail: ilya.marsakov.94@mail.ru

УДК 343

**Особенности оперативно-розыскной политики
в эпоху применения искусственного интеллекта
в борьбе с преступлениями экономической и коррупционной
направленности, совершаемыми в сфере закупок
для государственных и муниципальных нужд**

Аннотация. Исследование посвящено анализу перспектив применения искусственного интеллекта в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел с целью повышения эффективности борьбы с преступлениями экономической и коррупционной направленности, совершаемыми в сфере государственных и муниципальных закупок. В работе проводится обзор современного состояния оперативно-розыскной политики в эпоху повсеместного внедрения технологий искусственного интеллекта в России и в деятельность органов внутренних дел. В статье особое внимание уделяется одному из методов искусственного интеллекта – машинному обучению. Целью данной статьи является определение основных направлений внедрения технологий машинного обучения в деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел для эффективной борьбы с преступлениями экономической и коррупционной направленности, совершаемыми в сфере государственных и муниципальных закупок. Основные задачи работы – продемонстрировать актуальность и обоснованность использования технологий машинного обучения в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Делается вывод о необходимости проведения дальнейших исследований в области применения машинного обучения в оперативной деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: оперативно-розыскная политика; искусственный интеллект; борьба; преступления экономической и коррупционной направленности; сфера закупок для государственных и муниципальных нужд; машинное обучение; технологии; органы внутренних дел; модели машинного обучения.

Прогрессирующая цифровизация всех сфер человеческой деятельности и внедрение искусственного интеллекта (далее – ИИ), актуализирует необходимость интенсивного обновления и развития российского законодательства, направленного на создание комплексной нормативной правовой базы, способной адекватно регулировать цифровые правоотношения [1, с. 162] возникающие не только в экономической и социальной сфере, но и в сфере борьбы с преступлениями, в частности экономической и коррупционной направленности, совершаемыми в контрактной системе. Ведь не вызывает сомнений тот факт, что квинтэссенцией оперативно-розыскной политики является именно борьба с противоправной деятельностью. Об этом более точно в своем исследовании отразили Л. И. Беляева и Н. В. Павличенко: «Безопасность личности, общества и государства от криминальных посягательств и является стратегической целью оперативно-розыскной политики» [2, с. 22]. В подтверждение указанного выше тезиса целесообразно, на наш взгляд, привести и научную работу профессора П. И. Иванова, в которой автор обосновывает, что противодействие преступности выступает одним из приоритетных направлений оперативно-розыскной политики, являющейся неотъемлемой частью государственной политики в сфере борьбы с экономическими и коррупционными преступлениями [3, с. 84].

Соглашаясь с мнениями представленных ученых, отметим, что оперативно-розыскная политика, претерпевавшая сегодня цифровую трансформацию, в том числе в области применения ИИ, до настоящего времени недостаточно разработана с теоретической, правовой, организационной, методической, тактической и практической точек зрения. На наш взгляд, это предоставляет исследователям возможность не только полемизировать на данную тему, но и предлагать прикладные решения, способствующие ускоренной разработке, апробации и внедрению ИИ в оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД) органов внутренних дел (далее – ОВД).

В рамках данного исследования мы не ставим целью провести комплексный анализ заявленной темы. Так как, во-первых, содержание машинного обучения, являющегося подмножеством искусственного интеллекта, достаточно широкая тема, во-вторых ограничения по объему статьи не позволяют нам детально исследовать указанные выше аспекты, а в-третьих, мы не являемся специалистами в области разработки методов, алгоритмов и создания систем искусственного интеллекта и машинного обучения, математических моделей, методов, алгоритмов анализа и синтеза компьютерных систем и др. Кроме того, стоит подчеркнуть, что, это и не является

предметом паспорта научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки). Указанной исследовательской деятельностью занимаются представители таких научных специальностей, как: 1.2.1. Искусственный интеллект и машинное обучение, 2.3.4. Управление в организационных системах или 2.3.6. Методы и системы защиты информации, информационная безопасность. В нашем исследовании мы выступаем в роли заказчиков (потребителей) этих разработок, формулируя основные направления внедрения машинного обучения в деятельность оперативных подразделений ОВД, которые, в последующем компетентными специалистами могут быть трансформированы в конкретные модели машинного обучения¹[4, с. 20–22; 5, с. 86–89]. Поэтому в статье исследуется лишь концептуальная возможность применения машинного обучения в деятельности оперативных подразделений ОВД, определяются «точки соприкосновения» машинного обучения с государственными и муниципальными закупками.

Обращаясь к Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Стратегия), утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490², следует подчеркнуть, что особое внимание уделяется обеспечению безопасности страны путем обязательного внедрения доверенных технологий ИИ в тех областях его использования, в которых может быть нанесен ущерб безопасности Российской Федерации. Примечательно, что Стратегия, это один из первых нормативных правовых актов, предметно излагающий цели, основные задачи развития ИИ в государстве, а также меры, направленные на его использование в сфере обеспечения национальных интересов страны. По нашему мнению, представленный документ создал условия, предпосылки и определенные тренды для реализации идей

¹ Специалисты в области машинного обучения относят три вида моделей: 1 модель с учителем – компьютеру предоставляют набор размеченных данных (датасет), на их основе он находит решение задач; 2 модель без учителя – система получает неразмеченные данные без оценки и пытается сама найти ответ; 3 модель – система с подкреплением – машина принимает решение в зависимости от действий пользователя, как в шахматах. Подробнее см.: Е. Г. Барщевский Современные технологии машинного обучения / Е. Г. Барщевский // Восточно-Европейский научный журнал. 2023. № 5-2(90). С. 20-22; В. С. Тиунов Способы и модели машинного обучения / В. С. Тиунов, А. В. Исайчева, А. М. Плюхин, Е. В. Монида // Мировые естественно-научные исследования современности. Технический Прогресс: материалы VIII международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 31 мая 2023 года / Автономная некоммерческая организация «Национальный исследовательский институт дополнительного профессионального образования» (АНО «НИИ ДПО»), Ростов-на-Дону, 2023. С. 86-89.

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

по разработке, апробации и применению ИИ в государственных органах исполнительной власти.

Кроме того, Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 года № 529¹, выделяя безопасность информации в качестве приоритетного направления научно-технологического развития, подчеркивает стратегическую важность защиты государственных интересов. Включение технологий создания доверенного программного обеспечения и системного анализа в перечень критических технологий свидетельствует о необходимости обеспечения информационной безопасности и способности прогнозировать потенциальные угрозы. Признание технологий ИИ сквозными технологиями, особенно в сфере общественной безопасности, открывает новые возможности для повышения эффективности борьбы с преступлениями, в том числе в области экономики и коррупции. Синтез этих направлений позволит создать надежную систему обеспечения безопасности страны, основанную на отечественных разработках и способную противостоять современным вызовам.

Модернизация нормативно-правовой базы Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России, Министерство, Ведомство) стала неотъемлемой частью общей тенденции цифровой трансформации государственного управления. Министерство в профильных подразделениях разработало локальные документы, которые, по нашему мнению, уже сегодня способствуют более активному исследованию возможностей использования машинного обучения как в служебных вопросах, так и непосредственно в борьбе с разными видами преступлений, в том числе в контрактной системе.

Активная деятельность ОВД по применению машинного обучения нашла свое отражение в ряде ведомственных документов МВД России. Так, в Концепции реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации Министерство², являющейся документом стратегического планирования по выработке государственной политики в области борьбы с противоправными деяниями, отражены угро-

¹ Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий: Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 // СЗ РФ. 2024. № 26. Ст. 3640.

² Об утверждении Концепции реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации: приказ МВД России от 14 октября 2021 № 760. Документ официально опубликован не был.

зы, цели, задачи, принципы, приоритетные направления, а также ожидаемые результаты. Важно подчеркнуть, что к основным вызовам и угрозам экономической безопасности МВД России относит высокий уровень коррупции в экономической сфере. Кроме этого, в данном документе зафиксированы преступные деяния, выходящие на первый план, к которым отнесены преступления в сфере IT-технологий – связанные с использованием криптовалюты, дистанционные мошенничества, кибератаки и др. К блоку ожидаемых результатов Министерством причислена деятельность по разработке новых и совершенствование существующих форм и методов выявления, пресечения, предупреждения, раскрытия и расследования преступлений экономической и коррупционной направленности [6, с. 61].

Согласно мнению автора, руководство Ведомства разработало и утвердило комплекс мероприятий по внедрению технологий ИИ в деятельность ОВД на ближайшие годы. Это свидетельствует о стремлении Министерства стимулировать разработку и внедрение инновационных решений в сфере ИИ, направленных на повышение эффективности борьбы с преступностью, включая преступления экономической и коррупционной направленности [7].

Также стоит отметить, что в настоящее время профессорско-преподавательский состав кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России активно занимается научным обоснованием создания условий для разработки и внедрения инновационных технологий в деятельность ОВД. В особенности, планируются работы по созданию научно-технической продукции на основе машинного обучения, которые впоследствии трансформируются в опытно-конструкторские разработки в виде компьютерных систем. Оснащение оперативных подразделений передовыми технологическими решениями обеспечит повышение эффективности борьбы с современными вызовами и угрозами национальной безопасности и усилит научно-технический потенциал Ведомства.

Изучение монографий, научных статей, а также непосредственно работы оперативных подразделений ОВД позволило утверждать, что Министерству при планировании и внедрению машинного обучения в оперативно-служебную деятельность, необходимо комплексное использование как зарубежного опыта, так и отечественных разработок.

В этой связи особый интерес представляет тот факт, что в Российской Федерации уже в некоторых органах исполнительной власти, осуществляющих контроль (надзор) за контрактной системой

в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, широко применяются как пилотные проекты, основанные на ИИ, так и внедрены компьютерные системы, использующие соответствующие технологии [8, с. 28–38; 9, с. 406–409; 10, с. 556; 11, с. 241–243; 12, с. 51]. Исследовав часть характеристик указанных технологий¹, мы пришли к убедительному выводу о том, что синтез достижений технических и гуманитарных наук и создание на их основе моделей машинного обучения могут способствовать решению задач, обозначенных в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ от 12 августа 1995 года².

Как справедливо отмечают ряд исследователей, что на фоне роста преступлений экономической и коррупционной направленности [13, с. 155; 14, с. 129], в частности, в сфере государственных и муниципальных закупок, рассматриваемые технологии становятся перспективным инструментом для противодействия таким видам преступлений как, дача и получение взяток, в том числе с использованием криптовалюты, ограничение конкуренции путем создания цифровых картелей (аукционный робот), новым способам легализация (отмывание) денежных средств, полученных преступным путем, мошенничества с использованием компьютерных технологий и др. Это обусловлено его объективностью: модели машинного обучения невозможно подкупить или оказать на них давление; алгоритмы, лежащие в основе их работы, трудно изменить, что гарантирует беспристрастность принимаемых решений.

Анализируя данные электронных аукционов, наиболее распространенной формы закупок за последние пять лет [15], рассмотрим потенциал моделей машинного обучения (с учителем, без учите-

¹ Автор в рамках данной статьи исследовал некоторые решения на основе ИИ органов исполнительной власти, а именно: Федеральная антимонопольная служба России: система «АнтиКартель» (Большой цифровой кот), которая на основе искусственного интеллекта выявляет правонарушения в сфере закупок, в том числе картели; Счетная палата России: система основана на нейронных сетях осуществляющая автоматическое обнаружение нарушений в текстах государственных и муниципальных контрактов; Казначейство России: цифровая платформа Naumen Contact Center, позволяющая в круглосуточном режиме обслуживать участников бюджетного процесса, в том числе, участников контрактной системы в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд; Государственная информационная система «Посейдон», в которой администратором является Администрация Президента Российской Федерации, а оператором Федеральная служба охраны Российской Федерации предназначена для анализа больших данных. Система способна выявлять связи (аффилированность) между заказчиками и исполнителями государственных и муниципальных контрактов, а также выполняет ряд других аналитических функций.

² Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

ля и с подкреплением) для оптимизации процессов сбора и анализа информации в оперативной работе ОВД. Мы условно разделили электронный аукцион на три самостоятельных этапа: подготовка к электронному аукциону; выявления взаимосвязей в период проведения электронного аукциона; заключение государственного или муниципального контракта и его изменение в процессе исполнения.

Первый этап: подготовка к электронному аукциону.

Модели машинного обучения с учителем могут существенно повысить эффективность проведения оперативной проверки на этапе подготовки к электронному аукциону. Например, путем классификации¹ поставщиков и контрактов на основе исторических данных² можно выявлять потенциально рискованные сделки. Модели могут обнаруживать аномалии³, такие как заниженные цены или нетипичные связи между участниками процедуры закупки, сигнализирующие, например о возможном сговоре (картеле). Кроме того, кластеризация⁴ поставщиков и контрактов позволяет выявить скрытые группы и тенденции на рынке, что помогает идентифицировать потенциальные риски совершения экономических и коррупционных преступлений. Например, модель может классифицировать контракты на «низкий риск» и «высокий риск» на основе стоимости контракта, связей между участниками и исторических данных (предыдущие нарушения на торгах), а также кластеризовать поставщиков по размеру и специализации предмета закупки для выявления возможных сговоров (картелей). Например, если несколько поставщиков, специализирующихся на одной продукции, постоянно предлагают одинаковые цены или совместно участвуют в аукционах, это может свидетельствовать о сговоре.

Приведем один из возможных сценариев: модель может выявить, что компания, предлагающая самую низкую цену на медицинское оборудование, систематически занижает цены на электронных аукционах и имеет историю нарушений контрактных обязательств. Это может свидетельствовать о попытке сговора или о неспособности поставщика выполнить контракт в полном объеме. На основа-

¹ Классификация – это задача, в которой модель должна отнести объект к одному из заранее определенных классов.

² Исторические данные – это информация о прошлых событиях, действиях и результатах, которые были собраны и сохранены для дальнейшего анализа

³ Обнаружение аномалий – это задача поиска объектов, которые значительно отличаются от большинства других объектов в данных

⁴ Кластеризация – это задача разделения данных на группы (кластеры) таким образом, чтобы объекты внутри каждого кластера были более похожи друг на друга, чем объекты из разных кластеров.

нии представленных данных конкурсная комиссия или комиссия по осуществлению закупок может принять решение о выборе другого поставщика, даже если его предложение несколько превышает стоимость предложений других участников.

Модели машинного обучения *без учителя* позволяют выявить скрытые закономерности в данных о государственных или муниципальных закупках, которые могут указывать на возможные экономические и коррупционные схемы. Кластеризация позволяет группировать участников закупок по схожим признакам, таким как исторические данные о ценах, географическое расположение и участие в совместных бюджетных проектах. Аномальные кластеры – это группы участников, демонстрирующие необычное поведение, например, систематически завышающие или занижающие цены или имеющие тесные взаимосвязи связи между собой (заказчик, поставщик или иное заинтересованное лицо). Выбросы – это отдельные участники, сильно отличающиеся от остальных. Анализ ассоциаций позволяет обнаружить скрытые связи между участниками закупки, которые могут указывать на конфликты интересов или на возможные экономические и коррупционные правонарушения. В отличие от моделей с учителем, модели *без учителя* не требуют заранее подготовленных меток классов и позволяют обнаруживать неизвестные ранее закономерности.

Приведем один из возможных сценариев: анализ закупок продуктов питания в бюджетные учреждения с помощью моделей машинного обучения без учителя позволяет выявить скрытые экономические и коррупционные преступные схемы заказчиков и исполнителей контрактов. Сбор данных о поставщиках, ценах, объемах закупок и бюджетных учреждениях, а также их последующая очистка и нормализация являются основой для анализа. Кластеризация поставщиков по схожим признакам (размер, специализация, географическое положение) помогает идентифицировать аномальные группы, которые могут быть вовлечены в сговор. Анализ ассоциаций между поставщиками и детскими учреждениями позволяет выявить часто встречающиеся пары, что может свидетельствовать о предварительных договоренностях. Визуализация результатов в виде графиков и сетей облегчает понимание сложных взаимосвязей между участниками закупочного процесса. Модели машинного обучения без учителя, благодаря своей способности обнаруживать неизвестные закономерности в данных, позволяют повысить прозрачность закупок и снизить риск преступлений экономической и коррупционной направленности, несмотря на трудо-

емкость интерпретации результатов и чувствительность к выбору параметров.

2 этап: Выявление взаимосвязей в период проведения электронного аукциона.

Применение модели машинного обучения *с учителем* для классификации победителей электронных аукционов, позволяют определить, насколько вероятно, что конкретный поставщик выиграет торги. Анализируя исторические данные о поставщике (участие в предыдущих аукционах, репутацию на рынке, связи с иными поставщиками и заказчиками), характеристики его предложения (цена, качество) и другие факторы, модели помогают выявить аномалии, такие как постоянные победы одного и того же поставщика, победы поставщиков с низкой репутацией на рынке или несоответствие цены рыночной стоимости того или иного предмета закупки. Цель такого анализа – предотвратить какие-либо экономические и коррупционные преступления и обеспечить честную конкуренцию в контрактной системе.

Модель машинного обучения *без учителя* для детектирования мошенничества¹ в электронных аукционах позволяет обнаруживать случаи сговора между участниками. Анализируя похожие предложения цен, синхронность изменений и частоту совместного участия, модель выявляет аномалии, такие как резкие скачки цен или необычные паттерны активности². Например, используя нейронные сети³ и алгоритмы обнаружения аномалий в временных рядах⁴, система может обнаруживать скрытые связи между участниками и предупреждать о потенциальных противоправных действиях.

¹ Детектирование мошенничества – это процесс мониторинга, обнаружения и управления уровнем мошенничества, а также другими проблемами кибербезопасности, связанными с деятельностью пользователей и клиентов, их счетов, используемых услуг и продуктов, каналов продаж и т.п.

² Паттерны активности – это повторяющиеся последовательности действий, событий или состояний, которые можно наблюдать в различных системах. Это как определенные «следы», которые оставляют после себя различные процессы. Например: отклонения от обычного поведения поставщиков, если компания, которая обычно участвует в электронных аукционах на определенный вид продукции, резко начинает участвовать в тендерах на совершенно другой вид продукции, это может свидетельствовать об аномальном обнаружении.

³ Нейронные сети – это мощный инструмент в арсенале машинного обучения. Они состоят из взаимосвязанных узлов, называемых нейронами, которые обрабатывают информацию и передают ее друг другу.

⁴ Временные ряды – это последовательность данных, собранных в определенные моменты времени. Каждый последующий элемент ряда зависит от предыдущих, создавая тем самым определенную зависимость.

Приведем один из возможных сценариев: представьте, что модель обнаружила аномальный кластер поставщиков, которые часто побеждают в электронных аукционах, проводимых одним и тем же заказчиком. Затем, анализ временных рядов показал, что цены на товары, предлагаемые этими поставщиками, резко возрастают перед закрытием аукциона. Наконец, сетевой анализ выявил, что между этими поставщиками и заказчиком существуют тесные связи. Комбинируя эти результаты, можно сделать вывод о высоком риске сговора.

3 этап: Заключение и исполнение контракта

С помощью моделей машинного обучения с учителем мы можем анализировать этап заключения и исполнения государственных и муниципальных контрактов для выявления признаков преступлений экономической и коррупционной направленности. Классификация¹ как техника модели обучения с учителем позволяет определять обоснованность изменений в контрактах на основе множества факторов, таких как общий характер изменений, рыночные цены или проведенная (не проведенная) правовая экспертиза в случае приемки поставленных по нему товаров, работ или услуг. Модели регрессии как техника модели обучения с учителем помогает прогнозировать итоговую стоимость контракта и сравнивать ее с фактическими затратами, выявляя случаи завышения или занижения цен. Анализируя эти данные, мы можем обнаружить подозрительные шаблоны, например, систематическое завышение стоимости работ или частые необоснованные изменения контракта, что может свидетельствовать о коррупционных схемах или некомпетентности подрядчиков.

Приведем один из возможных сценариев: модель классификации определила, что изменения условий по государственному контракту на строительство школы являются необоснованными. Модель регрессии показала, что фактическая стоимость контракта значительно превысила прогнозируемую. Сетевой анализ выявил, что подрядчик, выполнивший работы, связан с несколькими другими компаниями, которые также участвовали в аукционах на строительство школ в этом регионе. На основании этих данных можно сделать вывод о высокой вероятности существования коррупционной схемы, в рамках которой генеральный подрядчик, действуя в сговоре с субподрядными организациями и, возможно, с представителями заказчика, искусственно завысил стоимость строитель-

¹ Классификация как модель машинного обучения с учителем представляет собой процесс по систематизации или разбивки по категориям определенных объектов.

ных работ путем манипулирования условиями государственного контракта и необоснованного увеличения сметы.

Анализ текстов договоров и временных рядов с помощью моделей машинного обучения *без учителя* позволяет выявлять признаки коррупции при исполнении государственных и муниципальных контрактов. Анализ текстов, помогает идентифицировать двусмысленные формулировки, которые могут быть использованы для манипуляций в процессе проведения закупки. Модели временных рядов позволяют обнаруживать аномалии в исполнении контракта, такие как резкие изменения в расходах или отставания от графика. Комбинируя эти методы, можно выявить подозрительные шаблоны, например, сочетание двусмысленной формулировки с резким увеличением стоимости работ. Это позволяет повысить эффективность контроля за исполнением государственных и муниципальных контрактов и снизить риски коррупции.

Приведем один из возможных сценариев: применение машинного обучения без учителя для анализа государственного или муниципального контракта на строительство дорог позволяет выявлять признаки преступлений экономической и коррупционной направленности. Анализируя тексты договоров на наличие двусмысленностей и временные ряды расходов и сроков выполнения работ, можно обнаружить аномалии, такие как завышение цен на строительные материалы, необоснованные задержки исполнения этапов контракта и др. Это дает возможность оперативному сотруднику составить систематизированный перечень контрактов, вызывающих подозрение, и на основе этого перечня разработать комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие возможных преступлений в рассматриваемой сфере.

Что касается машинного обучения с подкреплением, то оно является наиболее сложным методом для внедрения его в целях борьбы с преступлениями экономической и коррупционной направленности, совершаемыми в сфере государственных и муниципальных закупок по сравнению с обучением с учителем и без учителя. Это обусловлено необходимостью создания искусственной среды, имитирующей реальный процесс контрактной системы в сфере закупок, где модель должна самостоятельно обучаться оптимальным стратегиям в условиях неопределенности. В отличие от других методов (с учителем и без), машинное обучение с подкреплением требует значительных вычислительных ресурсов, больших объемов данных и тщательной настройки работы.

Исследование показало перспективность применения ИИ, в частности машинного обучения, для повышения эффективности

борьбы с преступлениями экономической и коррупционной направленности, совершаемыми в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Автор подчеркивает необходимость комплексного подхода, включающего развитие как технических, так и правовых аспектов внедрения этих технологий в деятельность ОВД. Будущие исследования должны быть направлены на разработку специализированных алгоритмов, создание систем раннего предупреждения, изучение и принятия нормативных правовых актов по использованию ИИ в этой области.

Список литературы:

1. Павлова Д. А. Цифровые правоотношения / Д. А. Павлова // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1(71). – С. 159–173.
2. Беляева Л. И. Оперативно-розыскная политика: понятие и содержание / Л. И. Беляева, Н. В. Павличенко // Труды Академии управления МВД России. – 2021. – № 4 (60). – С. 19–24.
3. Иванов П. И. Оперативно-розыскная политика как составная часть государственной политики в области борьбы с экономическими и коррупционными преступлениями в Арктических регионах России / П. И. Иванов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 3 (101). – С. 83–89.
4. Барщевский Е. Г. Современные технологии машинного обучения / Е. Г. Барщевский // Восточно-Европейский научный журнал. – 2023. – № 5-2 (90). – С. 20–22.
5. Тиунов В. С. Способы и модели машинного обучения / В. С. Тиунов, А. В. Исайчева, А. М. Плехин, Е. В. Мониц // Мировые естественно-научные исследования современности. Технический Прогресс: материалы VIII международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 31 мая 2023 года / Автономная некоммерческая организация «Национальный исследовательский институт дополнительного профессионального образования» (АНО «НИИ ДПО»). Ростов-на-Дону, 2023. – С. 86–89.
6. Марсаков И. С. Использование информационных технологий в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел в рамках оперативно-розыскного противодействия преступлениям коррупционной направленности, совершаемым в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд / И. С. Марсаков // Криминалистическое обеспечение безопасности Российской Федерации в финансовой сфере (65-е ежегодные Криминалистические чтения) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической

конференции: в 2-х ч. Москва, 24 мая 2024 года. – Москва: Академия управления МВД России, 2024. – С. 60–69.

7. МВД привлечет нейросети к поиску правонарушителей. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/01/11/1014513-mvd-privlechet-neiroseti-k-poisku-pravonarushitelei#140737497235613> (дата обращения: 17.06.2024).

8. Харитонов А. Е. Прогнозирование налоговой нагрузки сельскохозяйственных предприятий методами машинного обучения // Налоги и налогообложение. – 2023. – № 4. – С. 28–38.

9. Проценко В. В. Искусственный интеллект как инструмент для выявления нарушения бюджетного законодательства / В. В. Проценко, В. П. Шнырева // Молодой ученый. – 2024. – № 20 (519). – С. 406–409.

10. Казанцева С. Ю. Практика применения и перспективы развития технологий искусственного интеллекта и робототехники в сфере финансового контроля / С. Ю. Казанцева, Д. А. Казанцев // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – Т. 11. № 2. – С. 553–564.

11. Комлина Е. Е. Искусственный интеллект в органах исполнительной власти / Е. Е. Комлина // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере : материалы XVI Всероссийской научной конференции (с международным участием), Сыктывкар, 26–28 апреля 2023 года. – Сыктывкар: Коми республиканская академия государственной службы и управления, 2023. – С. 241–243.

12. Марсаков И. С. К вопросу о правовом регулировании оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по противодействию преступлениям коррупционной направленности в сфере закупок / И. С. Марсаков // Академическая мысль. – 2022. – № 2 (19). – С. 47–52.

13. Кузьмин Н. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в противодействии коррупции / Н. А. Кузьмин // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 154–156.

14. Марсаков И. С. Организованная преступность и коррупция в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд (оперативно-розыскной аспект) / И. С. Марсаков // Актуальные вопросы теории и практики привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии : сборник трудов межведомственной научно-практической конференции, Академия управления МВД России, 12 октября 2023 года. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – С. 125–131.

15. Госзакупки: тренды, чего ждать в 2024 году. URL: https://sbis.ru/articles/tenders/samye_populyarnye_zakupki (дата обращения: 17.06.2024).

Мордвинков Станислав Юрьевич,
начальник отдела организации агентурно-оперативной работы,
взаимодействия с оперативными подразделениями ФСИН России
и методического обеспечения,
Управление уголовного розыска МВД по Республике Коми
E-mail: Stas-777-1992@mail.ru

УДК 343.57

**Проблемные вопросы реализации
оперативно-розыскной политики
в сфере борьбы с незаконными химическими лабораториями
по производству наркотиков**

Аннотация. Автор анализирует актуальные проблемы, которые возникают при осуществлении правовой борьбы с подпольными химическими лабораториями по производству наркотиков. Исследованы данные статистики, свидетельствующей о постепенном вытеснении с криминального рынка «растительных» наркотиков и их замене на синтетические вещества, предприняты попытки выявления причин таких изменений. Автор затрагивает вопросы недостаточной степени криминализации исследуемой деятельности, приходит к выводу о том, что ужесточение со стороны государства контроля за оборотом химических веществ за последнее десятилетие не привело к значительному сокращению количества синтетических наркотиков, выпускаемых нелегально, а развитие цифровых технологий вывело исследуемый вид криминальной деятельности на новый уровень. Именно на решении этих ключевых проблем следует сосредоточить внимание законодателя и правоприменителей в целях повышения эффективности борьбы с нелегальными лабораториями, которые занимаются изготовлением наркотиков.

Ключевые слова: наркотик; психотропное вещество; прекурсор; производство наркотиков; химическая лаборатория; подпольная лаборатория; наркоконтроль.

Борьба с наркоманией на протяжении многих лет остается актуальной проблемой практически для любого государства: она не только негативным образом сказывается на здоровье и благополучии населения, но и бросает серьезный вызов правоохранитель-

ной системе, чему в немалой степени способствуют стремительное развитие цифровых технологий и появление новых возможностей организации подпольного производства и налаживания каналов сбыта запрещенных веществ. Так, в 2023 г. в России было зарегистрировано почти 200 тысяч преступлений в данной сфере (что на 20 тысяч преступлений больше, чем в 2022 г.). Маловероятно, что 2024 г. продемонстрирует более оптимистичные данные, т.к. уже в период с января по май 2024 г. таких преступлений было зарегистрировано порядка 77,6 тыс. [7, с. 4]. Следует учитывать высокую латентность исследуемого вида преступлений, а потому статистика отражает далеко не полную картину по производству наркотиков.

Наибольший процент синтетических наркотиков, поступающих в оборот, производится нелегально, в подпольных лабораториях. Государство в полной мере отдает себе отчет о том, насколько велика опасность от этой деятельности, а потому рассматривает ее как реальную угрозу национальной безопасности (согласно Стратегии государственной антинаркотической политики РФ на период до 2030 г.¹). Растущий спрос на синтетические наркотики выступает дополнительным фактором, который требует пристального внимания со стороны правоохранителей и общественности.

Несмотря на то, что с 2012 года были введены жесткие правила рецептурного отпуска лекарств, которые потенциально могут быть использованы в производстве наркотиков, ситуация в России не улучшается. Эта разновидность преступности носит латентный характер, не всегда становится очевидной и подвергается выявлению, однако напрямую способствует росту преступности иных разновидностей: краж, грабежей, разбойных нападений, изнасилований и др.

Синтетические наркотики вызывают сильную зависимость (сильнее, чем от героина, имеющего растительное происхождение), а их ценовая доступность и относительная легкость приобретения затягивают петлю привыкания всё туже и туже. Именно поэтому правоохранительные органы уделяют особое внимание совершенствованию действующих правовых механизмов, которые помогли бы эффективно бороться с подпольными химическими производствами [1, с. 144].

¹ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Рос. Федерации от 23.11.2020 № 733. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document118> (дата обращения: 02.08.2024).

Развитие Интернета и его закрытой, теневой части («Даркнета») позволяет осуществить приобретение наркосодержащих веществ буквально за несколько кликов компьютерной мыши. Такой рост спроса, бесспорно, стимулирует подпольных производителей к увеличению объемов выпускаемой продукции и делает их полноправными участниками сложной цепочки сбыта наркотиков, финальной целью которой является извлечение максимального размера прибыли в результате противоправной деятельности.

В своей деятельности правоохранители сталкиваются со значительным количеством сложностей, которые касаются, в том числе, изобличения и ликвидации незаконных химических лабораторий по производству наркотических и психотропных веществ, количество и производительность которых растет с каждым годом, ставя под угрозу здоровье огромного количества человек и стимулируя совершение других преступлений.

Правовое регулирование данной сферы осуществляется в соответствии с гл. 25 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) и с положениями Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»² (далее – Федеральный закон № 3-ФЗ). Вместе с тем правоприменители вынуждены осуществлять эффективные действия по выявлению и прекращению деятельности подпольных химических лабораторий, производящих синтетические наркотики, в отсутствие законодательной дефиниции лаборатории по производству наркотиков. Указанные нормативные правовые акты не содержат определения данного термина, что приводит к существенным затруднениям в сфере правоприменения. Очевидно, что для грамотного и эффективного противодействия деятельности по организации таких химических лабораторий явно недостаточно содержащихся в законодательстве терминов «производство» и «изготовление», поскольку в данном случае объективная сторона преступления имеет свою специфику.

Данная специфика была отмечена Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ), который в Постановлении Плену-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 дек. 1997 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 дек. 1997 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 2. Ст. 219.

ма от 15.06.2006 № 14 (в ред. от 16.05.2017)¹ коснулся темы серийного, а не разового производства наркотиков и сделал акцент на том, что такое производство осуществляется с использованием специального химического или иного оборудования, производство наркотических средств или психотропных веществ в приспособленном для этих целей помещении, изготовление наркотика партиями, в расфасованном виде.

Следовательно, органы наркоконтроля должны выяснять следующие обстоятельства:

- производятся ли наркотические вещества в специально оборудованном помещении либо деятельность осуществляется в непригодных условиях, в случайном помещении, с использованием подручных материалов,
- производится ли продукция систематически и регулярно, т.е. партиями, либо от случая к случаю или вообще производилась однократно,
- фасовалась ли продукция определенными объемами, что позволяет судить о том, что она производилась для сбыта, а не личного употребления.

Представляется, что наличие всех трех указанных признаков позволяет с уверенностью говорить о деятельности подпольной химической лаборатории. В самом деле, если лицо или группа лиц специально отыскивают помещение, приобретают его, берут в аренду либо начинают им владеть на любом другом основании (в т.ч. и незаконном), обеспечивают его техникой, мебелью, приборами и агрегатами, регулярно поставляют сырье и забирают готовую «продукцию» для реализации, речь с очевидностью идет о наличии умысла на производство нелегальных химических веществ [1, с. 146]. Также необходимо обеспечить такую лабораторию квалифицированными специалистами или организовать обучение лиц, которые нужными навыками пока не обладают.

В контексте совершенствования правовых механизмов, которые позволят более эффективно проводить борьбу с такими лабораториями, следует согласиться с позицией Ю. В. Ачитуевой о целесообразности формулирования четкого законодательного определения понятия «незаконная лаборатория по производству наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров» в следующей редакции: «помещение, оснащенное специальным обо-

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 июня 2006 № 14. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8251/> (дата обращения: 04.08.2024).

рудованием, с помощью которого проводится химико-технологический процесс экстрагирования (выделения), перегонки, очистки или синтеза наркотического средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров с целью личного употребления или сбыта иным лицам» [2, с. 353]. Данной дефиницией необходимо дополнить ст. 1 Федерального закона № 3-ФЗ, содержащую основные понятия.

Поскольку противоправные действия по производству указанных веществ в подпольных лабораторных условиях свидетельствуют о еще большей вовлеченности преступников в свой замысел, считаем целесообразным их включить как особый квалифицирующий признак в ч. 4 ст. 228.1 и ч. 2 ст. 228.4 УК РФ.

Введение в России в 2012 г. рецептурного отпуска наркосодержащих препаратов, как мы уже отмечали, в корне не улучшило ситуацию и не снизило объемы производства синтетических наркотиков. Сегодня в подпольных лабораториях активно используют свободно продаваемые препараты, которые содержат прекурсоры наркотических веществ в легальной небольшой концентрации – так называемые предпрекурсоры. Они реализуются совершенно законно как розничными торговыми точками, так и промышленными заводами и химическими базами. Сырьевая и технологическая базы, которые позволяют производить из них прекурсоры, а затем и синтетические наркотики (в основном, мефедрон и метилэфедрон), хорошо развиты на российских предприятиях, и зачастую именно их квалифицированные бывшие сотрудники становятся соучастниками бизнеса в сфере наркопроизводства [4, с. 8-9].

Кроме того, острой проблемой, которая в значительной степени затрудняет деятельность органов наркоконтроля по борьбе с химическими нарколабораториями, выступает и то, что в подразделениях отсутствуют эталонные образцы таких веществ, как бензальдегид и нитроэтан, которые часто обнаруживаются в нелегальных химических лабораториях. Это значительно затрудняет определение процентной концентрации указанных прекурсоров в изъятых материалах. Поэтому в целях оптимизации производства оперативно-розыскных и следственных действий целесообразным представляется провести строгий учет веществ, которые выступают или могут выступать прекурсорами наркотических веществ, и обеспечить все подразделения наркоконтроля необходимыми эталонными образцами. Это повысит эффективность деятельности правоохранительных органов, сократит время на производство анализа изъятых образцов, что, в конечном итоге, положительно скажется на скорости и качестве раскрытия преступлений в сфере наркопроизводства и передаче дел в суд.

Возвращаясь к теме теневого Интернета («Даркнета»), следует отметить и следующую проблему, возникающую сегодня перед правоохранительными органами: наличие у населения доступа к ресурсам с информацией о том, каким образом можно разрабатывать, производить и использовать как прекурсоры, так и непосредственно наркотические и психотропные вещества. На территории России распространение такой информации в сети Интернет является противоправным, и существует возможность подать в Роскомнадзор жалобу на ресурсы, содержащие указанные сведения, после чего страница сайта будет заблокирована.

Вместе с тем, тексты и инструкции, позволяющие любому заинтересованному лицу выяснить «рецепт» производства практически любого наркотика, доступны в сети. В «Даркнете» имеется возможность приобрести не только готовый наркотик, психотропное вещество, но и их прекурсоры и любое оборудование, необходимое для их производства. Такие готовые наборы именуются «конструкторами» и позволяют любому человеку, даже не имеющему никакого отношения к химии и лабораторным работам, получить возможность изготовления наркотика [5, с. 9-10].

Указанные «конструкторы» отправляются к получателям почтовой связью либо через транспортные компании. И если раньше для получения почтового отправления необходимо было предъявлять паспорт гражданина РФ, то сегодня зачастую бывает достаточно назвать цифровой код, который приходит в смс-сообщении на мобильный телефон или в уведомлении в специальном приложении. Как правило, сим-карты регистрируются на подставных лиц, которые зачастую даже не осведомлены о том, в какой деятельности косвенно принимают участие, поэтому отследить реального покупателя весьма непросто.

Осложняет деятельность правоохранительных органов, занимающихся борьбой с наркопреступностью, и то, что сервисы доставки стараются максимально упростить и автоматизировать процесс передачи грузов от отправителя к получателю, чем активно пользуются злоумышленники и правонарушители: функционирование постаматов (станций по приему-выдаче малогабаритных отправок без участия оператора) позволяет отправлять и получать посылки с «конструкторами», всевозможными реактивами, прекурсорами и предпрекурсорами без непосредственного человеческого контакта и проверки содержимого посылки.

Яркие примеры сказанного можно найти в уголовной практике любого региона России. Так, в 2022 г. в Республике Коми было выявлено и задержано 123 лица из разных регионов страны, которые в составе организованных преступных групп занимались производ-

ством и сбытом наркотиков и оборудования для их производства. Среди задержанных 16 человек не достигли совершеннолетия. Все указанные группы лиц свою деятельность вели в «Даркнете», оплату принимали с использованием электронных кошельков, а отправку товара – с использованием бесконтактных постаматов [3, с. 59].

Представляется, что в целях повышения эффективности борьбы с подпольными химическими лабораториями, производящими наркотические вещества, имеет смысл рассмотреть вопрос об ужесточении правил отправления и получения посылок (ввести требование об обязательном указании паспортных данных всех участников пересылки, предусмотреть возможность выборочной проверки содержимого отправок аналогично досмотрам на объектах транспорта с использованием рентген-сканера). Такие меры могут серьезно осложнить деятельность по организации и оснащению подпольных нарколабораторий, позволят выявлять лиц, причастных к ним, с большей эффективностью и привлекать их к уголовной ответственности по ст. 228.1 УК РФ.

Отметим и ухудшение российской ситуации с наркобизнесом в связи с участием государства в специальной военной операции на территории Украины. С 2022 года рост цен на ввозимые в Россию наркотики обусловил необходимость перейти к самостоятельному производству синтетических наркотических веществ, что, в свою очередь, повлекло и рост количества подпольных лабораторий. Производство наркотиков и психотропных веществ в таких условия позволяет обеспечить их относительно невысокую стоимость и значительные объемы выпуска. Оба эти фактора лишь играют на руку участникам наркобизнеса, а возможность реализации конечного «продукта» через сеть «Даркнет» позволяет обеспечить конфиденциальность, чем существенно затрудняет возможность выявления и задержания преступников.

Как справедливо заметил исследователь А. В. Морозов, «классические» растительные наркотики постепенно замещаются наркотиками синтетическими, поскольку их производство в химических лабораториях оказывается гораздо более простым, низкорисковым, чем ввоз из других стран или регионов кокаина, героина, марихуаны и других органических веществ. Связанная с этим невысокая стоимость производимой «продукции» привлекает покупателей, увеличивает выручку владельцев наркобизнеса и, таким образом, дополнительно стимулирует расширение производства [6, с. 314]. Происходит постепенный процесс «реструктуризации» отечественного незаконного наркорынка, и ужесточение таможенного контроля за ввозимыми на территорию РФ грузами, обусловленное проведением спецоперации в Украине, только укрепляет этот вектор развития.

Вопреки всем вышеперечисленным сложностям, с которыми сталкиваются правоохранители при выявлении и пресечении деятельности подпольных нарколабораторий, им удастся обнаруживать и пресекать деятельность целых картелей. Регулярно разрабатываются и проводятся операции, в т.ч. на межнациональном уровне, по изобличению и прекращению противоправного наркопроизводства. Так, только за январь-май 2024 г. в России сотрудники наркоконтроля изъяли из незаконного оборота 8,8 тонн наркотических средств и психотропных веществ, в т.ч. синтетического происхождения.

Однако не следует останавливаться на достигнутом, особенно с учетом стремительного развития онлайн-коммуникаций, которые злоумышленники используют не во благо, а для обхода запретов: нужно уделять еще большее внимание разработке эффективных методик по выявлению и пресечению деятельности химических нарколабораторий. Развитие технологий по передаче и оплате товаров народного потребления за последние несколько лет шагнуло далеко вперед, значительно упростив коммуникацию между продавцами и конечным потребителем, чем немедленно воспользовались участники наркопроизводства и наркобизнеса. Поэтому необходимо выработать и постоянно совершенствовать меры уголовно-правовой борьбы с указанной противоправной деятельностью, задействовать в ней специалистов в сфере информационных технологий, которые смогут отслеживать «цифровые» следы преступников в рамках оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, подводя итоги настоящего исследования, следует отметить, что совершенствование механизмов правовой борьбы с подпольными нарколабораториями должно идти по пути закрепления на федеральном уголовно-правовом уровне термина «незаконная нарколаборатории» и криминализации участия в ее деятельности путем внесения соответствующих квалифицированных составов преступления в ст. 228.1 и ст. 228.4 УК РФ. Сам факт организации производства наркотиков в лабораторных условиях имеет высокий уровень общественной опасности, поскольку свидетельствует о наличии преступного умысла на подготовку, налаживание и реализацию технологического процесса, результатом которого будет систематическое производство синтетических наркотических и психотропных веществ с целью дальнейшего сбыта. Последствия от такой деятельности для здоровья населения с очевидностью будут гораздо более масштабными и трагичными, чем в результате разового приготовления нелегального вещества в непригодных для этого условиях.

Список литературы:

1. Адамян Р. Э. К вопросу о содержании оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с деятельностью лабораторий по изготовлению и производству наркотиков // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 143–150.
2. Ачитуева Ю. В. Противодействие незаконной деятельности нарколабораторий как одно из приоритетных направлений в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 7А. С. 349–355.
3. Доклад о наркоситуации в Республике Коми в 2022 году: утв. протоколом заседания антинаркотической комиссии в Республике Коми от 21 марта 2023 г. № 1/2023 // URL: https://adm.rkomi.ru/uploads/documents/doklad_o_narkosituatsii_2022_2023-04-07_09-39-52.pdf (дата обращения: 03.08.2024).
4. Корчагин О. Н., Севрюков А. П. К вопросу о совершенствовании правовых механизмов борьбы с незаконными химическими лабораториями по производству наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2015. № 2 (19). С. 7–14.
5. Любавина М. А. Квалификация незаконного производства наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Криминалистика. 2015. № 1 (16). С. 7–12.
6. Морозов А. В. Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с незаконным наркопроизводством в современной России в условиях цифровой реальности // Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире. М.: ИНФРА-М, 2021. 630 с.
7. Статистический сборник «Состояние преступности в России» за январь–май 2024 года, подготовленный ФКУ «ГИАЦ» МВД России. 67 с. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/51988292/> (дата обращения: 03.08.2024).

**Обеспечение безопасности цифровой экономики
как одно из направлений реализации уголовной политики**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы реализации уголовной политики в сфере безопасности цифровой экономики. На сегодняшний день развитие киберпреступлений представляет серьезную угрозу для современного общества. В связи с этим остро встает вопрос о модернизации и совершенствовании всех элементов правоохранительной деятельности, направленных на предупреждение и расследование преступлений в сфере цифровых технологий. В последнее время особое внимание уделяется киберпреступлениям в области безопасности цифровой экономики. В связи с быстрым развитием компьютерных технологий и увеличением числа преступлений, связанных с ними, возникает необходимость в быстром поиске решения данной проблемы в понятийно-категориальном аппарате законодательства.

Ключевые слова: уголовная политика; информационные технологии; информационно-телекоммуникационные сети; противодействие преступности; киберпреступность; киберпреступления; безопасность цифровой экономики; IT-преступления.

В процессе цифровизации экономики и построения информационного общества произошли существенные изменения, связанные с различными социально-экономическими и научно-техническими процессами, включая в первую очередь киберпреступления. Меры уголовной политики, направленные на борьбу с киберпреступлениями, представляются в виде криминализация этих преступлений. Противодействие преступным действиям против безопасности цифровой экономики является одной из важнейших задач уголовно-правовой политики, направленной на обеспечение национальной безопасности страны.

В настоящее время безопасность цифровой экономики является неотъемлемой частью современного общества и его функционирования.

Несмотря на положительную динамику развития цифровой экономики, переход к цифровому пространству оказывает также негативное

влияние на граждан и государство. Из-за появления новых информационных технологий, связанных с компьютерными технологиями, стало возможным возникновение серьезных нарушений в области безопасности цифровой экономики, представляющих реальную угрозу для нормального функционирования различных сфер жизни общества. В своей деятельности преступное сообщество использует передовые достижения в области науки и техники, что делает его уязвимым для безопасности цифровой экономики страны [4].

С каждым годом количество киберпреступлений растет, что ставит новые задачи для государства в области безопасности цифровой экономики. Согласно статистике Министерства внутренних дел, за 2022 год МВД зарегистрировало лишь 522 тысячи таких преступлений, что на треть ниже уровня 2023 года. Количество дел, связанных с такими правонарушениями, возросло с 26,5% в 2022 году и достигло 34,5% в 2023 году от общего числа. Более половины преступлений, совершенных с помощью информационных технологий, относятся к тяжким и особо опасным преступлениям. Число преступлений, совершенных с использованием интернета, возросло с 381 тысяч до 526,7 тысяч. Следом следуют преступления, совершенные с использованием сотовых телефонов и банковских карт [13]. В то же время киберпреступления представляют собой серьезную угрозу для информационной безопасности страны, так как они не только наносят материальный ущерб, но также способствуют утечке важной стратегической информации и дестабилизируют общественные отношения, подрывают суверенитет государства.

Важную роль играет борьба против преступности, которая способствует формированию и поддержанию эффективного правового режима в стране. Согласно определению, преступления в области компьютерной безопасности - это общественно опасные деяния, направленные посягающие на обеспечение информационной безопасности [8].

Наиболее распространенными видами преступлений, совершаемых с использованием ИТ, являются: мошенническая деятельность, хакерская атака, распространение вредоносных программ, незаконное использование оружия и наркотиков. Из этого следует, что раскрытие, расследование и предупреждение таких преступлений тесно связано с применением компьютерных технологий. Путин подчеркнул, что для оценки киберпреступлений важно учитывать их рост в десять раз за прошедшие шесть лет, а также необходимость своевременного реагирования на данные преступления, так как процесс цифровой трансформации различных сфер жизнедеятельности находится на начальной стадии. В связи с этим необходимо быстро реагировать на возникающие угрозы, тем самым обеспечивая эффективное управление различными сферами деятельности, которые находятся на начальном этапе [12].

Согласно указу президента, в МВД России создано Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК). Каждый четвертый случай, совершенный с использованием информационных технологий, представляет угрозу гражданскому обществу, национальной безопасности и национальным интересам страны, что требует принятия соответствующих мер для противодействия этому. УБК станет головным подразделением МВД в борьбе с киберпреступностью [8].

В задачи управления входит предупреждение, обнаружение, раскрытие и предотвращение преступлений в сфере информационных технологий, а так же координирование этой деятельности в системе министерства. Согласно плану подразделение будет проводить анализ информации, содержащейся в информационных сетях, с целью выявления запрещенных материалов и противодействия преступным действиям. Ему предстоит наладить взаимодействие с ФСБ, органами государственной власти, финансово-кредитными учреждениями, информационными агрегаторами больших данных, а также другими заинтересованными сторонами в информационном обмене [14].

Специфические особенности расследования преступлений, совершенных в сфере ИТТ, состоят в необходимости получения судебного разрешения на определенные действия. Согласно статье 186.1. УПК РФ, следователь может получить разрешение суда для получения информации о сотовых телефонных звонках, продолжительности и времени соединения, а также об их продолжительности и времени. После того, как судебное разрешение получено, следователь направляет копию в определенную организацию для предоставления информации о пользователях сотовых сетей.

Основная проблема, связанная с осуществлением правоохранительной политики в области противодействия насильственным преступлениям с использованием информационных технологий, заключается в том, что существующий государственный механизм уголовной защиты не соответствует уровню развития общества, достигнутому благодаря использованию средств связи и другим видам информационно-коммуникационной технологии.

Е. А. Русскевич [5] на основе анализа Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации¹ и Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы²

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 07.02.2008 № Пр- 212 // Российская газета. 2008. № 34.

² Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

сформулировал основные признаки состояния общественных отношений современного общества, которые непосредственно влияют на реализацию уголовной политики в сфере защиты граждан от насильственных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (рис. 1).

Рис. 1. Основные признаки состояния общественных отношений современного общества, которые непосредственно влияют на реализацию уголовной политики в сфере защиты граждан от насильственных

С учетом вышеизложенного автор А.Ю. Матвеев определил основные проблемы реализации уголовной политики в сфере защиты граждан от насильственных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. «Так, во-первых, свойством цифрового пространства является трудности физической привязки места совершения преступления, что не позволяет своевременно задействовать весь комплекс уголовно-процессуальных средств по противодействию такому виду преступлений. Во-вторых, правовые категории, описывающие криминальные характеристики иных преступлений, кроме цифровых, ни в одном из своих проявлений не рассматривают виртуальное пространство, как место или объект совершения преступления. Свойствами виртуального пространства, влияющими на формирование уголовной политики противодействия преступности, в сфере защиты граждан от насильственных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей являются анонимность и минимизация следов физического контакта между субъектом и объектом совершения преступления, что затрудняет их раскрытие. И в-третьих, это латентность такого вида преступлений. Так, по некоторым оценкам, только о 10% преступлений такого вида становится известно, большая их часть скрыта от учета, что не позволяет вырабатывать соответствующие меры реагирования» [3, с. 269–271].

Тенденция к глобальной цифровизации и разработка и внедрение новых технологий в различных сфере общественной жизни и государства, приведет к усовершенствованию и появлению новых видов, способов и методов киберпреступности [4, с. 358–361].

Противодействие информационному преступлению - одна из первостепенных задач органов правоохранительной системы. В целях снижения рисков, предотвращения преступлений на ранних стадиях, своевременной реакции и быстрого раскрытия ранее совершенных преступлений, а также быстрого выявления уже существующих фактов преступных действий, предлагается следующий путь решения этой проблемы.

В законодательство Российской Федерации необходимо внести изменения, касающиеся понятий «киберпреступления», «кибератаки», «киберпреступник». Закрепление данных терминов в уголовном законодательстве в качестве примечаний к имеющимся статьям УК РФ позволит правильно классифицировать преступления,

входящие в эту группу, что впоследствии поспособствует эффективному использованию уголовно-правовых норм.

Цифровые технологии проникли во все сферы жизни общества. Наряду с высокими темпами развития компьютерных технологий, увеличивается количество преступлений, совершенных в сфере информационных технологий. Эти преступления не только негативно влияют на нормальное развитие общественных отношений, а также несут колоссальную угрозу национальной безопасности страны.

Список литературы:

1. Васильченко А. А. Вопросы деятельности органов внутренних дел по противодействию преступлениям в сфере реализации национальных проектов // Преступность. Общество. Безопасность: сборник научных статей по материалам Международного форума и Международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 68–74.

2. Дьяченко Н. Н., Васильев Э. А. Анализ оперативной обстановки в сфере борьбы с хищениями бюджетных средств, выделенных на финансирование национальных проектов (программ) // Оперативно-розыскная деятельность в современных условиях: материалы межведомственной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2023. С. 43–49.

3. Матвеев А. Ю. Проблемные вопросы реализации уголовной политики в сфере защиты граждан от насильственных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Теоретические и научно-практические дискуссии в области гуманитарных наук: материалы IX Международной научно-практической конференции. Автономная некоммерческая организация «Национальный исследовательский институт дополнительного профессионального образования» (АНО «НИИ ДПО»). Ставрополь, 2023. С. 269–271.

4. Полякова Е. Н. Понятие киберпреступность как угроза информационной безопасности государства и общества // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: материалы VI Всероссийской национальной научной конференции молодых учёных: в 3 ч. Комсомольск-на-Амуре, 2023. С. 358–361.

5. Русскевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2020. 512 с.

6. Раднаева А. Н., Родионова Д. Н. Современные проблемы реализации приоритетных национальных проектов // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. С. 134–136.
7. Солодилов А. В., Бруз В. В., Кузнецова И. В. Приоритетные национальные проекты как инструмент социально-экономического развития (на примере московского региона) // Вестник московского государственного областного университета. 2021. № 4. С. 95–98.
8. Усачев С. И., Алиев Т. Ф. Киберпреступность: современное состояние и актуальные способы противодействия // Искусство правождения. 2023. № 1 (5). С. 75–79.
9. Шелкова А. А. К вопросу о роли и месте органов внутренних дел Российской Федерации в системе борьбы с коррупцией // Молодой ученый. 2020. №14 (304). С. 196–199.
10. Щенина Т. Е. Роль органов внутренних дел в борьбе с коррупционными нарушениями: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук: материалы XIII Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и студентов: в 2 ч. Минск, 2023. С. 330–336.
11. Владимир Путин поставил задачи перед МВД. URL: <https://rg.ru/2023/03/20/pasporta-i-poriadok.html> (дата обращения: 12.04.2024).
12. В России число киберпреступлений за год увеличилось на 73 %. URL: <https://russian.rt.com/russia/russia/news/828179-statistika-kiberprestupleniya-rossiya> (дата обращения: 26.05.2024).
13. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 01.05.2024).
14. В МВД создано управление по борьбе с киберпреступностью. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5592758> (дата обращения: 20.05.2024).

Мусаев Магомед Михайлович,
адъюнкт 3-го факультета,
Академия управления МВД России
E-mail: musmag123@mail.ru

УДК 343.01

**Незаконный оборот оружия
с использованием сети Интернет:
постановка проблемы**

Аннотация. В современных условиях развития общества и государства действительно становятся все более актуальными проблемы, связанные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Сложившиеся вызовы и угрозы, такие, как незаконный оборот оружия, требуют совершенствования методов и подходов правоохранительных органов.

Ключевые слова: интернет; информационно-телекоммуникационные сети; квалифицирующий признак; незаконный оборот оружия; комплекс мер; состав преступления.

В настоящее время незаконный оборот оружия представляет собой серьезную угрозу для граждан, государства и общества. Цифровые технологии весьма активно используются преступными элементами, что, в свою очередь, требует от оперативных сотрудников применения более совершенных информационных технологий.

Общественная опасность указанного вида преступности настолько велика, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, определена в качестве одной из основных угроз государственной и общественной безопасности [1].

С учетом того, что государство предпринимает действенные меры по борьбе с незаконным оборотом оружия, такой оборот оружия меняет свои свойства и переходит в информационно-телекоммуникационные

сети. Всемирная паутина является основным инструментом незаконного оборота огнестрельного оружия, которая предоставляет преступникам простой и анонимный способ его получения.

Статистические данные свидетельствуют о том, что на территории Российской Федерации преступления в сфере незаконного оборота оружия с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, представляет потенциальную угрозу национальной безопасности. Практически 70% зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, совершено с использованием ресурсов глобальной сети, что обусловлено возможностью дистанционно и анонимно координировать незаконные операции, в том числе из-за рубежа [2].

Использование онлайн-платформ для незаконного оборота огнестрельного оружия создает серьезные проблемы для правоохранительных органов во всем мире, требуя разработки новых методов и технологий для выявления и предотвращения такой преступной деятельности.

Анонимность и простота доступа сети Интернет являются привлекательным инструментом для преступников, стремящихся незаконно приобрести огнестрельное оружие.

Продажа огнестрельного оружия в Интернете осуществляется в различных формах, включая частные продажи, онлайн-аукционы и нелегальные онлайн-рынки. Для выявления, раскрытия и доведения их до суда требуется большее количество сил и средств правоохранительных органов.

Особую опасность в распространении оружия в интернете представляют ресурсы, позволяющие скрыть данные пользователей. В частности, одним из криминогенных факторов, способствующих совершению преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, является широкое распространение в сети Интернет информации о технологиях переделки газового и травматического оружия, их для стрельбы боевыми патронами, изготовления взрывных устройств из составляющих, находящихся в свободной продаже [3, с. 53-61].

Следует отметить, что в Российской Федерации имеет место нестабильность законодательства, направленного на регулирование незаконного оборота оружия. Федеральным законом от 01.07.2021 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в статьи 222, 222-1, 222-2 УК РФ введен новый квалифицирующий признак, – «совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»».

Таким образом, законодатель признал, что незаконный оборот оружия, взрывчатых веществ, взрывчатых устройств и крупнокалиберного

огнестрельного оружия с использованием сети Интернет является общественно опасным преступлением, требует самостоятельной квалификации и более строгого наказания. Теперь незаконный оборот оружия с использованием интернета перешел в практическую плоскость и стал предметом изучения ученых и практиков уголовного процесса и уголовного права. Однако сложностей с установлением состава преступления и с процессом доказывания по такой новой категории преступлений практически не возникает, так как ранее аналогичный квалифицирующий признак был использован при квалификации незаконного оборота наркотических средств.

В то же время для пресечения совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей следует создать соответствующие условия. В первую очередь, необходимо укрепить международное сотрудничество правоохранительных органов, как со странами дальнего зарубежья, так и со странами СНГ. Интернет не имеет границ, и оружие по сети может продаваться из любой страны мира. В выявлении и пресечении такого вида преступления важнейшую роль играет оперативно-розыскная деятельность, а именно постоянный мониторинг всего сетевого пространства на предмет незаконного оборота оружия.

Следует совершенствовать возможности по закрытию преступных сайтов, по их оперативному блокированию, а также по контролю за телекоммуникационными интернет-сервисами, такими как Viber, WhatsApp, Telegram. Такая деятельность, в свою очередь, предполагает тесное взаимодействие правоохранительных органов с интернет-компаниями.

Выявление незаконного оборота огнестрельного оружия в Интернете создает серьезные проблемы для правоохранительных органов. Традиционные методы расследования, такие, как слежка и операции под прикрытием, часто неэффективны против онлайн-преступников. Вместо этого правоохранительные органы все чаще используют передовые технологии, такие как интеллектуальный анализ данных и искусственный интеллект, для выявления закономерностей и выявления потенциальных подозреваемых [4, с. 39-45].

Эффективное сотрудничество правоохранительных органов имеет важное значение в борьбе с незаконным оборотом оружия в Интернете. Транснациональный характер этого преступления требует международного сотрудничества между правоохранительными органами для розыска и задержания подозреваемых. Обмен информацией и опытом между правоохранительными органами имеет решающее значение для успешной борьбы с этим видом преступности. Применение криминальным миром интернет-ресурсов вынуждает законодателя предпринимать шаги, направленные

на противодействие преступности в сети Интернет. В аспекте незаконного оборота оружия с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, значимым шагом представляется Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [5]. В данном документе определено, что одним из приоритетных направлений деятельности государства является совершенствование механизмов, позволяющих ограничить доступ к информации, которая запрещена к распространению федеральными законами. Также предполагается создание условий, в которых возможно исключение анонимного использования пользователями и преступниками глобальной сети. Помимо этого, можно отметить тенденцию ужесточения наказания за незаконный оборот оружия. В частности, речь здесь идет о принятии в июле 2021 г. Федерального закона от 01.07.2021 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [6].

Определяя дальнейшие возможные пути совершенствования оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступлениями, такими, как незаконный оборот оружия, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, необходимо уточнить следующее:

- дополнить Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ нормами, в которых субъекты оперативно-розыскной деятельности получают право на стадии оперативного документирования в судебном порядке блокировать счета и переводы денежных средств в случаях, когда имеются достаточные сведения, позволяющие судить о причастности лица к незаконному обороту оружия;

- предоставить правоохранительным органам право на создание интернет-сайтов, посредством которых предполагается выявление фактов незаконного оборота оружия;

- привлечь специалистов в сфере информационно-телекоммуникационных сетей и сети «Интернет» в целях изучения устройств хранения информации и электронных носителей информации на факты обращения ресурсов, продвигающих незаконный оборот оружия.

В заключение следует отметить, что незаконный оборот оружия в Интернете представляет собой серьезную угрозу общественной безопасности, поскольку позволяет преступникам легко и анонимно приобретать оружие для использования его в противоправной деятельности.

Правоохранительные органы должны расширить свои возможности по обнаружению и предотвращению за счет использования передо-

вых технологий и международного сотрудничества, чтобы пресечь незаконную торговлю огнестрельным оружием в Интернете. Это потребует постоянных усилий и ресурсов, а также привлечения соответствующих заинтересованных сторон, таких как онлайн-рынки, финансовые учреждения и организации гражданского общества для решения этой глобальной проблемы.

Список литературы:

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации;
2. СОЗД ГАС “Законотворчество”. Пояснительная записка к проекту ФЗ № 11 57845-7 / / URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1120845-7>;
3. Жубрин, Р.В. Некоторые проблемы противодействия незаконному обороту оружия // Противодействие незаконному обороту оружия в России: Сб. мат-лов круглого стола, Москва, 25 сентября 2019 года. М.: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2020. С. 53-61;
4. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Особенности раскрытия преступлений и выявление лиц, осуществляющих сбыт огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств через сеть интернет // Криминологический журнал. 2020. №3.С39-45;
5. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 — 2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 // Официальный интернет-портал правовой информации.
6. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон № 281-ФЗ (в послед. ред.) : принят Гос. Думой 16 июня 2021 года : одобрен Советом Федерации 23 июня 2021 года // Рос. газета. № 146, 06.07.2021.

Пределы доказывания: понятие, сущность и значение

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятия, сущности и значения границ доказывания в уголовном судопроизводстве. По результатам изучения доктринальных и нормативных источников, выяснено, что действующее УПК РФ содержит ряд положений, согласно которым пределы доказывания приобретают собственное значение и индивидуальное содержание, характеризующееся количественными и качественными признаками. Констатируется, что в современной отечественной науке уголовного процесса получает распространение исследование границ доказывания за отдельными направлениями уголовной процессуальной деятельности, по отдельным видам процессуальных решений (их конкретных видов или групп), а также по отдельным видам уголовных правонарушений или уголовных производств. В заключении статьи предлагаются предложения по усовершенствованию законодательства и практике его применения в контексте рассматриваемых в работе вопросов.

Ключевые слова: доказательства; доказательства в уголовном процессе; пределы доказывания; предмет доказывания; достаточность доказательств; допустимость доказательств обоснованность решений.

В настоящее время в процессуальной и криминалистической литературе существует достаточно большое количество разнообразных определений пределов доказывания. Так в частности пределы доказывания определяются как: объем доказательного материала (доказательств и их источников), который обеспечит надежное, достоверное установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания [6, с. 106]; объем доказательств и их процессуальных источников, наличие которых обеспечит полное и беспристрастное

исследование всех обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном производстве; объем, совокупность доказательств, собрание которых обеспечит установление всех обстоятельств предмета доказывания; такой объем доказательств, обеспечивающий достоверное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию; объем доказательств и необходимых для их получения следственных и судебных действий, обеспечивающих полное, всестороннее и объективное установление всех компонентов предмета доказывания по каждому уголовному делу [1, с. 94]; число источников доказательств, необходимых для обоснования процессуальных решений [2, с. 209]. Как видно, разница в формулировании дефиниции пределов доказывания в основном зависит от авторского подхода к определению круг средств, с помощью которых возможно достичь установления всех обстоятельств, составляющих предмет доказывания в криминальном производстве.

Р.В. Костенко справедливо замечает, что процесс познание обстоятельств уголовного производства может оканчиваться или вероятным или достоверным знанием. Отобразая специфику процессуального доказывания, состояние недостоверного или достоверного знания определяется и в то же время находится в прямой зависимости от целей, достигаемых познанием и средств, использующих субъекты познавательной деятельности [4, с. 92-95].

В современной науке пределы доказывания определяются и в отношении субъектов познавательной деятельности. Одни авторы понимают под пределами доказывания совокупность доказательств (или определенный объем доказательного материала), обеспечивающих установление обстоятельств, имеющих значение для дела, принятие законных, обоснованных и справедливых решений (заметим, что эта точка зрения с определенными вариациями, пожалуй, наиболее распространена); другие ученые считают, что под пределами доказывания следует понимать не только объем доказательств, но и необходимые для их получения процессуальные действия, обеспечивающие полное, всестороннее и объективное установление всех компонентов предмета доказывания в каждом конкретном уголовном производстве.

Кстати, несколько похожи подходы к пониманию сущности пределов доказывания и у практических работников: большинство опрошенных, выбирая вариант обозначения пределов доказывания, также предпочитают понимать их как такую совокупность доказательств, которые обеспечивают принятие законных, обоснованных, мотивированных и справедливых решений (в общей сложности более 75% респондентов обозначили соответствующие варианты

ответов). В то же время, значительная часть опрошенных (в общей сложности около 54% респондентов) пределами доказывание считает не только такой объем доказательств, а и совокупность необходимых для производства процессуальных действий.

Существует также точка зрения, в рамках которой понятие «пределы доказывания» многогранно (многоаспектно), что, в свою очередь, обуславливает сочетание разнообразных подходов. По мнению сторонников этой позиции, пределами доказывания являются следующие пределы доказательной процессуальной деятельности, которые констатируют: а) полноту версий, подлежащих проверке; б) «глубину» исследования обстоятельств, подлежащих установлению; в) объем доказательств и их источников, обязательных для признания наличия или отсутствия этих обстоятельств; г) достаточность обоснования выводов в уголовном производстве.

Не прибегая к подробному анализу вышеупомянутых и других, высказанных в литературе взглядов на правовую природу и сущность пределов доказывания в уголовном производстве (ведь основные направления в этом вопросе отражены в приведенных выше позициях), считаем, что для должного понимания понятия «пределы доказывания» следует различать три его аспекта: первый – методологическая сущность этого понятия, второй – его практическая направленность; третий – достижение момента установления факта доказывания.

Что касается первого аспекта, сущность этого понятия состоит в том, что пределы доказывания – это пределы доказательной деятельности, обеспечивающие определенный объем знаний субъекта доказывания, обстоятельства уголовного преступления, по поводу которого осуществляется уголовное производство, и достаточные для окончания уголовного процессуального доказывания в целом или для принятия определенного процессуального решения или осуществления определенного процессуального действия, в частности. Здесь речь идет не о пределах того, что подлежит доказыванию, а о пределах той деятельности, которая образует содержание процесса доказывания

Второй аспект пределов доказывания отражает объем той деятельности, которая образует содержание процесса доказывания. То есть необходимой для установления наличия или отсутствия обстоятельств, что уголовным процессуальным законом связывается с принятием как итоговых, так и промежуточных процессуальных решений течение всего уголовного производства.

Третий аспект пределов доказывания состоит в том, что для выяснения момента достижения указанных выше пределов доказа-

тельной процессуальной деятельности могут использоваться различные критерии, которыми могут быть отдельные вышеуказанные подходы ученых к пониманию пределов доказывания. Это, в частности: определенная совокупность доказательств, достаточная для постановки выводов об исследовании всех обстоятельств предмета доказывания; критерии достижения пределов доказывания, то есть количественный показатель доказательной деятельности, определяемый через термин «совокупность доказательств». Это означает, что ни одно отдельное доказательство (например, показания о признании лицом своей виновности) не является достаточным для вывода о доказанности того или иного обстоятельства (события), ибо достаточной может быть только их совокупность; исследование всех возможных версий и проведение необходимых следственных и судебных действий (здесь снова можно говорить об определенном количественном характере доказывания, однако акцент делается не на полученных результатах (доказательствах), а о путях, ведущих к ним); степень точности знаний об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, их достоверность или вероятность (здесь в основу определения момента достижения пределов доказываниялагается качественный показатель).

Такие знания не должны быть противоречивыми, должны находиться во взаимосвязи и давать возможность для формулирования однозначных выводов. Пока есть противоречивые знания о тех или иных обстоятельствах, заключение об их доказанности сомнительно, что означает не достижение необходимых пределов доказывания и необходимость продолжения его осуществления.

Следует обратить внимание, что в практической деятельности пределы доказывания имеют важное значение, даже несмотря на высокий уровень абстрактности этого понятия. Правильное понимание сторонами пределов доказывания в уголовном производстве обеспечивает необходимую полноту выяснения обстоятельств, что входят в предмет доказывания, а также обеспечивают использование для этой цели только допустимых доказательств и только в том объеме, который необходим для достоверных выводов.

Сужение пределов доказывания приводит к тому, что отдельные обстоятельства уголовного судопроизводства недостаточно или не в полной мере исследуются и, как следствие, появляются пробелы в установлении тех или иных обстоятельств преступления, что не позволяет всесторонне, полно и беспристрастно осуществлять расследование по уголовному делу.

Необоснованное расширение пределов доказывания приводит к получению таких доказательств, которые уже достоверно установ-

лены или информации, которая вообще может не касаться соответствующего уголовного производства, что, в свою очередь, приводит к затягиванию досудебного расследования и судебного разбирательства и негативно влияет на участников уголовного производства.

Следовательно, безусловно, следует понимать разницу между предметом доказывания и его пределами, ведь, как мы уже обращали внимание, предмет доказывания с учетом конкретного состава уголовного преступления уточняется и детализируется на фоне общей модели, определенной в ч. 2 ст. 85 УПК РТ.

Следует заметить, что сам законодатель в вопросе нормативного наименования уровня установления фактов и обстоятельств в сфере доказывания использует разные понятия: «обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу» (ст. 85 УПК РТ), «обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела» (ч. 1 ст. 72 УПК РТ), «обстоятельства, подлежащие установлению» (статьи 90, 425 УПК РТ) и т.д.

Очевидно, что во всех этих случаях речь идет именно о доказывании соответствующих обстоятельств, поскольку вряд ли возможно установление необходимых обстоятельств с помощью данных, не являющихся доказательствами, учитывая, что установленные обстоятельства могут стать фактическими основаниями для принятия важных процессуальных решений. Такой подход в общем при-сущ и правоприменительный практике.

Подтверждением такого вывода является, в частности, положения об обязанности доказывания. Следовательно, кроме обстоятельств, указанных в статьях 85 УПК РТ, в частности, следователь, прокурор, обязаны доказывать и другие обстоятельства, являющиеся основаниями для принятия процессуальных решений. И эти решения далеко не всегда напрямую касаются так называемого «главного факта» – наличия или отсутствия события уголовного преступления и вины обвиняемого в его совершении.

К числу таких решений, в частности, относятся и решения следователя, судьи, принимаемые по результатам рассмотрения им ходатайств стороны обвинения. Так, при рассмотрении вопроса о применении мер пресечения стороны уголовного производства должны предоставить судье доказательства обстоятельств, на которые они ссылаются. Также требует доказывания соответствующих обстоятельств и установления оснований для принятия решений, относящихся к компетенции следователя и прокурора.

Исходя из изложенного, следует согласиться с концептуальным положением, согласно которому все, что подлежит познанию в уголовном процессе, должно быть доказано в установленном зако-

ном порядке, то есть включено в предмет доказывания, и наоборот, все, что относится к предмету доказывания, должно быть должным образом изучено (оценено) и засвидетельствовано с помощью доказательств [3, С. 50.].

В широком смысле понятие предмета доказывания и предмета познания в уголовном производстве следует рассматривать как тождественные. Соответственно и пределы доказывания являются пределами познания соответствующих обстоятельств.

Следует обратить внимание и на то, что даже отдельные обстоятельства, предусмотренных ч. 2 ст. 85 УПК, которые определяются в теории уголовного процесса как предмет доказывания (предусмотренная законом совокупность обстоятельств, подлежащих обязательному установлению по каждому уголовному делу с целью его правильного разрешения, не всегда подлежат обязательному доказыванию по каждому уголовному делу.

И в этом аспекте вполне справедливой и обоснованной кажется позиция о признании предметом доказывания в уголовном судопроизводстве фактического состава преступления, являющегося основанием уголовной ответственности лица, и в свою очередь, устанавливающийся по определенным в УПК процедурам путем выявления и исследования фактов и обстоятельств, создающих неопровержимую систему доказательств, охватывающих в полной мере состав преступления и другие данные, необходимые для принятия окончательного решения по делу.

Таким образом, установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного производства как цель доказывания, обуславливает необходимость доказывания фактических оснований и условий принятия любых процессуальных решений. Следовательно, доказывание в уголовном производстве осуществляется в пределах обстоятельств, необходимых и достаточных для принятия процессуальных решений.

Можно утверждать, что понятие пределов доказывания по своему объему шире предмета доказывания, поскольку первое распространяется и применяется за пределами ст. 91 УПК РФ, в частности, по установлению информации, имеющей значение для уголовного производства.

Так же понятие пределов доказывания не следует отождествлять с понятием стандартов доказывания, являющегося смежным в рамках границ доказывания, однако более широким. Стандарты доказывания, обеспечивают уровень убеждения (убежденности), необходимый для вынесения обвинительного приговора или принятия иного текущего или итогового решения в уголовном произ-

водстве не в пользу стороны защиты (устанавливают определенные «пределы/рамки» в уголовном производстве, по достижению, исполнение которых может быть принято решение не в пользу лица) [10]. При этом, необходимо отграничить стандарт доказывания от предела доказывания, указывая, что пределы доказывание в уголовном судопроизводстве, характеризуют глубину исследования объекта познания, является одним из условий выполнения стандарта доказывания как критерия достоверности результата судебного познания. Поэтому, несмотря на то что понятие «стандарт доказательств» относительно редко используется в процессуальной науке, не следует его заменять (а тем больше отождествлять) с понятием «пределы доказывания» [5].

Таким образом, «пределы доказывания» – понятие достаточно субъективное, ведь их определение зависит от определенного субъекта доказывания, обстоятельств, которые нужно установить в конкретном уголовном производстве на том или ином его этапе. Однако должное понимание сущности пределов доказывания и момента их достижения важно для характеристики доказательной деятельности субъектов доказывания. Практическое значение исследования пределов доказывания объясняется потребностью в понимании его субъектами важности их правильного определения. Ведь безосновательное сужение этих пределов в уголовном производстве может привести к тому, что некоторые обстоятельства предмета доказывания будут исследованы недостаточно. Безосновательное расширение пределов доказывания может свидетельствовать о неоправданной избыточности информации без признаков принадлежности и достоверности [9].

С учетом вышесказанного можно сформулировать следующие выводы:

1. Действующее УПК РТ содержит ряд положений, согласно которым границы доказывания в уголовном производстве приобретают собственное значение и индивидуальное содержание, характеризующееся количественными и качественными признаками.

2. Пределы доказывания отражают границы познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве, которые количественно обуславливаются совокупностью собранных, проверенных и оцененных доказательств с точки зрения их достаточности и взаимосвязи, а качественно характеризуются как достоверные, так и вероятные.

3. В современной науке уголовного процесса получает распространение исследование предела доказывания по отдельным направлениям уголовного процессуального деятельности, то есть

по отдельным видам процессуальных решений, а также по отдельным составам уголовных преступлений или формам уголовных производств.

4. Вопрос установления границ доказывания следует рассматривать в двух направлениях: 1) относительно структуры локального предмета доказывания и содержания обстоятельств, подлежащих установлению; 2) относительно конкретного процессуального решения, характеризующегося специальной целью, определенными законом основаниями, условиями и процессуальной формой его принятия, а также правовыми средствами, обеспечивающими его законность и обоснованность.

5. Исходя из того, что установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного производства, как цель доказывания, обуславливает необходимость осуществления доказывания фактических оснований и условий принятия каких-либо процессуальных решений, а следовательно, доказывание в уголовном производстве осуществляется в пределах обстоятельств, необходимых и достаточных для принятия процессуальных решений, достаточность доказательств на момент принятия того или иного процессуального решения означает полное исследование (максимально объективного на данный момент) и доказательство наличия/отсутствия всех обстоятельств, которые в соответствии с законом являются фактическими основаниями и условиями его принятия. При этом пределы доказывания в общем виде определены как такой объем доказательной деятельности (сбор, проверки да оценки доказательств), что обеспечивает достаточность доказательств для установления элементов предмета доказывания, фактических оснований и условий для принятия процессуальных решений.

Список литературы:

1. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. 303 с.
2. Зотов Д.В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве. Вестник Воронежского государственного ун-та. Серия «Право». 2015. № 3. С. 197– 210. с. 209.
3. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. 272 с.
4. Костенко Р.В. Доказательства и пределы доказывания в уголовном судопроизводстве. Уголовное право. 2008. № 4. С. 92–95.

5. Машовец, А. О. Стандарты и бремя доказывания: соотносимость понятий / А. О. Машовец // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса. В 2-х частях, Краснодар, 17–18 марта 2022 года / Отв. редактор В.А. Семенцов. Том Часть 1. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 352-359.
6. Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев : «Вища школа», 1984. 134 с. с. 106
7. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд., испр. и доп. / Белкин Р.С., Винберг А.И., Дорохов В.Я., Карнеева Л.М., Кочаров Г.И., Миньковский Г.М., Михайловская И.Б. и др.; отв. ред.: Н.В. Жогин. М. : «Юрид. лит.», 1973. 736 с. с. 70
8. Уголовно-процессуальный кодекс РТ от 01 апреля 2010г. Национальный центр законодательства при Президенте РТ // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mmk.tj> (дата обращения: 18.05.2022 г.).
9. Цыбанева, Е. Л. Предмет и пределы доказывания: понятие, содержание и значение для разрешения уголовных дел / Е. Л. Цыбанева // Студенческий форум. 2020. № 4-2(97). С. 76-79.
10. Шевченко, И. М. Стандарты доказывания: к вопросу о понятии / И. М. Шевченко // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 4. С. 23-28.

Меры виктимологической профилактики, осуществляемой органами внутренних дел

Аннотация. В статье говорится об актуальных мерах виктимологической профилактики, реализуемых органами внутренних дел. Автор классифицирует профилактические меры по содержанию, разделяя их на меры убеждения, помощи, защиты и принуждения. Автор, рассмотрев меры виктимологической профилактики, делает вывод, что они являются одним из наиболее гуманных и перспективных направлений воздействия на преступность.

Ключевые слова: виктимность; виктимизация; виктимологическая профилактика; профилактические меры; предупреждение преступлений.

Профилактика преступлений является одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Данное положение устанавливает приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» и определяет, что подразделения центрального аппарата МВД России, территориальные органы МВД России, участвуют в профилактике правонарушений в пределах своей компетенции, а также отменяет приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений». Следует отметить, что новый приказ закрепляет более широкое понятие «профилактика преступлений и административных правонарушений» (далее – правонарушения) и содержит обновленный и актуализированный перечень задач для достижения целей профилактики правонарушений.

Кроме того, приказ определяет, что деятельность в сфере профилактики правонарушений осуществляется в пределах своей компетенции по основным направлениям профилактики правонарушений, предусмотренным статьей 6 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Следует отметить, что приказ и не содержит подробный перечень обязанностей сотрудников органов внутренних дел по предупреждению преступлений, но предусматривает решение задач по профилактике правонарушений на окружном, межрегиональном и региональном уровнях, а организационно-методическое обеспечение возлагает на подразделения центрального аппарата МВД России и территориальные органы МВД России. Руководствуясь данным приказом органы в внутренних дел при осуществлении профилактики преступлений реализуют меры по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений; меры административного, уголовного, уголовно-процессуального оперативно-разыскного характера и организационно-методические меры.

Меры виктимологической профилактики органы внутренних дел реализуют наряду с иными мерами профилактики преступлений, дополняют их и являются резервом воздействия на криминогенную обстановку на территории обслуживания [1, с. 80]. Вместе с тем виктимологические профилактические меры имеют свою специфику, во-первых, они позволяют обеспечить личную безопасность и сохранность имущества возможных жертв; во-вторых, устраняют ситуации, чреватые возможным причинением вреда преступными действиями.

По своему содержанию профилактические меры можно разделить на меры убеждения, помощи, защиты и принуждения.

Так, к мерам убеждения относятся беседы, направленные на разъяснение необходимости изменить поведение, отношение к своей безопасности, сохранности имущества, чести, достоинства и здоровья, а иногда и жизни. При проведении беседы обращается внимание на последствия виктимного поведения, мобилизуются таким образом внутренние защитные возможности. При этом используется позитивное влияние ближайшего окружения лица. Информирование о наиболее криминогенных местах с учетом особенностей места проживания, распространенных видах преступлений и способах их осуществления, методике преодоления опасных ситуаций.

Такие меры, как оказание помощи подразумевает в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплат-

ной юридической помощи в Российской Федерации», и Наставлением по организации правовой работы в системе МВД России, утвержденное приказом МВД России от 5 января 2007 г. № 6 обеспечение информирования и просвещения общественности о методах и средствах законной защиты от преступлений и других угроз, предоставление бесплатной юридической помощи гражданам в форме устного и письменного правового консультирования. Например, консультирование профилактируемого по решению проблемных и конфликтных ситуаций (куда можно подать заявление о нарушении его прав, в какие организации обращаться). Для консультаций и выхода из сложной ситуации можно рекомендовать обращаться по телефонам экстренных служб, доверия компетентных организаций, в правозащитные организации, центры психологической помощи и т.п.;

- о порядке возмещения вреда потерпевшему, помощи в связи с другими последствиями в соответствии с УПК РФ, ГК РФ и др. Здесь важно обеспечить регистрацию преступлений, установить преступника и выстроить доказательную базу для привлечения виновного и признания жертвы потерпевшей.

К наиболее эффективным относятся меры защиты, во-первых, осуществление защиты потенциальных жертв, сохранности их имущества, например, путем создания силами УВД на Московском метрополитене, службы безопасности метрополитена, охранных предприятий условий, затрудняющих или исключающих совершение преступлений. Например, в г. Москве установлено в местах повышенной виктимности свыше 216 тыс. камер видеонаблюдения с выводом картинки в специальные ситуационные центры, имеющие связь со службами экстренного реагирования на правонарушения. Кроме того в Московском метрополитене видеонаблюдение установлено на всех объектах, где существует опасность правонарушений, в т.ч. метровагонах. Все станции оборудованы постами контроля доступа и досмотра пассажиров, колоннами экстренного вызова служб.

Во-вторых, недопущение преступного посягательства и причинения вреда уголовно-правовыми и оперативно-разыскными мерами (склонение к добровольному отказу от преступления, его пресечение, превышение пределов необходимой обороны);

В-третьих, содействие в охране имущества граждан и организаций путем установления технических средств, ограничения постоянного доступа в служебные и арендуемые помещения;

В-четвертых, привлечение к охране имущества, общественного порядка и предупреждения преступлений добровольных народных дружин, казачьих патрулей, активов общественных организа-

ций по месту жительства в соответствии с Федеральным законом от 02.04.2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка». Отметим, что привлечение ДНД к профилактике особо актуально в связи с оптимизацией штата полиции. В рядах Московской городской народной дружины более 22,4 тыс. человек в 125 районах и 21 поселениях города [2].

В-пятых, обеспечение безопасности граждан, в том числе и участников уголовного процесса (свидетеля, потерпевшего), если их жизни, здоровью или имуществу по имеющейся оперативной информации угрожает преступное посягательство. Данная мера предусмотрена Федеральным законодательством. В соответствии с приказом МВД России от 01.02.2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» в структуре МВД России для этих целей создано Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите с подразделениями на местах.

Следует отметить, что применение мер принуждения в виктимологической профилактике ограничено. Установление ограничений, привлечение к юридической ответственности, изъятие предметов или вещей возможно только на основании закона. Однако виктимологическая профилактика по своей сути воспитательное направление на лиц, склонных стать жертвой преступления, и ограничение в каких-то действиях и привлечение к ответственности необходимо и возможно только при самой высокой виктимности личности.

Возможно применение мер административного характера с двойной превенцией в целях изменения противоправного виктимного поведения (мелкое хулиганство, нарушение антиалкогольного законодательства, немедицинское потребление наркотиков, занятие проституцией, нарушение правил пользования оружием) для снижения виктимного поведения несовершеннолетних, привлечение к административной ответственности родителей, не исполняющих обязанности по воспитанию детей, должностных лиц, не выполняющих обязанности по обеспечению безопасности на объектах;

- ограничение или исключение возможности продолжения виктимологического поведения с помощью норм гражданского, семейного или административного права (лишение родительских прав, ограничение дееспособности, лишение права управлять автомобилем или иным транспортным средством);

- изъятие предметов и вещей, не допускаемых к нахождению в гражданском обороте, хранению, ношению и использованию без соответствующего разрешения или лицензии;

- принятие негласных методов оперативно-разыскной деятельности для отслеживания криминологической обстановки и замышляемых либо подготавливаемых преступлений, мер защиты потенциальных жертв преступлений, участников уголовного процесса.

- объявление в установленном порядке официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения (приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения»).

Таким образом, рассмотрев меры виктимологической профилактики, можем отметить, что они являются одним из наиболее гуманных и перспективных направлений воздействия на преступность, не требует больших материальных затрат и базируются на пробуждении у граждан стремления к избежанию конфликтных ситуаций, самозащите и обучению их этому процессу сотрудниками полиции.

Это осуществляется через различные меры, особенно консультативно-информационные. Специалисты создают и распространяют среди населения рекомендации и советы по методам и стратегиям предотвращения и пресечения преступлений, жертвами которых могут стать как частные лица (в большинстве случаев), так и организации [3, с.36].

Задачи по предупреждению преступлений решаются с федеральными и городскими государственными органами, общественными объединениями правоохранительной направленности, трудовыми коллективами и гражданами. Особое значение имеют при этом администрации организаций, сотрудники которых регулярно осуществляют взаимодействие между различными правоохранительными органами уголовной юстиции, территориальными органами внутренних дел, а также внутриведомственное взаимодействие отдельных специализированных подразделений.

В завершении следует подчеркнуть, что в последние годы в России накоплен и применяется определенный опыт в области виктимологической профилактики, при этом внедрены некоторые рекомендации из практики зарубежных правоохранительных орга-

нов в целях превентивной работы с потенциальными и реальными жертвами преступлений. Выпущены разнообразные брошюры и памятки для населения, которые используются в практической деятельности для усиления защиты граждан от противоправных действий. Профилактика преступлений представляет собой многоуровневую систему мер (государственных, общественных и специальных), направленных на выявление, исключение, ограничение, смягчение или нейтрализацию причин и условий преступности, а также отдельных видов и конкретных преступлений. Одним из перспективных направлений является интеграция виктимологической профилактики в данный процесс. Для этого необходимо преодолеть психологические барьеры, связанные с приверженностью сотрудников правоохранительных органов к этому аспекту борьбы с преступностью [4, с. 25; 5, с. 24].

Необходимо изменить и психологию граждан к более активной защите себя от возможных ситуаций стать жертвой преступления.

Важным направлением активизации виктимологической профилактики является ее организационно-методическое обеспечение, обучение всех участников быть бдительными, осторожными и внимательными при выборе вариантов поведения. Только комплексное решение может сделать виктимологическую профилактику эффективной.

Список литературы:

1. Страунинг Ю.А. К вопросу об экологической виктимности в мегаполисе // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 179-180.
2. Итоги работы Московской городской народной дружины за 2023 год. URL: <https://druzhina.mos.ru/presscenter/news/detail/12080814.html> (дата обращения: 20.05.2024 г.).
3. Герасимов С. И. Концептуальные основы и научно-практические проблемы предупреждения преступности: автореф. дис. ... док. юрид. наук. М., 2001. 54 с.
4. Насреддинова К. И. Виктимологическая профилактика насильственной преступности в исправительных учреждениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 28 с.
5. Окс Л. Е. Виктимологическая характеристика и профилактика корыстно-насильственной преступности в условиях мегаполиса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 32 с.

**Борьба органов внутренних дел с кражами из жилищ
в контексте реализации оперативно-розыскной политики**

Аннотация. В статье рассматривается комплексный анализ состояния борьбы органов внутренних дел Российской Федерации с кражами, совершенными с незаконным проникновением в жилище, выявлены имеющиеся в этой сфере правоохранительной деятельности проблемы и предложены меры, направленные на повышение её эффективности. Автор рассматривает вопрос взаимодействия следственно-оперативной группы на месте совершения преступления, а также что на первоначальном этапе раскрытия краж из жилищ важным значением является процесс сбора, обработки и использования информации о преступлении и предполагаемых преступниках. Рассматриваются действия сотрудников подразделений уголовного розыска до, во время и после осмотра места происшествия.

Ключевые слова: раскрытие краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище; анализ оперативной обстановки; оперативно-розыскные мероприятия; место происшествия.

Уголовная политика Российской Федерации реализуется практически во всех правоохраняемых сферах общественной жизни путём разработки, принятия и применения на практике соответствующих нормативных актов по отдельным её направлениям. Одним, и немаловажным направлением является обеспечение обозначенных в Конституции прав и свобод человека и гражданина, государственная безопасность, общественный порядок. Это направление реализуется на основе положений оперативно-розыскной политики, являющейся составным компонентом общей уголовной политики. Именно оперативно-розыскная политика формирует основные принципы и направления оперативно-розыскной деятель-

ности правоохранительных органов Российской Федерации, включая и органы внутренних дел.

Одним из направлений оперативно-розыскной деятельности является обеспечение неприкосновенности жилища граждан и предотвращение преступных посягательств на их имущество. Быть уверенным в завтрашнем дне, знать, что государство обеспечит сохранность твоего имущества – это важное условие для устойчивого существования и развития общества и уверенности гражданина в завтрашнем дне. Преступления, связанные с покушением на частную собственность Уголовный Кодекс Российской Федерации, относит к категории преступлений корыстной направленности [2]. Значительную их часть составляют кражи с незаконным проникновением в жилище. Совершаются они в условиях неочевидности и в этой связи их раскрытие требует привлечение значительных сил и средств, находящихся в распоряжении органа внутренних дел, использование которых строится на принципах и положениях, разработанных в рамках оперативно-розыскной политики и целого комплекса ведомственных и межведомственных актов распорядительного характера.

Об успехах и неудачах её реализации можно судить на основе анализа раскрываемости преступлений данного вида за последние шесть лет:

- по итогам 2018 года было зарегистрировано 52090 краж с проникновением в жилище, раскрываемость составила 50,8%
- по итогам 2019 года было зарегистрировано 45325 краж с проникновением в жилище, раскрываемость составила 49,8%;
- по итогам 2020 года было зарегистрировано 35067 краж с проникновением в жилище, раскрываемость составила 54,5%
- по итогам 2021 года было зарегистрировано 29403 краж с проникновением в жилище, раскрываемость составила 56,1%;
- по итогам 2022 года было зарегистрировано 27195 краж с проникновением в жилище, раскрываемость составила 57,5%;
- по итогам 2023 года было зарегистрировано 25525 краж с проникновением в жилище, раскрываемость составила 55,7%.

Из анализа статистики по зарегистрированным и раскрытым преступлениям можно сделать вывод, о том, что не смотря на повышение процента раскрываемости преступлений данного вида, связанный со значительным уменьшением преступлений такого вида, значительное их число остаются нераскрытыми. На крайне низком уровне, примерно в размере 7% остаётся процент возмещённого ущерба. И в этой связи в целом работу ОВД нельзя оценить как

однозначно положительно – начиная с 2018 года более 40% краж с проникновением в жилище остаются не раскрытыми.

Как было сказано выше, раскрытие краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище осуществляется коллективными усилиями при непосредственном руководстве и контроле со стороны руководства конкретного территориального органа внутренних дел. Эта функция руководителя начинается с организации работы на месте происшествия и представляет собой реализацию полного комплекса оперативно-розыскных мер и следственных действий, осуществляемых коллективно членами сформированной следственно-оперативной группой (далее – СОГ).

Необходимо отметить, что в дежурных частях многих территориальных ОВД имеются разработанные рекомендации по организации деятельности членов СОГ на месте преступления, которыми руководствуются члены дежурной группы.

Организация своевременного выезда на место происшествия СОГ и работа «по горячим следам» дает возможность на первоначальном этапе оперативно решать многие вопросы, возникающие в ходе выполнения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, так то: фиксация следов преступления в первые часы после обнаружения, установление примет подозреваемых, постановка на учёт похищенного и т.д. Кроме того, организация такой работы способствует оперативной и качественной проверке на месте многих версий, их процессуальное закрепление, проверку и оценку. И далее, согласованные действия членов СОГ способны значительно сократить сроки расследования.

Важнейшим условием успешного осмотра места происшествия является установление и опрос возможных очевидцев для выяснения, какие изменения, кем и с какой целью произведены на месте происшествия. Изучение обстановки места кражи с учетом других данных позволяет выдвинуть реальные версии о количественном составе преступников, определить откуда прибыли, куда скрылись после совершения преступления, определить и перекрыть места возможного сбыта похищенного.

Представляется, что объектом осмотра является не только само жилище, но и место проникновения в нее преступника (дверь, окно, балкон и т.д.), также места, где преступник мог прикоснуться к мебели (дверцы шкафа, стол и т.п.), остатки еды, бутылки, стаканы, выкуренные сигареты и иные доказательства его нахождения на месте преступления.

Очень важно до прибытия СОГ сохранить в неприкосновенности обстановку на месте происшествия, а также возможные следы

преступника. Квалифицированный осмотр в этом случае дает гораздо более ценные результаты, используемые затем и в качестве доказательств, и в качестве основы для разработки версий.

При осмотре устанавливают время, затраченное преступником на преодоление преград (взлом замков, запоров и т.п.), определяют возможные следы, которые могли остаться на теле преступника, его одежде в момент проникновения в жилище, соприкосновение с вещами и похищенными предметами. Необходимо тщательно изучить подходы к окнам, дверям помещения, обращая внимание на стройки, пустующие здания, различные склады, подвальные и чердачные помещения прилегающих зданий, парки, овраги и другие объекты, где преступник мог оставить следы или спрятать похищенное имущество.

На месте кражи преступник может оставить окурки, а также предметы личного обихода. Поэтому необходимо как можно быстрее установить, что похищено, составить максимально полное описание украденного, где необходимо зафиксировать все существенные признаки и индивидуальные особенности каждого предмета. Это важно, во-первых, для розыска пропавшей, во-вторых, для объективного опознания похищенной вещи.

Устанавливается также, кто последний запирает квартиру и в чьем присутствии.

Получив информацию, сотрудник уголовного розыска еще до окончания осмотра места происшествия:

- ориентирует через оперативного дежурного об обстоятельствах кражи, приметах преступников и похищенных вещей наружные службы;

- устанавливает свидетелей и очевидцев преступления, которым что-либо известно о случившемся;

- совместно с участковым проводят подворно-поквартирный обход в районе места происшествия, для получения имеющей значение информации, а также сбора сведений, для раскрытия преступления;

- обследует чердаки и подвалы зданий, прилегающую местность, места возможного укрытия преступников до или после совершения кражи с целью обнаружения их следов, спрятанных, потерянных или брошенных ими предметов, также следов использованных ими транспортных средств;

- информирует следователя о имеющих значение по делу данных, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Сотрудники уголовного розыска осуществляют комплекс мер по задержанию преступника в местах его возможного появления.

Первоначальный этап раскрытия квартирных краж с учетом периода времени, прошедшего с момента совершения преступления, предметов кражи и специфики поведения преступника может включать в себя проверку на причастность к совершению преступления состоящих на различных учетах в территориальном органе МВД России лиц. К такой категории можно отнести лиц, ранее судимых, лиц, употребляющих наркотические средства, злоупотребляющих спиртными напитками и т.д. [1]

Если розыскные меры не приведут к желаемым результатам, сотрудникам уголовного розыска и следователю целесообразно перед разработкой версий изучить все материалы, собранные в процессе осмотра места происшествия и полученные в ходе проведения первоначальных оперативно-розыскных мероприятий. Подобное взаимное ознакомление позволяет увидеть пробелы, обратить внимание на обстоятельства, исследование которых в процессуальном и оперативном плане может навести на след преступника и помочь его разоблачению.

В процессе раскрытия преступлений данного вида зачастую выявляются новые способы совершения преступлений, недостатки в организации взаимодействия служб и подразделений органов внутренних дел, задействованных в раскрытии преступлений, несовершенство или отсутствие нормативных актов, призванных улучшить работу в этом направлении. Предложения по их разработке способны усовершенствовать соответствующие позиции оперативно-розыскной политике.

Список литературы:

1. *Моисеев Н.А., Новоселов Н.Г.* О некоторых первоначальных оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии краж из квартир граждан // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 2. С. 43.
2. *Морозов А.В., Поздняков А.Н.* Современное состояние борьбы с квартирными кражами в России, совершенными членами организованных преступных структур// Закон и право. 2020. № 8. С. 136-141.
3. *Поздняков А.Н.* Теория оперативно-розыскной деятельности и частные (специальные) теории// Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55). С. 57-64.

Небогатикова Екатерина Ивановна,
адъюнкт 3-го факультета,
Академия управления МВД России
E-mail: swesda_1@mail.ru

УДК 343.98.06

Методы прогнозирования преступности натурализованных граждан

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме криминологии-«криминологическому прогнозированию». В ней рассматриваются основные методы, применяемые для анализа и прогнозирования тенденций преступности, их актуальность и значимость для правоохранительных органов. Целью работы является анализ существующих методов, определение потенциальных направлений для дальнейших исследований в области криминологического прогнозирования.

Ключевые слова: криминологическое прогнозирование; методы прогнозирования; тенденции преступности; систематизация методов; актуальность; социальные изменения; общественная безопасность; правоприменение.

Количество принятых в гражданство Российской Федерации в 2023 году снизилось, однако наблюдается рост количества преступлений, совершенных данными лицами с 3041 в 2022 г. до 12427 в 2023 г. При этом отмечается рост особо тяжких преступлений, совершенных натурализованными гражданами (+437,5 %; всего: 817), что составляет 15,2 % от всех рассматриваемых преступлений. В структуре преступности натурализованных граждан преобладают преступления против собственности (40,18%; всего: 4993) и против жизни и здоровья (11,3 %; всего: 1406).

Личность «натурализованного гражданина» имеет свои криминологические особенности, которые необходимо учитывать правоохранительным органам при составлении прогноза преступности данной категории лиц. Прогнозирование преступности «натурализованных граждан» не только обеспечивает предвидение потенциальных угроз общественной безопасности, но и позволяет оптими-

зировать ресурсы в борьбе с преступностью. В современном мире, когда социокультурные, экономические и политические изменения происходят с невероятной скоростью, преступность, как отражение этих изменений в социуме, продолжает активно эволюционировать. Это делает актуальной задачу криминологического прогнозирования – инструментом для понимания будущих тенденций в преступности, что в свою очередь помогает принимать эффективные решения в области правоприменения и социальной политики. Несмотря на значимость криминологического прогнозирования, в научной литературе до сих пор не существует унифицированного подхода к классификации методов данного прогнозирования. Эта неопределенность может затруднить эффективное применение криминологических методов и исследований в практике.

Г.А. Аванесов считал, что метод криминологического прогнозирования это определённая система правил и методических приемов, которые используются для получения прогностических выводов относительно будущих тенденций преступности и науки криминологии [2].

Прогнозирование в процессе борьбы с преступностью «натурализованных граждан» в частности осуществляется путем применения методов, обеспечивающих процесс познания тенденций и закономерностей развития преступности. Еще в советские годы ученые того времени насчитывали более 150 методов, применяемых в социального прогнозирования. Преступность не стоит на месте, она находится в тесной взаимосвязи с различными факторами социальной среды, а следовательно постоянно трансформируется под влиянием данных факторов. При криминологическом прогнозировании необходимо обуславливать выбор применения того или иного метода в криминологическом прогнозировании в зависимости от широты охвата прогнозируемого явления или процесса, временного промежутка прогноза и пр.

В настоящее время в криминологической литературе нет точного перечня методов, непосредственно применяемых при прогнозировании. Одни ученые делают акцент на одних методах, другие – на других, но все они в целом выделяют те методы, с помощью которых анализируются полученные данные, оказывающие непосредственное влияние на преступность. При этом при классификации данных методов большинство криминологов чаще всего используют деление на общенаучные и специальные методы.

К основным общенаучным методам относят умозрительное мышление в процессе криминологического прогнозирования, метод выдвижения гипотез, метод наблюдения, метод сравнения, социальный эксперимент.

Благодаря методу умозрительного мышления, применяемого при криминологическом прогнозировании, высказывается предположение о результатах борьбы с преступностью, их возможные тенденции и развитие, которые в будущем обязательно получат свое логическое подтверждение. При этом прогнозист данные суждения строит не только на основе умозрительного умозаключения, но и обязательно используя логическое рассуждение. Цель хорошего аналитика состоит в выявлении нечего недоступного на «первый» взгляд в исследуемом процессе или явлении. Некоторые ученые в области криминологии такое прогнозирование называют «аналитическим предвидением» [1]. Данный процесс строиться на «дроблении» целого на части и последующем вычленении схожих характеристик с чем-то хорошо известным, закреплённым в соответствующей теории. Равенство ранее неизвестного и реально закреплённого в настоящем дает основание делать вывод о достоверности предсказанного.

Подготовка направляющей научной идеи о будущем, требующей дальнейшей проверки является первоначальным этапом прогнозирования, что подтверждает тесную взаимосвязь гипотезы и прогноза. Правильно сформулированная гипотеза - залог точного криминологического прогнозирования, находящего логического подтверждения в будущем. В процессе проведения анализа собранного материала первоначальные гипотезы могут подвергаться изменению или замене другими гипотезами. В данном случае можно говорить о таком понятии как «исчезающая» гипотеза, которая в своем роде также выполняет важную роль. Еще М. Л. Башин в своих трудах писал, что обоснованный прогноз - результат необоснованных гипотез [4].

В следствии того, что криминологическое прогнозирование является научным предсказание будущего, то и все его заключения должны также строиться на научно доказанных фактах, что полностью противоположно характеристикам понятия гипотезы. В контексте криминологического прогнозирования, гипотеза выполняет роль лишь направления, которому должен ориентироваться аналитик при достижении поставленных перед собой целей. В процессе криминологического прогнозирования еще Г. А. Аванесов считал, что необходимо использовать так называемые гипотезы прогнозирующего типа [2], так как на первоначальном этапе прогнозирования необходимо предсказать исход события, опираясь на факторы оказывающие непосредственное влияние на данный процесс.

Метод наблюдения в криминологическом прогнозировании определяется как конкретное осознание и учет актуальных кримино-

логических и экономических взглядов о явлениях, процессах и закономерностях и проявляется через определенную группу эмпирических методов, к которым относят анкетирование, интервьюирование, сбор материалов об изучаемом объекте, экспертный опрос и др.

В настоящее время данный метод занимает центральное место, так как благодаря ему усовершенствуется и реформируется представление о прогнозируемых объектах и актуализируются модели прогнозов.

Метод сравнения в криминологическом прогнозировании многие ученые отождествляют с методом аналогии [1], который использовался еще в далеком прошлом. Но приобрел свою значимость только в условиях современности.

Аналогия с действующими процессами и явлениями способствует формированию более детальному прогнозу. К использованию данного метода в криминологическом прогнозировании надо подходить с осторожностью, так как его применение возможно только при наличии определенного уровня знаний о динамике преступности и ее основных характеристик, как в настоящем так и в прошлом, но применение данных изменений прошлого и настоящего нельзя инстинктивно экстраполировать на будущее. Следует помнить, что если даже преступность имеет свойство цикличности, то причины и условия ей способствующие всегда различны.

В криминологическом прогнозировании применяются эксперименты при возникновении факта недопустимости научного обоснования каких-либо конкретных закономерностей прогнозируемого процесса иными методами. Эксперимент принимает участие в криминологическом прогнозировании с двух сторон, как метод проверки итоговых прогнозов и как механизм поиска эффективных средств на основе выработанных прогнозов, применяемых в будущем органами в борьбе с преступностью.

В процессе применения метода эксперимента происходит накопление конкретных фактов, на основе которых происходит дальнейшее формирование прогностических выводов и эффективных предложений в план по организации борьбы с преступностью.

Положительная характеристика эксперимента в криминологическом прогнозировании заключается в том, что он является неотъемлемым элементом самой практики, так как эксперимент детерминирован требованиями практики и самого познания наиболее результативных средств и методов предупреждения преступлений в будущем.

Одним из видов эксперимента в криминологическом прогнозировании является испытание заранее построенной прогностической модели, характеризующей признаки преступности будущего пери-

ода времени, а также факторах влияющей на неё. В процессе такого эксперимента представляет возможность апробировать способы прогнозирования, определить соответствует ли ожиданиям выдвинутая гипотеза.

В криминологическом прогнозировании общенаучные методы применяются в тесной взаимосвязи с частно-научными, или как еще называют специальными. Наиболее распространенными специальными методами, согласно криминалистической литературе, считаются метод экстраполяции, метод экспертных оценок и моделирование.

Экстраполяция является исходным материалом прогноза любой сферы деятельности общества. В криминологическом прогнозировании экстраполяция заключается в освоении распространенной в минувшем и настоящем сбалансированное развитие процессов и явлений и трансформации их на будущее. При этом обязательно учитывается временной экстраполяционный промежуток, который не может превышать промежуток изучаемого периода, а так же и факт эффективности применения экстраполяции только на сравнительно короткие сроки.

Прогнозирование на основе экстраполяции выявляет показатели изменения преступности в будущем при соблюдении фактора сохранения основных причин, направлений и закономерностей преступности в ожидающем будущем [1]. На стыке условий осваиваемого события в прошлом, настоящем и будущем зарождается гипотеза предвидения. Это свидетельствует о том, что изменения и закономерности, которые подлежат экстраполяции, должны фиксировать наиболее важные, наиболее решающие особенности развития преступности в прошлом и настоящем.

Для достижения желаемого результата от применения метода экстраполяции его необходимо использовать в совокупности с иными методами криминологического прогнозирования.

Метод экспертных оценок состоит в формировании суждений о возможных изменениях преступности в будущем, собранных в процессе опроса специалистов с большим опытом и знаниями в области борьбы с преступностью. Чем больше будет учтено мнений разных специалистов, тем качественнее будет сам прогноз. Опрос специалистов можно проводить разными способами: устно, письменно, очно, заочно и т.д. Самым распространенным в настоящее время среди исследователей считается метод Дельфи, характеризующийся своей систематичностью и последовательностью действий. На его основе формируются предположения о возможных тенденциях и изменениях в преступности, основываясь на мнениях и знаниях профессионалов в данной области. Метод был разрабо-

тан в 1950-1960-х годах в США и первоначально использовался для прогнозирования научно-технического прогресса. Он основан на многократном опросе группы экспертов. В процессе исследования участники высказывают свои мнения относительно рассматриваемой проблемы, а затем знакомятся с мнениями других участников опроса. Что позволяет уточнять и корректировать оценки. Ключевое преимущество метода Дельфи заключается в том, что эксперты остаются анонимными по отношению друг к другу (это исключает влияние авторитета отдельных участников на мнение группы). Применительно к криминологическому прогнозированию данный метод позволяет обеспечить объективность и непредвзятость экспертных оценок. При этом его применение помогает учесть сложные социальные, экономические и психологические факторы, влияющие на динамику преступности.

Если отправной точкой любого прогноза считать экстраполяцию, то прогностическая модель будет ее финишем. В процессе создания модели преступности отражаются его значимые стороны и свойства в зависимости от непосредственного влияния различных факторов. Если аналитик не обладает достаточными знаниями факторов преступности и механизма их действия, то окончательный вариант модели не будет эффективным.

Моделирование в криминологическом прогнозировании имеет определенную последовательность. На первом этапе при построении модели необходимо ответить на вопрос: «Что прогнозируется? С какой целью?», затем необходимо перейти к определению целевых установок и на их основе перейти к сбору необходимой информации. Следующим этапом построения модели считается выделение основных источников, оказывающих непосредственное влияние на изменение изучаемого события или явления. На основе анализа полученных данных строится модель преступности, которую необходимо подвергнуть «испытаниям», в ходе которого будет получен криминологический прогноз [5].

В органах внутренних дел с помощью вышеперечисленных методов реализуется криминологический прогноз, который предшествует составлению планов борьбы с преступностью. Планирование борьбы с преступностью является сложным процессом, требующим от исполнителя наличия опыта и знаний в области науки управления, а также обладанием криминологического мышления [6].

Криминологическое мышление требует:

- наличие качественного профессионального (как правило, юридического и управленческого) образования или иной специальной подготовки;

- наличие определенного объема профессионального опыта;
- понимание закономерностей процессов преступности как социального феномена, а также причин ее возникновения и изменений;
- понимания объективной оценки и учета особенностей общей социальной ситуации и конкретной криминогенной и оперативной обстановки в регионе, стране;
- умения предвидеть развитие криминальных процессов и влияние на этот процесс различных факторов (прогностическое мышление);
- наличие необходимой и достаточной исходной информации;
- понимания необходимых мер, которые могут реально помочь решению существующих криминологических проблем и т.д. [3]

Криминологическое мышление представляет собой инструмент, делающий возможным прогнозирование развития преступности, и соответственно определение необходимых мер воздействия на нее.

В настоящее время довольно проблематично найти аналитика и руководителя, обладающего вышеперечисленными навыками. Органы внутренних дел нуждаются в квалифицированных специалистах, способных проводить полный анализ криминальной, социальной и оперативной обстановки, на основании которого выстраивать прогнозы и предлагать необходимые мероприятия.

Решение данной проблемы может заключаться в создании рабочих групп специалистов, которые могут обладать определёнными частичными знаниями в области прогнозирования и планирования, но объединенных общей целью - составление прогноза преступности «натурализованных граждан» и выработке на его основе эффективных профилактических мероприятий. В данную группу специалистов необходимо включить сотрудников ВУЗов, что будет способствовать обмену знаниями между практикующими специалистами ОВД и учеными в области криминологического прогнозирования, а также необходимо пересмотреть формы статистической отчетности в сторону увеличения необходимой информации по преступности «натурализованных граждан».

Список литературы:

1. Аванесов Г.А. Криминология прогнозика управление: учебное пособие. Типография издательства ЦК КП Армении, г. Ереван, 1975
2. Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования: учебное пособие. Москва : Издательство «Юридическая литература», 1972
3. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.. Криминологическое мышление в контексте интеллектуального обеспечения уголовной политики // Журнал российского права, №. 8, 2013
4. Башин М.Л. Прогнозирование научно-технического прогресса, «Московский рабочий», 1970
5. Демидов В.Н., Сафиуллин Н.Х. Криминологическое прогнозирование: современное состояние и перспективы: учеб.пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2000. 90с
6. Небогатикова Е. И. Планирование предупреждения преступлений / Е. И. Небогатикова // Сборник научных статей по итогам Недели российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя : Сборник научных трудов, Рязань, 01–08 февраля 2023 года. – Рязань: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2023. С. 417-420.

Мотивация преступного поведения коллекторов

Аннотация. Автором рассматриваются детерминанты совершения преступлений сотрудниками коллекторских агентств и финансово-кредитных организаций, предусмотренных за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц. Раскрываются мотивы совершения противоправных действий коллекторами в отношении граждан, имеющих просроченную задолженность. Представлена классификация факторов, влияющих на мотивацию преступного поведения коллекторов.

Ключевые слова: мотив; мотивация; коллекторская деятельность; коллектор; возврат просроченной задолженности физических лиц.

На современном этапе развития финансово-кредитных отношений между гражданами России и организациями банковской сферы, выдающих кредитные продукты физическим лицам, сложилась тенденция увеличения закредитованности населения. Так, по официальным опубликованным данным Банка России количество граждан, имеющих кредитные продукты, по состоянию на 2023 г., достигло 50 млн, что составляет более трети от общего населения страны. Из них более 14,5 миллионов (28,5%) граждан имеют просроченную задолженность перед банками и другими кредитными организациями.

В большинстве случаев после неуплаты ежемесячных платежей более 90 дней организации, выдающие кредиты, обращаются к услугам профессиональных взыскателей долговых обязательств – коллекторским агентствам. На практике чаще всего взаимодействие банков и иных кредитных организаций с коллекторами происходит в виде заключения агентского договора или договора цессии. Особенностью применения агентского договора является то, что коллекторская кампания оказывает услугу по взысканию просроченной задолженности за вознаграждение, выражающееся в выплате процентов, полученных

от суммы долга. Но стоит отметить, что в качестве более предпочтительной формы сотрудничества является заключение договора цессии. Цессия – это уступка права требования.

Согласно ст. 382 Гражданского кодекса Российской Федерации право, которое принадлежит кредитору на основании обязательства, может быть им передано третьему лицу по сделке или перейти к другому лицу на основании закона. Следует отметить, что переход указанных прав кредитора к третьему лицу не требует согласия гражданина, если иное не предусмотрено договором или нормативно-правовым актом. Заключив договор цессии коллекторские агентства получают всю имеющуюся у финансово-кредитной организации информацию о заемщике.

С введением в действие Федерального закона от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (далее – ФЗ № 230) законодатель в первую очередь постарался четко определить порядок взаимодействия сотрудников коллекторских организаций и граждан, являющихся заемщиками с просроченной задолженностью. Вопрос урегулирования взаимоотношений коснулся форм общения (личные встречи, телефонные переговоры, почтовые или SMS-сообщения), его временных рамок (разрешено взаимодействие с 8.00 до 22.00 в будни и с 9.00 до 22.00 в выходные и праздничные дни, в свою очередь звонки и личные встречи в ночное время категорически запрещены), а также количества проявлений форм общения между должниками и сотрудниками коллекторских агентств (личные встречи не более одного раза в неделю, звонки не чаще двух раз в неделю и восьми раз в месяц, количество телефонных SMS-сообщений не должно превышать двух – в сутки, четырех – в неделю, шестнадцати – в месяц). Также следует отметить, что ФЗ № 230 запрещает использование скрытых телефонных номеров. Переговоры по телефону, а также отправка сообщений возможна только с абонентских номеров, которые зарегистрированы на коллекторскую организацию или кредитора.

Необходимо подчеркнуть, что законодатель запретил кредитору или представителю кредитора использовать действия, связанные с применением физической силы, угрозой убийством или причинения вреда здоровью, повреждением или уничтожением имущества, оказанием психологического давления, введением должника в заблуждение, использованием выражений, унижающих честь и достоинство должника.

Однако, коллекторские агентства не всегда следуют установленному законодательному порядку взаимодействия с должниками. Порой, они переступают существующие правовые нормы в целях эффективного извлечения денежных средств у физических лиц, имеющих просроченные задолженности.

До 2023 г. не существовало определенного уголовно-правового запрета, направленного на предупреждение и пресечение деятельности, выходящей за рамки закона, по возврату просроченной задолженности физических лиц. Отсутствие такого запрета позволяло коллекторским организациям без особых препятствий, путем угроз, оказания психологического давления, применения физической силы добиваться получения денежных средств должника.

В июле 2023 г. в уголовный кодекс Российской Федерации была введена в действие новая статья – 172.4 УК РФ «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц», направленная на охрану общественных отношений (в частности, интересов должника) в сфере экономической деятельности (финансово-кредитных отношений).

Так, согласно статистике ГИАЦ МВД РФ с июля по декабрь 2023 г. было зарегистрировано 25 преступлений, 14 из которых были приостановлены по п.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в связи с тем, что не было установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого. Также отметим, что за первое полугодие 2024 г. было зарегистрировано уже 76 преступлений по этой же статье и за данный период приостановлено 65 уголовных дел по таким же основаниям, указанным выше. Как мы видим из представленной статистики рост зарегистрированных преступлений составил более 300%. Считаем необходимым подчеркнуть, что ни одно возбуждённое уголовное дело не было направлено в суд несмотря на то, что статья введена в уголовный закон год назад. Это в свою очередь создает препятствия в предупреждении данного вида преступлений.

Так кто же является субъектом преступления рассматриваемой статьи? Согласно диспозиции статьи субъектом преступления может быть:

1. Лицо, действующее от имени организации-кредитора;
2. Лицо, действующее в интересах организации-кредитора;
3. Работники организации-кредитора;
4. Лицо, которому переданы права кредитора в рамках договора цессии;
5. Лицо, которое действует от имени или в интересах лица, которому переданы права требования возврата просроченной задолженности.

Однако, действие каждого конкретного уголовно-правового запрета непосредственно связано с действием федерального закона либо закона, касающегося исследуемой сферы. Так, согласно ФЗ № 230 субъектом такой деятельности является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста совершеннолетия и не имеющего неснятую или непогашенную судимость за умышленные преступления: против личности, в сфере экономики, против государственной власти, против общественной безопасности и общественного порядка, против мира и безопасности человечества.

Другими словами, субъект данного вида преступления – физическое лицо, которое осуществляет взаимодействие с должником с целью возврата просроченной задолженности от имени и в интересах другого юридического или физического лица.

В статье 172.4 УК РФ законодатель четко указал за какие действия будет нести уголовную ответственность субъект преступления. Согласно диспозиции рассматриваемой статьи эти действия должны быть в обязательном порядке направлены на возврат просроченной задолженности и сопряжены с угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения имущества, а равно с угрозой распространения либо распространением заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких, а также с применением насилия неопасного и опасного для жизни и здоровья потерпевшего или его близких, уничтожением и повреждением имущества.

На наш взгляд, детально охарактеризовать личность преступника – коллектора на данном этапе не представляется возможным в виду отсутствия уголовных дел, направленных с обвинительным заключением (обвинительным актом) и соответственно отсутствием судебной практики по ст. 172.4 УК РФ.

Однако, до введения указанной выше статьи незаконные действия коллекторов квалифицировали по другим смежным статьям УК РФ, таких как: ст. 119 УК РФ – угроза убийства или причинения тяжкого вреда здоровью; ст. 128.1 УК РФ – клевета; ст. 137 УК РФ – нарушение принципа неприкосновенности частной жизни; ст. 139 УК РФ – нарушение неприкосновенности жилища; ст. 163 УК РФ – вымогательство; ст. 330 УК РФ – самоуправство. Следует отметить, что лица, осуществляющие возврат просроченной задолженности, имеют только одну цель – получить прибыль.

«Мотив определяет поведение не сам по себе, а только в соответствии с целью, в связи с теми результатами, к достижению которых стремится лицо, совершая то или иное действие» [1, с. 109]. Для получения прибыли необходимо замотивировать, либо вынудить

должника погасить задолженность. Исходя из этого можно, с уверенностью, утверждать, что основным мотивом, детерминирующим поведение коллекторов, является корысть.

Согласно позиции профессора Г. А. Аванесова – мотивы составляют ядро личности человека [1, с. 109]. Следует согласиться с приведенным положением, поскольку, в частности, основным мотивом преступного поведения коллекторов, направленное на принудительное и противоправное извлечение задолженности со стороны потерпевшего, является получение денежного вознаграждения (прибыли) по результатам реализации такой деятельности.

Как отмечает в своих трудах профессор Г. А. Аванесов «Необходимо всегда помнить, что в исследованиях потребностей, мотивации и мотивов внимание должно быть сконцентрировано на индивидуальной основе. Мотивация и мотивы всегда обусловлены потребностями человека» [2, с. 36].

Следовательно, если рассматривать соотношение понятий «мотив» и «мотивация», необходимо выстроить цепочку их взаимосвязи между собой. Мотивы совершения преступления чаще всего определяются некой целью, т.е. конечному желанному результату, к достижению которого своими действиями стремится преступник. Как мы уже отмечали ранее, основным мотивом совершения противоправных действий в отношении лиц, имеющих просроченную задолженность, является корысть – жажда наживы и обогащения. В свою очередь эта потребность личного финансового благополучия побуждает и мотивирует преступника на более «эффективную» коллекторскую деятельность путем совершения незаконных действий, выражающихся в угрозах и применении насилия, повреждении и уничтожении имущества и т.д.

В результате изучения данного вопроса был получен материал, анализ которого позволил заключить, что мотивация преступного поведения коллекторов, осуществляющих незаконную деятельность по возврату просроченных задолженностей вызвана несколькими факторами, которые можно классифицировать по следующим основаниям:

1) Финансово-экономические: получение реального долга со стороны должника в пользу коллекторского агентства либо финансово-кредитной организации; получения дополнительной прибыли, не входящей в предмет долговых обязательств по договору, коллектором лично; поддержание собственного финансового благополучия или, другими словами, личного обогащения за счет получения вознаграждения за «реализацию должника»; удовлетворение первоочередных жизненно-важных нужд, в виду слабой материальной обеспеченности.

2) Личностно-ориентированные: восстановление справедливости (получил деньги в долг, взял на себя обязательство их вернуть с процентами и в определенный кредитным договором срок, однако получив денежные средства и потратив их на свое усмотрение уклоняется от уплаты этого долга); отсутствие или недостаточность самоконтроля.

3) Социальные: самоутверждение; чувство превосходства над должником; продвижение по карьерной лестнице; признание его профессионализма, повышения авторитета среди коллег по работе.

4) Садистские: получение удовлетворения от возможности и реального причинения физического, психологического, морально-го ущерба должнику (умышленное причинение телесных повреждений, психического (морального) ущерба потерпевшему).

Список литературы:

1. Антонян, Ю. М. Криминология : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Ю. М. Антонян, Г. В. Дашков, В. Н. Кудрявцев ; под редакцией: В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. Издание 3-е, переработанное и дополненное. Москва : Юристъ, 2004. 734 с.

2. Аванесов, Г. А. 10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки и криминологии : монография : научная специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология ; уголовно-исполнительное право» / Г. А. Аванесов ; Г. А. Аванесов. – Москва : ЮНИТИ, 2012.

Носова Ольга Владимировна,
заместитель начальника штаба
ГУ МВД России по Иркутской области;
адъюнкт,
Академия управления МВД России
E-mail: nosova.olga.2017@mail.ru

УДК 343.07

Актуальные вопросы в организации антинаркотической деятельности на региональном уровне

Аннотация. В статье представлены результаты анкетирования специалистов, осуществляющих антинаркотическую деятельность. Цель опроса заключалась в выявлении и анализе проблемных вопросов, с которыми сталкиваются специалисты при организации антинаркотической деятельности на региональном уровне, а также в получении предложений по её совершенствованию. При проведении анализа результатов анкетирования установлены возникающие трудности в организации этой работы: загруженность специалистов иными функциональными обязанностями, отсутствие инициативы и заинтересованности, недостатки в организации информационно-аналитического обеспечения и ряд других. Среди наиболее востребованных форм взаимодействия субъектов антинаркотической деятельности отмечены заседания антинаркотических комиссий и ежегодный мониторинг наркоситуации. На основе полученных сведений сформулированы предложения по совершенствованию антинаркотической деятельности.

Ключевые слова: анкетирование; антинаркотическая деятельность; взаимодействие; мониторинг наркоситуации; органы внутренних дел; антинаркотическая комиссия.

Проблематика организации антинаркотической работы на региональном уровне многообразна. Широкий спектр актуальных на сегодняшний день вопросов обусловлен объёмным содержанием этой деятельности и на протяжении многих лет находится в поле зрения исследователей.

Авторы, как правило, рассматривают отдельные направления: профилактический или правоохранительный блоки. Наряду с этим

имеется необходимость в обобщении и разработке мер по решению общих комплексных проблем, связанных с организацией взаимодействия субъектов этой деятельности и разработкой новых более прогрессивных форм совместной антинаркотической работы, в первую очередь, на региональном уровне.

Исходя из понятия «антинаркотической деятельности», определённого в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года¹, её непосредственными участниками являются федеральные и региональные органы государственной власти Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также негосударственные организации.

Так, например, только в проведении ежегодного мониторинга наркоситуации участвуют 10 федеральных органов исполнительной власти, а также их территориальные подразделения в субъектах Российской Федерации, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации и его территориальные подразделения, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации².

В состав Государственного антинаркотического комитета входят представители законодательной власти (Заместители Председателей Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации), начальник Контрольного управления Президента Российской Федерации, Заместитель Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации и 27 руководителей различных министерств и ведомств³. На региональном уровне в состав антинаркотической комиссии кроме 10 обязательных представителей по решению председателя комиссии в субъекте могут включаться иные должностные лица.

Очевидно, что значительное число субъектов антинаркотической работы уже само по себе требует чёткой нормативной регламентации их функций и полномочий как в рамках своей области, так и при взаимодействии друг с другом. Дополнительные труд-

¹ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 (ред. от 29.03.2023) // СПС КонсультантПлюс (27.06.2024).

² Об утверждении Положения о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации: Постановление Правительства Рос. Федерации от 20.06.2011 № 485 (ред. от 15.03.2021) // СПС КонсультантПлюс.

³ О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров" (вместе с «Положением о Государственном антинаркотическом комитете», «Положением об антинаркотической комиссии в субъекте Российской Федерации»): Указ Президента РФ от 18.10.2007 № 1374 (ред. от 31.10.2022). СПС КонсультантПлюс (27.06.2024).

ности могут возникать в связи с их различным правовым статусом и особенностями нормативного регулирования одних и тех же вопросов в разных ведомствах.

К сожалению, на практике не всегда удаётся обеспечить комплексный подход в организации антинаркотической работы, сложно объединить все заинтересованные ведомства единой целью и в полной мере использовать их возможности для её достижения. Для более детального исследования проблем, возникающих на региональном уровне, было проведено анкетирование специалистов в области антинаркотической деятельности.

Опрос проводился в ходе работы II Всероссийского Байкальского форума профилактических проектов и лучших практик в сфере сохранения психологического здоровья молодежи, профилактики наркомании и других социально-негативных явлений в молодежной среде в мае 2024 года [1]. В анкетировании приняли участие 32 специалиста из 25 регионов Российской Федерации. Аудитория опрашиваемых состояла из сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков органов внутренних дел, секретарей антинаркотических комиссий на региональном и муниципальном уровнях, работников организаций здравоохранения в сфере наркологии, представителей общественных организаций, осуществляющих антинаркотическую деятельность.

Анкета была разработана таким образом, чтобы респонденты могли анонимно и объективно предоставить свою оценку и видение ситуации, что позволило получить ценные инсайты для анализа текущего состояния и разработки рекомендаций.

Цель анкетирования заключалась в выявлении и анализе основных трудностей, с которыми сталкиваются специалисты при организации антинаркотической деятельности на региональном уровне, а также в получении предложений по её совершенствованию.

Анкета содержит несколько блоков и охватывает различные аспекты деятельности специалистов в области антинаркотической работы:

1. Общие сведения о респонденте: время работы в сфере антинаркотической деятельности; место работы (органы внутренних дел, исполнительная власть, муниципалитет и т.д.); наличие опыта работы в правоохранительных органах; должностные обязанности и их связь с антинаркотической деятельностью.

2. Основные сложности в антинаркотической работе: оценка различных проблем (недостаточное внимание, загруженность, нехватка методических материалов, и т.д.) по шкале от 1 до 4; возможность добавления своих вариантов ответов.

3. Эффективные формы антинаркотической работы: оценка различных форм (заседания антинаркотической комиссии, рабочие группы, информационный обмен и т.д.) по шкале от 1 до 4.

4. Трудности при подготовке заседаний антинаркотических комиссий: на уровне субъекта РФ и муниципального образования (недостаток инициативы, нехватка информации, неявка членов и т.д.) по шкале от 1 до 7.

5. Использование ежегодного доклада о наркоситуации: частота использования доклада в работе; трудности при подготовке ежегодного мониторинга (сбор информации, анализ большого объема данных, нехватка времени и т.д.).

6. Необходимость совершенствования информационно-аналитического обеспечения: оценка необходимости совершенствования технического и нормативно-правового обеспечения; необходимость создания межведомственного информационного ресурса.

7. Прогноз наркоситуации: способы прогнозирования наркоситуации (экспертные прогнозы, математические методы и т.д.).

8. Рекомендации респондентов по улучшению антинаркотической работы: открытый вопрос: «Что на Ваш взгляд нужно усовершенствовать в антинаркотической деятельности?».

Результаты анкетирования специалистов антинаркотической деятельности показали наличие ряда проблем, которые требуют внимания и решения.

Рассмотрим более подробно полученные сведения.

Среди респондентов 33% имели стаж работы в антинаркотической сфере до 5 лет, 30% - от 5 до 10 лет, 20% - от 10 до 20 лет, 17% – более 20 лет (рис.1).

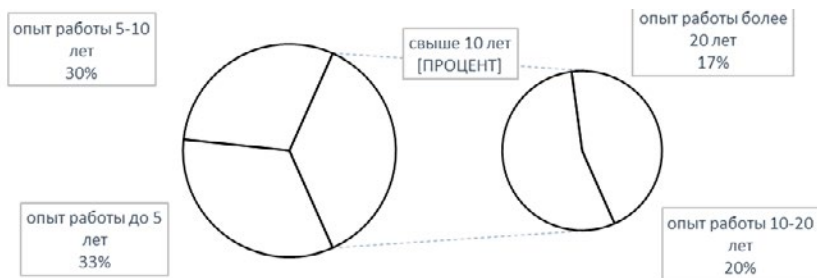

Рис. 1. Профиль респондентов

В органах внутренних дел работают 20%, в региональных органах государственной власти и органах местного самоуправ-

ления (основная аудитория респондентов состояла из секретарей антинаркотических комиссий на региональном и муниципальном уровнях субъектов РФ) - 40% и 23% соответственно, остальные 17% являлись работниками органов здравоохранения, общественных и иных некоммерческих организаций, осуществляющих антинаркотическую работу (рис. 2). Более половины всех участников анкетирования имеют опыт работы в правоохранительных органах (53%).

Таким образом, основную аудиторию анкетлируемых составили специалисты регионального уровня, имеющие значительный опыт работы в антинаркотической сфере, в том числе и в правоохранительных органах.

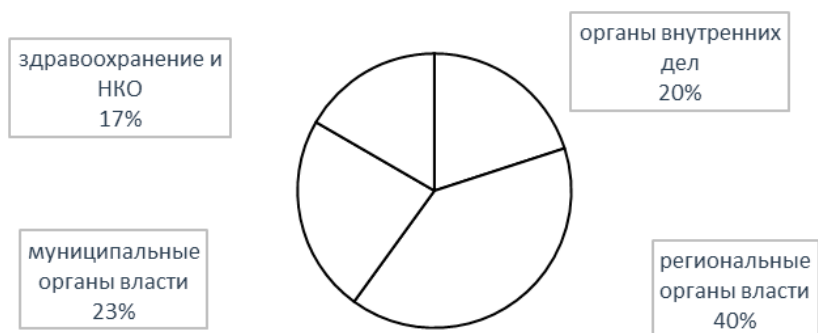

Рис. 2. Место работы респондентов

Следует отметить, что только 19% опрошенных выполняют должностные обязанности исключительно в области антинаркотической деятельности, у 26% респондентов антинаркотическая деятельность входит в их основные обязанности, тем не менее они выполняют иные функции, у остальных 55% антинаркотическая работа входит в перечень их должностных обязанностей наряду с иным функционалом (рис. 3).

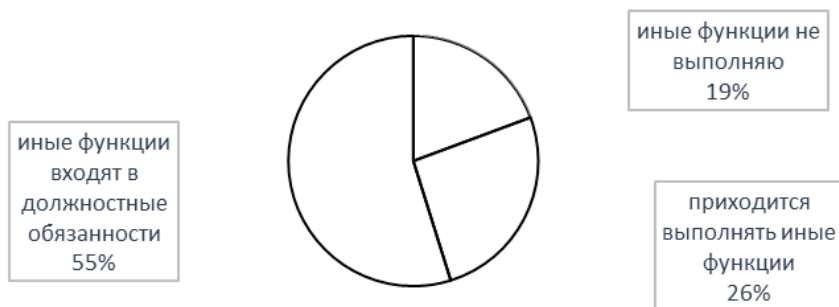

Рис. 3. Функционал респондентов

Анкетирование показало, что среди имеющихся трудностей чаще всего отмечают отсутствие заинтересованности и инициативы со стороны взаимодействующих ведомств, 33% специалистов поставили эти проблемы на первое место. На втором месте загруженность иными функциональными обязанностями (23%), на третьем – недостаточное внимание руководства к этой теме (13%), на четвертом – недостаточное количество методических разработок и рекомендаций в антинаркотической сфере деятельности (10%) (рис.4)

Кроме предусмотренных в анкете, респонденты в числе иных сложностей в работе указали: частую смену кадров, несовершенство законодательства в части наделения полномочиями органы местного самоуправления, а также в части распределения функционала министерств органов исполнительной власти на региональном уровне, недостатки в нормативном регулировании обмена информацией между ведомствами, отсутствие финансирования.

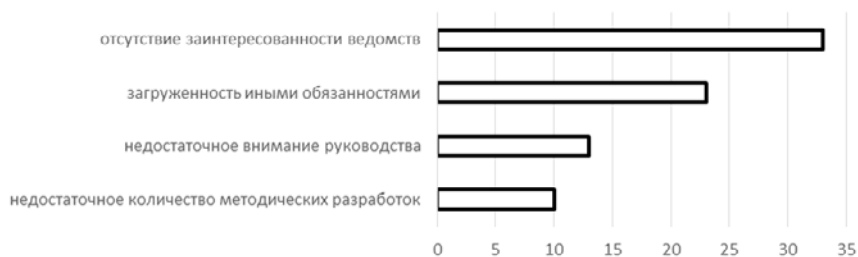

Рис. 4. Трудности в работе

\Анализ полученных сведений позволяет сделать вывод, что большинство опрошенных сотрудников занимаются антинаркотической деятельностью в совокупности с другими обязанностями и у половины из них это вызывает трудности в работе.

Вместе с нехваткой заинтересованности и инициативы ведомств, а также недостаточным вниманием со стороны руководства, очевидно, что важность антинаркотической работы зачастую не получает должного признания, рассматривается как второстепенная. В результате специалисты, ответственные за эту сферу, часто перегружены дополнительными задачами, что снижает эффективность их работы в борьбе с наркоманией.

Далее рассмотрим результаты анкетирования в части оценки эффективности различных форм антинаркотической работы.

На региональном уровне фундаментальной основой в этой сфере являются антинаркотические комиссии, которые начали свою деятельность с 2007 года. Действующий на сегодняшний день регламент работы антинаркотических комиссий в субъектах РФ утвержден решением Государственного антинаркотического комитета и подписан 2 июня 2021 года Председателем Государственного антинаркотического комитета В.А. Колокольцевым¹.

Несмотря на то, что организация и порядок работы антинаркотических комиссий нормативно закреплены на федеральном уровне, имеется ряд проблемных вопросов, что подтверждается результатами анкетирования.

На вопрос о проблемах, возникающих при подготовке заседаний антинаркотических комиссий, 80% респондентов отметили

¹ Регламент антинаркотической комиссии в субъекте Российской Федерации (утв. ГАК 02.06.2021 № 8/6-6192. СПС КонсультантПлюс (27.06.2024).

недостаток инициативы и заинтересованности членов комиссии. Заслуживает внимание тот факт, что 27% указали на неявку членов комиссии на заседания (рис.5). Всего 17% отметили нехватку или отсутствие необходимой информации для качественной подготовки материалов заседаний.

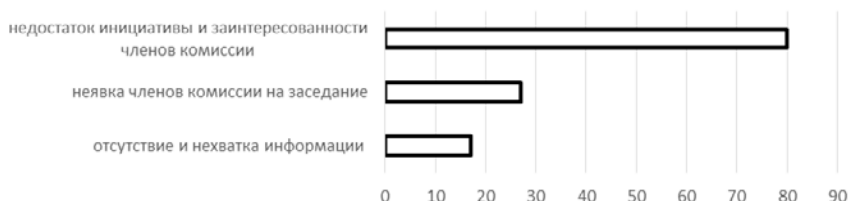

Рис. 5. Проблемы в работе антинаркотических комиссий

Почти треть специалистов самыми эффективными формами антинаркотической работы назвали ежегодный мониторинг наркоситуации¹ (30%), а также обмен информацией между ведомствами и аппаратом антинаркотической комиссии статистическими и иными необходимыми сведениями (27%). В равной степени на первое место по продуктивности респонденты поставили заседания антинаркотических комиссий и текущий мониторинг наркоситуации (по 23%). Всего 20% самыми эффективными формами работы посчитали рабочие группы, действующие при антинаркотических комиссиях, а также совместные выезды членов антинаркотической комиссии. Наименее влиятельной формой работы отмечена разработка методических материалов (10%) (рис. 6).

¹ Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах (утв. решением ГАК, протокол от 25.06.2021 № 48) (ред. от 26.12.2022) // СПС КонсультантПлюс (27.06.2024).

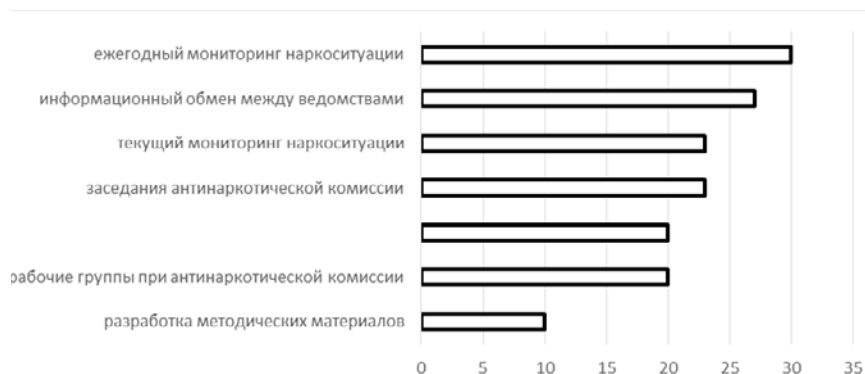

Рис. 6. Наиболее эффективные формы антинаркотической работы

При проведении ежегодного мониторинга наркоситуации существенные трудности связаны с тем, что подготовка доклада о наркоситуации ложится на плечи одного-двух человек (37% респондентов поставили эту проблему на первое место). Незаинтересованность участников мониторинга в конечном результате отметили в числе наибольших трудностей 23%. По 20% поставили на первое место проблемы, связанные со сбором необходимых сведений и статистики, а также с большим количеством ошибок в представленной из ведомств информации. Всего 17% констатировали большой объём анализируемой информации и 7% недостаток времени для подготовки доклада о наркоситуации (рис. 7).

Анкетирование показало, что определенные проблемы имеются в подготовке краткосрочного прогноза наркоситуации, предусмотренного Методикой и порядком осуществления мониторинга¹.

Во-первых, не используются специализированные автоматизированные методики прогнозирования (всего 6% сообщили о наличии такого опыта работы).

Во-вторых, 37% указали, что прогноз делает тот, кто обобщает всю информацию по докладу.

¹ Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах (утв. решением ГАК, протокол от 25.06.2021 N 48) (ред. от 26.12.2022). // СПС КонсультантПлюс (27.06.2024).

В-третьих, всего лишь 23% сообщили о том, что общий прогноз делается на основании экспертных прогнозов, подготовленных каждым ведомством по своему направлению. Незначительное число респондентов (всего 23%) используют математические методы анализа в прогнозировании наркоситуации.

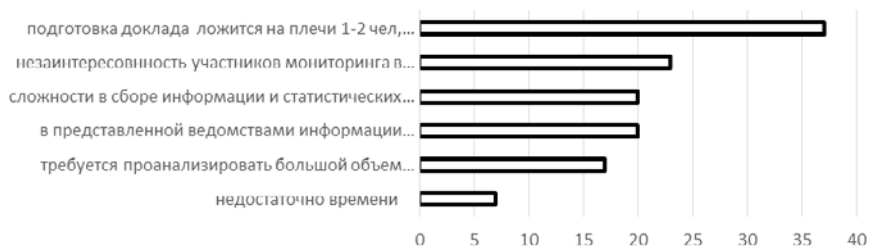

Рис. 7. Трудности при проведении мониторинга наркоситуации

Исследование подтвердило, что несмотря на возникающие проблемные вопросы, ежегодный доклад о наркоситуации, подготовленный субъектами Российской Федерации, является весьма востребованным в работе специалистов. Большинство из них (60%) постоянно пользуются результатами ежегодного мониторинга наркоситуации, 27% используют его от случая к случаю, и всего лишь 6% не пользуются (рис. 8).

Рис. 8. Использование доклада о наркоситуации в практической деятельности

Следующий блок вопросов связан с информационно-аналитическим обеспечением антинаркотической деятельности. В соответствии с Положением об антинаркотической комиссии в субъекте Российской Федерации, информационно-аналитическое обеспечение деятельности антинаркотической комиссии входит в число основных задач аппарата комиссии. В контексте проведенного анкетирования специалистам предлагалось оценить обеспеченность всех участников антинаркотической деятельности соответствующим объемом информации, необходимой для реализации антинаркотической политики, а также техническую и нормативно-правовую стороны процесса сбора, передачи, хранения и обработки информации между участниками антинаркотической деятельности.

Более половины опрошенных (53%) имеют необходимость в совершенствовании нормативно-правовых актов, регламентирующих информационно-аналитическое обеспечение антинаркотической деятельности, 23% отметили потребность в разработке технического обеспечения информационного обмена и обработки сведений.

Каждый второй респондент считает, что требуется создание единого межведомственного информационного ресурса, 27% признают, что информационный обмен нужно совершенствовать, но единый информационный ресурс создавать необязательно (рис. 9).

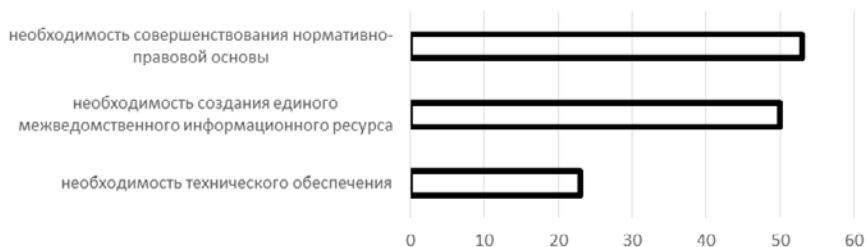

Рис. 9. Проблемы информационно-аналитического обеспечения

В заключении блока вопросов об организации антинаркотической работы специалистам было предложено высказать своё мнение о том, что нужно усовершенствовать. Следует отметить, что 33% воздержались от ответа. Среди представленных ответов, каждый четвертый отметил необходимость повышения уровня взаимодействия между ведомствами и степени их заинтересованности,

15% предложили усовершенствовать законодательство, 10% в той или иной мере обратили внимание на введение законодательного закрепления обязательности исполнения решений антинаркотических комиссий (рис. 10). Так, например, в одном из ответов предлагалось использовать механизм административной ответственности, используемый в работе антитеррористических комиссий.

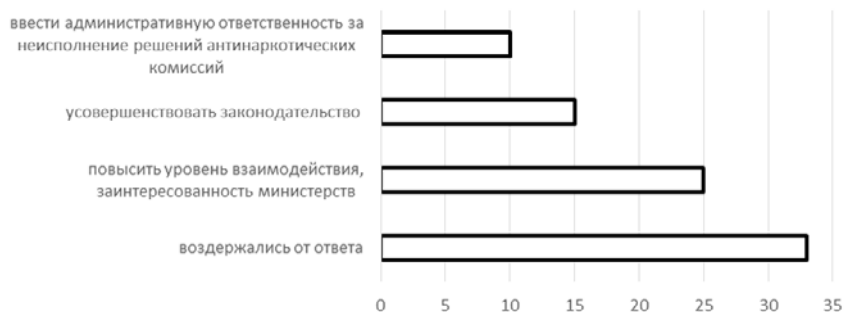

Рис. 10. Предложения по улучшению антинаркотической деятельности

Таким образом, анализ результатов анкетирования позволяет сделать следующие выводы:

- в настоящее время в регионах накоплен определенный опыт антинаркотической работы, имеются специалисты в этой области, использующие широкий спектр различных форм взаимодействия, вместе с тем нередко их функционал включает в себя ряд иных задач, в связи с чем эта деятельность осуществляется по остаточному принципу;

- наиболее продуктивными формами взаимодействия на сегодняшний день являются заседания антинаркотических комиссий, информационный обмен и ежегодный мониторинг наркоситуации, вместе с тем недостаточно используется потенциал рабочих групп, действующих при антинаркотических комиссиях, а также совместных выездов членов антинаркотических комиссий;

- имеется необходимость в создании единого межведомственного информационного ресурса (либо в обеспечении доступа субъектам антинаркотической деятельности к информационным ресурсам других ведомств), а также в совершенствовании правового и технического обеспечения информационно-аналитической деятельности, в том числе процесса подготовки ежегодного мониторинга наркоситуации (например, использовать автоматизированные методы обработки

и анализа информации, в том числе наиболее известные математико-статистические методы экстраполяции и моделирования [3; 4]);

- требуется более детальная проработка механизмов, позволяющих повысить уровень ответственности за исполнение решений антинаркотических комиссий и стимулирующих заинтересованность их членов в совместной работе с иными субъектами антинаркотической работы.

Заслуживают внимания предложенные респондентами меры по введению административной ответственности за неисполнение решений антинаркотических комиссий, в том числе и за неявку их членов на заседания.

Отдельной проработки требует предложение по законодательному закреплению полномочий органов местного самоуправления в сфере антинаркотической деятельности, а также распределению функционала министерств органов исполнительной власти на региональном уровне.

Основные выводы и предложенные меры могут стать основой для совершенствования деятельности антинаркотических комиссий на региональном и муниципальном уровнях, а также разработки более эффективной антинаркотической политики.

Список литературы:

1. Программа II Всероссийского Байкальского форума профилактических проектов и лучших практик в сфере сохранения психологического здоровья молодежи, профилактики наркомании и других социально-негативных явлений в молодежной среде URL: <http://www.narkostop.irkutsk.ru/upload/2024/Программа%2013-15%20мая%20Всероссийский%20форум.pdf?ysclid=lza6c4mmts462063004> (27.06.2024).

2. Регрессионный анализ наркоситуации в Российской Федерации: метод, влияние факторных переменных, прогнозные возможности / П. В. Тепляшин, В. В. Молоков, А. С. Шерстяных, П. В. Галушин // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 61-66.

3. Тепляшин, П. В. Корреляционный анализ наркоситуации и наркопреступности в Российской Федерации / П. В. Тепляшин, В. В. Молоков // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20-2. С. 35-37.

Носова Ольга Владимировна,
заместитель начальника штаба
ГУ МВД России по Иркутской области;
адъюнкт,
Академия управления МВД России
E-mail: nosova.olga.2017@mail.ru

УДК 343.57

К вопросу об источниках оперативной информации о незаконном производстве наркотических средств и психотропных веществ

Аннотация. Статья рассматривает источники оперативной информации о преступлениях о незаконном производстве наркотических средств и психотропных веществ, которые представляют серьезную угрозу общественной безопасности. В работе подчеркивается важность традиционных методов получения информации, таких как обращения граждан и оперативные мероприятия, а также новых подходов, включая финансовую разведку и анализ данных. Приводятся примеры успешного использования этих методов в России и за рубежом. Особое внимание уделено необходимости разработки и внедрения современных технологий для более эффективного выявления и пресечения деятельности подпольных нарколабораторий.

Ключевые слова: незаконное производство наркотиков; оперативная информация; нарколаборатории; финансовая разведка; анализ данных; общественная безопасность.

Незаконное производство наркотических средств представляет собой серьезную угрозу общественной безопасности и здоровью населения в России и во всем мире.

В 2024 году ООН опубликовала Всемирный доклад о наркотиках [1], который предоставляет подробный анализ мировой проблемы производства и торговли наркотиками. Основные выводы включают в себя рост производства кокаина, особенно в Латинской Америке, расширение объемов производства синтетических наркотиков в Европе, Африке и Азии на фоне запрета на опиум в Афганистане.

Оперативная обстановка на территории Российской Федерации также характеризуется ростом числа выявленных нарколабораторий. За последние пять лет количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным производством наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228.1 УК РФ), возросло в 2,4 раза. По сведениям ГИАЦ МВД России [2], в 2019 году правоохрнительными органами было выявлено 351 такое преступление, в 2023 году – 850, за 6 месяцев 2024 года зафиксировано уже 493 преступления, связанных с незаконным производством наркотиков. Следует отметить, что на сегодняшний день порядка 70% всех расследованных преступлений этой категории имеют квалифицирующие признаки «совершено в составе преступной группы лиц по предварительному сговору» или «в составе организованной группы», что свидетельствует о высокой степени общественной опасности такого рода преступности.

Уничтожение инфраструктуры незаконного производства наркотиков на территории Российской Федерации входит в число стратегических задач по реализации антинаркотической политики¹. Одним из ключевых элементов успешной борьбы с незаконным производством наркотиков является получение оперативной информации.

Существует множество источников оперативной информации о незаконном производстве наркотических средств. Условно их можно разделить на две категории: традиционные и новые.

К традиционным источникам предлагается отнести лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность,² заявления, обращения граждан³, а также оперативные материалы о фактах незаконного оборота наркотиков, материалы уголовных дел и административных правонарушений.

На сегодняшний день подразделениями наркоконтроля органов внутренних дел при проведении этой работы приме-

¹ Об утверждении стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 48. Ст. 7710.

² Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

³ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.

няется весь спектр предусмотренных законодательством оперативно-технических мероприятий. Как правило, оперативными сотрудниками широко используются традиционные методы личного сыска [3, с. 308].

Нельзя недооценивать роль обращений и заявлений граждан, которые могут предоставить информацию о подозрительной активности в своем районе. Такие сообщения часто касаются необычных запахов, странного поведения людей или нехарактерного движения в определенных зданиях. Эти сигналы позволяют правоохранительным органам оперативно реагировать и проводить необходимые проверки.

Следует отметить, что в ряде регионов органами внутренних дел целенаправленно проводится работа по стимулированию граждан к выявлению таких фактов.

Территориальными органами внутренних дел субъектов Российской Федерации создаются онлайн-платформы, где граждане могут анонимно сообщать о подозрительной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, в том числе и их нелегальным производством. Эти платформы часто предоставляют безопасные каналы связи и позволяют гражданам отправлять фотографии, видео и подробные описания предполагаемого местоположения.

Правоохранительные органы совместно с органами государственной власти и местного самоуправления проводят кампании по повышению осведомленности населения, чтобы уведомить граждан о признаках деятельности нарколабораторий. Эти кампании часто включают презентации, брошюры и распространение информации в социальных сетях.

Так, например, в Камчатском крае имеется опыт размещения «Памятки по выявлению подпольных лабораторий по производству наркотиков» на официальном сайте сельских поселений [4].

С 2018 года размещена на информационном портале города Ликино-Дулево разработанная Управлением по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Московской области «Памятка по выявлению подпольных лабораторий по производству наркотиков» [5]. Аналогичная работа проводится в Свердловской области [6].

В Иркутской области по поручению Управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Иркутской области с 2020 года Областное государственное казенное учреждение «Центр профилактики наркомании» в рамках комплекса процесс-

ных мероприятий «Профилактика злоупотребления наркотическими средствами, токсическими и психотропными веществами»¹ осуществляет выпуск и распространение в жилом секторе памятков о признаках совершения наркопреступлений, в том числе и связанных с деятельностью подпольных нарколабораторий [7].

Профилактическая работа среди населения имеет свои положительные результаты. Благодаря бдительности жителей Шелеховского района Иркутской области, в марте 2023 года была установлена подпольная нарколаборатория по производству N-метилмефедрона. Граждане обратили внимание на характерные запахи и странное поведение гр. И, посещающего арендуемую квартиру в их доме. Грамотные действия участкового уполномоченного полиции, осуществлявшего проверку информации по обращению, позволили сотрудникам наркоконтроля провести комплекс оперативно-розыскных мероприятий по документированию преступной деятельности, в результате ликвидировано незаконное производство наркотических средств синтетического происхождения, изъято 26 кг приготовленных для сбыта наркотиков и 300 кг прекурсоров.

Следует отметить, что подобные методы получения оперативной информации о подпольных нарколабораториях используются и зарубежными правоохранительными органами.

В ежегодном докладе DEA² «Национальная оценка наркоугрозы 2024 года» [8, с. 23] также отмечается насколько важна активная гражданская позиция в борьбе с наркотиками: в одном из штатов США, благодаря сообщениям местных жителей о странных ночных поездках в загородный дом, полиция провела расследование и обнаружила лабораторию по производству фентанила.

Вместе с тем, учитывая тенденции оперативной обстановки по линии противодействия незаконному обороту наркотиков, связанные с использованием наркопреступниками информационно-телекоммуникационных технологий, а также современных финансовых технологий [9] и децентрализованных криптовалют [10], имеется необходимость разработки новых методов получения оперативной информации.

¹ Об утверждении комплекса процессных мероприятий «Профилактика злоупотребления наркотическими средствами, токсическими и психотропными веществами»: Распоряжение заместителя председателя Правительства Иркутской области от 14 ноября 2023 г. № 168-пзп. <https://www.ogirk.ru/pravo/wp-content/uploads/2023/11/168-rzp.pdf> (дата обращения 12.08.2024)..

² Управление по борьбе с наркотиками при Министерстве юстиции США.

Специалисты отмечают высокую степень конспирации и латентный характер преступлений, связанных с незаконным производством наркотиков. Нередко в результате оперативных мероприятий по документированию сбыта наркотических средств, так и не удается установить место их производства [11, с. 113]. В связи с этим, получение информации о деятельности нарколабораторий целесообразно выделять в отдельное направление аналитической разведки.

К новым источникам информации о подпольном производстве наркотических средств можно отнести сведения, полученные с помощью финансовой разведки [12, с. 289].

Анализ финансовых операций, связанных с незаконным оборотом наркотиков, может выявить финансовую структуру преступных организаций, идентифицировать ключевых игроков и отслеживать поток денег. На сегодняшний день имеются передовые разработки по созданию профиля поведения участников наркобизнеса, которые позволяют в рамках взаимодействия с банковскими организациями и Росфинмониторингом получать информацию о производителях наркотиков [12, с. 292].

В рамках данной статьи не представляется возможным более детально рассмотреть тактику проведения финансовой разведки в целях выявления незаконного производства наркотиков, в том числе и в связи с закрытым характером подобной информации. В научной литературе достаточно подробно описаны основные методы финансового расследования [13].

Также финансовое исследование может проводиться с целью установления операций, связанных с покупкой сырья, оборудования и материалов, используемых для производства наркотиков. При обнаружении подобных подозрительных сделок проводятся мероприятия по установлению лиц, их совершающих.

Не менее перспективным направлением является использование передовых методов анализа данных для выявления закономерностей и аномалий в больших наборах данных. Для обнаружения операций нарколабораторий проводится анализ заказов на прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ, данных о предприятиях, осуществляющих их производство, поставки и приобретение. При этом традиционные методы проверки поставщиков, основанные на ручном анализе, не всегда эффективны и могут быть подвержены ошибкам. Нетрадиционным источником информации о незаконных операциях, связанных с производством наркотиков, могут быть различные данные о движении химикатов и специализированного химического лабораторного оборудования, обработанные с помощью искусственного интеллекта.

В современных российских изданиях имеется описание подобных методов получения оперативной информации о незаконном обороте наркотиков [14]. Речь идет о методиках с использованием машинного обучения для выявления подозрительных поставщиков химического оборудования и прекурсоров на основе алгоритмов обнаружения аномалий и методов анализа сетей [15].

Подпольное наркопроизводство, как известно, полагается на сложную сеть поставщиков для получения оборудования, материалов и прекурсоров. Однако идентификация потенциально подозрительных поставщиков может быть сложной задачей из-за огромного объема данных, сложности цепочек поставок и меняющегося характера способов сокрытия незаконной деятельности, а также транснационального характера каналов поступления прекурсоров.

Первый шаг включает в себя сбор данных о поставщиках прекурсоров и химического оборудования из различных источников, включая публичные базы данных, официальные отчеты и коммерческие онлайн-площадки, в том числе и международного уровня.

На следующем этапе используются алгоритмы обнаружения аномалий для выявления поставщиков, чьи характеристики заметно отличаются от средних значений в отрасли. Также строится сеть связей между поставщиками, где узлы представляют собой поставщиков, а связи - их взаимоотношения, например, совместные проекты, поставки сырья, объемы производства, маршруты движения и т.д.

Подобная практика используется Управлением по борьбе с наркотиками США (DEA). Так, в ежегодном отчете DEA «Национальная оценка угрозы наркотиков за 2024 год» [8] отмечено, что Управление по борьбе с наркотиками США осуществляет сбор информации из многих источников, в результате их анализа дает подробное описание характера взаимоотношений поставщиков прекурсоров в Китае и производителей синтетических наркотиков в Мексике.

Идентификация подозрительных поставщиков химического оборудования и прекурсоров путем объединения алгоритмов обнаружения аномалий и методов анализа сетей [16] – это многообещающий подход к использованию искусственного интеллекта в выявлении нарколабораторий. Однако для практического решения этой задачи необходима консолидация усилий специалистов в области искусственного интеллекта и оперативных сотрудников подразделений наркоконтроля.

Подводя итог исследования об источниках оперативной информации о незаконном производстве наркотических средств и психотропных веществ, можно сделать следующие выводы:

- незаконное производство наркотиков является серьезной угрозой как в глобальном, так и в российском контексте, в последние годы в России наблюдается рост числа выявленных нарколабораторий, что требует усиления мер по противодействию, совершенствования тактики поиска оперативной информации;

- основными источниками оперативной информации остаются традиционные, такие как обращения граждан, оперативные мероприятия и анализ уголовных дел; эти методы позволяют эффективно выявлять и пресекать деятельность нарколабораторий;

- вовлечение населения в процесс обнаружения таких наркопреступлений, особенно через анонимные онлайн-платформы, доказало свою эффективность; примеры из российских регионов и международная практика подтверждают, что активная гражданская позиция играет важную роль в борьбе с незаконным производством наркотиков;

- в связи с усложнением преступной тактики организации наркобизнеса, особенно в связи с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий и криптовалют, существует необходимость в разработке и внедрении новых методов получения оперативной информации о подпольных нарколабораториях; перспективными направлениями являются финансовая разведка и использование передовых методов анализа данных;

- использование алгоритмов машинного обучения и анализа сетей для выявления подозрительных поставщиков химического оборудования и прекурсоров открывает новые возможности для предотвращения производства наркотиков. Этот подход позволяет заранее идентифицировать потенциальные угрозы и минимизировать риски.

Эффективная борьба с незаконным производством наркотических средств и психотропных веществ требует сочетания традиционных методов с инновационными подходами, включая активное использование технологий и привлечение граждан. Введение передовых методов финансовой разведки и анализа данных может значительно повысить эффективность обнаружения и пресечения нарколабораторий, что особенно важно в условиях растущей сложности и латентности этого вида преступности.

Список литературы:

1. Всемирный доклад о наркотиках, 2024 год // Официальный сайт Управления Организации Объединенных Наций по наркоти-

кам и преступности. URL: <https://wdr.unodc.org/> (дата обращения 15.08.2024).

2. Сборники по России о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ (отчет 1-МВ-НОН), утвержденные приказом МВД России № 521, Министра обороны РФ № 402, Минздрава России № 748, Минпросвещения России № 433, ФСБ России N 259, Росгвардии № 262, ФСИН России N 598, ФТС России № 586, Генпрокуратуры России № 367, СК России № 106 от 09.07.2021 «Об утверждении форм межведомственной статистической отчетности о результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков // Сервис ведомственной правовой статистики МВД России: сайт. URL: <https://svps.mvd.ru/> (дата обращения 23.08.2024).

3. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / Под ред. Д.ю.н., проф. К. К. Горяинова, д.ю.н. В. С. Овчинского; издание пятое, испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 795 с.

4. Памятка по выявлению подпольных лабораторий по производству наркотиков // Корякское сельское поселение: Официальный сайт правительства Камчатского края. URL: <https://kamgov.ru/emr/koryaksp/news/pamatka-po-vyavleniu-podpolnyhaboratorij-po-proizvodstvu-narkotikov-44602>.

5. Памятка по выявлению подпольных лабораторий по производству наркотиков // Информационный портал г. Ликино-Дулево: сайт. URL: <https://округ-лд.рф>.

6. Памятка по выявлению подпольных лабораторий по производству наркотиков // Администрация Свердловского городского поселения: сайт. URL: <https://sverdlovo-adm.ru/news/other/pamyatka-po-vyiyavleniyu-podpolnyix-laboratorij-po>.

7. Как узнать и что делать, если в вашем доме организованы наркопритон, нарколаборатория или размещают «закладки»? // Центр профилактики наркомании Иркутской области: сайт. <http://www.narkostop.irkutsk.ru/images>

8. Национальная оценка угрозы наркотиков за 2024 год // Управление по борьбе с наркотиками США, DEA: сайт. URL: <https://www.dea.gov/> (дата обращения: 23.08.2024).

9. Пять фактов о финтехе // World Bank Blogs: сайт. – URL: <https://blogs.worldbank.org/ru/voices/pyat-faktov-o-fintekhe> (дата обращения: 12.08.2024).

10. Поддержатъ или бороться: о влиянии криптовалют на государства и мировую / bits.media: сайт. URL: <https://bits.media/pr/podderzhat-ili-borotsya-o-vliyanii-kriptoalyut-na-gosudarstvo-i-mirovuyu-finansovuyu-sistemu/> (дата обращения: 12.08.2024).

11. Адамян Р. Э. Некоторые организационно-тактические особенности оперативно-розыскного обеспечения деятельности по противодействию незаконному производству наркотических средств в условиях подпольных лабораторий / Р. Э. Адамян // Научный портал МВД России. 2022. № 4. С. 111-119.

12. Литвиненко А. Н. Направления финансовой борьбы с незаконным оборотом наркотических средств: организационный аспект / А. Н. Литвиненко, Р. Р. Тотоев // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 288-294.

13. Анищенко Е. В. Финансовая разведка: Учебное пособие / Е. В. Анищенко. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2014. 184 с.

14. Столбанов Р. А. Использование современных технологий в борьбе с незаконным наркооборотом / Р. А. Столбанов // Молодой ученый. 2024. № 22(521). С. 437-439.

15. Левин А. И. К вопросу применимости методов машинного обучения и анализа данных для выявления признаков определенных категорий преступлений / А. И. Левин // Искусственный интеллект. Теория и практика. – 2023. № 3(3). – С. 28-30.

16. Аброськина Е. С. Анализ методов выявления сетевых вторжений и аномалий // Экономика и социум. 2021. №3-2 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-metodov-vyyavleniya-setevyh-vtorzheniy-i-anomaliy> (дата обращения: 27.08.2024).

Миграционная ситуация в России

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью миграционных процессов в современной России. Работа направлена на оценку эффективности миграционной политики, выявление проблем, связанных с преступностью среди мигрантов, а также недостаточностью ресурсов органов внутренних дел. На основе проведенного анализа предлагаются меры по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: миграция; органы внутренних дел; преступления в сфере миграции; иностранные граждане; обеспечение общественный безопасности.

Миграционная ситуация в России остается сложной. Поток иностранных граждан, приезжающих в нашу страну на заработки, не слабеет, а возрастает. Число депортированных, несомненно, возросшее в текущем году, по-прежнему даже и близко не перекрывает количество приезжающих.

Как отметил руководитель Следственного комитета России Александр Бастрыкин – ему не известно точное количество иностранцев, находящихся сегодня в России. Цифры варьируют от 14, млн до 16,5 млн человек. Нас, Россиян, насчитывается 145 млн человек. Тогда получается, что каждый десятый – это иностранный гражданин [1]. Вопрос: а нужно ли столько иностранной рабочей силы для поднятия экономики нашей страны?

Вместе с тем, как показывает статистика, рост экстремизма среди мигрантов вырос за последние полгода на 55% [2]. Мигранты нападают на детей, женщин, и все чаще – на представителей властей, и в первую очередь на сотрудников органов правопорядка. Почему же так происходит? Мигранта легче получить российский паспорт и гражданство в то время, как русскоязычным гражданам приходится прилагать значительные усилия при возвращении на историческую Родину.

Генеральный прокурор Игорь Краснов заявил, что число преступлений, совершенных мигрантами, возросло на 75% [3], с другой стороны, официальная статистика МВД России показывает, что число преступлений, совершенных мигрантами в 2023 году, сократилось на 3% [4]. А в Институте демографии Российской Федерации отмечают, что мигранты совершают всего около 2% преступлений [5]. Почему такие разные данные и кому верить? Представляется необходимым привести статистику к единому знаменателю.

Всё дело в том, что у каждого ведомства своя статистика, исходя из которой, каждое ведомство манипулирует общественным мнением. Но, несмотря на это, все прекрасно понимают, что критическая масса криминалитета внутри мигрантов достаточно высока.

К сожалению, приходится констатировать, что диаспоры обеспечивают защиту мигрантам, как правило, именно через недобросовестных сотрудников правоохранительных органов. Получается, что кредитная карта заменяет Уголовный кодекс Российской Федерации. Давно назрел вопрос о социальной защищенности сотрудников полиции, в том числе и связанных с повышением материального благосостояния (денежное довольствие, сложность и напряженность, обеспечение жильем и т.д.).

В полиции сейчас некомплект составляет более 150 тыс. сотрудников [6]. В субъектах Российской Федерации некомплект оперативного состава, участковых уполномоченных, сотрудников следствия достигает от 55 до 75% [7]. А участковые уполномоченные обслуживают участки за троих – четверых сотрудников. Цифровизация, автоматизация и т.д. – всё это хорошо. В настоящее время, если принять заявление гражданина в отношении противоправных действий мигранта, то этого мигранта надо найти, провести с ним необходимые следственно-оперативные мероприятия. А какими силами и средствами? Не хватает соответствующих технических средств, личного состава, да и просто времени. А еще и прокурорские сроки. Это одно заявление. А в дежурные сутки различных заявлений в органы внутренних дел поступает не менее 40–50. Вот и появляется почва и для коррупции, и сотрудники выбирают из всех зол меньшее.

Поэтому, сотрудники органов внутренних дел массово увольняются и идут работать в охранные предприятия, на заводы и предприятия, где денежное довольствие выше в два – три раза.

Криминализация мигрантов начала усугубляться тогда, когда они стали приезжать семьями. Если раньше мигрант, работая на стройке, отвечал сам за себя, то теперь еще и за семью. А это дополнительная нагрузка на Россию, в том числе и в социальных сферах. В связи с этим целесообразно рассмотреть вопрос и при-

нять на законодательном уровне вопросы – запрета въезда в Россию ранее судимых, запрет въезда семьям трудовых мигрантов, ответственности работодателя за нахождение мигранта на одном рабочем месте, чтобы без ведома работодателя и сотрудника полиции мигрант не имел права покинуть район пребывания и работы в соответствии с лицензией и патентом на трудовую деятельность. По прибытию на территорию России, мигрант обязан проходить не только дактилоскопию, но и сетчатки глаз.

Запретить лицензионным службам выдавать справки на приобретение оружия. Зачем их вооружать? Есть не мало примеров, когда были обнаружены схроны с оружием, боеприпасами, снаряжением и продуктами питания, созданные мигрантами.

В законодательстве есть много правовых коллизий. Если за кражи в России можно привлекать к уголовной ответственности с 14 лет, то за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ – с 16 лет. А ведь эти преступления более тяжкие не только по своему составу, но и по своим последствиям!

Гражданин, занимающийся распространением наркотических средств и психотропных веществ, фактически убивает тех, кто пристрастился к употреблению наркотиков, т.е. уничтожает генофонд нации.

Наркодилеры, используя эти юридические коллизии, всё чаще привлекают несовершеннолетних, в том числе из числа детей мигрантов, к распространению наркотических средств и психотропных веществ (так называемые закладки). Многие из мигрантов сами привозят, употребляют и распространяют наркотики, в основном, растительного происхождения. И все эти вопросы надо решать на законодательном уровне.

Возникает вопрос – анализируется ли кем-либо состояние работы с мигрантами? Например, вычисляются ли регионы, откуда приезжают наиболее криминализированные мигранты, которые в России создают преступные группировки, в том числе экстремистские, совершают преступления? Отслеживается ли их криминальное прошлое? Конечно. Этим занимается ФСБ России. Но в нынешних условиях сложной оперативной обстановки, связанной с известными событиями, так же необходимы дополнительные силы и средства.

Теракт в «Крокус Сити», исполненный уроженцами Таджикистана, захват заложников в ИК-19 ФСИН России, вновь поднял ряд вопросов относительно того, что за люди к нам едут, кто или что толкает их на преступление? Оказывается, это во многом обусловлено теми учебными программами, по которым мигранты получают образование у себя в школах [8].

Многие задают вопрос – почему мигранты из Средней Азии так ненавидят русских? Более тщательное изучение данного вопроса показало, что разгадка заключается в школьных программах и учебниках истории бывших союзных среднеазиатских республик, изданных фондом Сороса, где черным по белому записано, что «веками русские угнетали великие народы Средней Азии. Сначала их колонизировал царизм, а потом уже СССР – под другой вывеской». Однако, якобы, не смотря на всё это, «великие народы Средней Азии спасли русских от немцев – основные прорывы обеспечил ташкентский фронт». *«После неоценимого вклада великих народов Средней Азии в победу над фашизмом, русские продолжали угнетать их угнетать, но в итоге национал-освободительная борьба завершилась победой»* [9]. В результате среди молодежи многие уверились, что США их развивают, а Россия тормозит. В этих странах набирает силу радикальный ислам, работают подпольные мечети, где вербуют сторонников *«джихада против неверных»*. Правительствами этих стран, конечно же принимаются соответствующие меры по их выявлению и недопущению распространения экстремизма. Запрещаются ношения атрибутики и предметов одежды, бороды и т.д. Но приезжающие в Россию мигранты, чувствуя вседозволенность, начинают одеваться в запрещенные у них одежды и носить бороды, в местах компактного проживания создают подпольные моленные дома, где проповедует радикальный ислам. Многие из них тренируются в закрытых тренажерных залах ММА. Вместе с тем, многие из них не ходят на молитвы в имеющиеся официальные мечети [10].

Это ли не широкое поле деятельности для законодателей и сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов? С такими настроениями приезжают многие мигранты в Россию.

Список литературы:

1. Руководитель Следственного комитета России А. И. Бастрыкин призвал изменить миграционную политику в России. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2024/06/27/bastrykin-takaya-migracionnaya-politika-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 14.08.2024).

2. Руководитель Следственного комитета России А. И. Бастрыкин заявил о росте числа экстремистских преступлений мигрантов. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/07/2024/669676b39a7947d2445bd027> (дата обращения: 27.07.2024).

3. Генеральный прокурор Российской Федерации И. В. Краснов заявил, что число совершенных мигрантами преступлений выросло на 75%. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6594782> (дата обращения: 24.06.2024).

4. В России сократилось количество преступлений мигрантов. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/02/06/22274047.shtml> (дата обращения: 23.03.2024).

5. В институте РАН оценили уровень преступности среди мигрантов в России. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65c4dd649a794779c7f85100> (дата обращения: 17.04.2024).

6. Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев заявил о том, что некомплект личного состава в МВД России превысил 150 тыс. человек. URL: <https://www.interfax.ru/russia/960388> (дата обращения: 16.06.2024).

7. Председатель Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации В. И. Мотвиенко рассказала о дефиците сотрудников МВД России. URL: <https://ria.ru/20240624/uchastkovye-1955127146.html> (дата обращения: 17.07.2024).

8. Политолог Д. Н. Родионов – «О том, с чьей подачи в учебниках истории в Таджикистане, Киргизии и Казахстане появился термин «российская оккупация». URL: <https://life.ru/p/1649401> (дата обращения: 17.04.2024).

9. Почему мигранты из средней Азии ненавидят русских: разгадка привела в школы. URL: https://tsargrad.tv/news/pochemu-migranty-iz-srednej-azii-nenavidjat-russkih-razgadka-privela-v-shkoly_1036277 (дата обращения: 12.08.2024).

10. Г. Зотов Аргументы и факты. URL: <https://aif.ru/zotov> (дата обращения: 02.08.2024).

Попова Елена Викторовна,
адъюнкт 3-го факультета,
Академия управления МВД России
E-mail: elena.popova.list@gmail.com

УДК: 343.14

**К вопросу об отдельных проблемах получения и последующего
использования электронных видов доказательств
при расследовании преступлений в инвестиционной сфере**

Аннотация. В статье рассматривается место цифровой информации, полученной при расследовании преступлений в инвестиционной сфере, относительно современной системы доказательств, регламентированной в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Проблематика, отраженная автором в настоящей статье, охватывает тенденции уголовно-процессуальной политики и научных воззрений в части формирования системы доказательств, позволяющей получать и использовать в процессе доказывания электронные следы преступления.

Ключевые слова: преступления в инвестиционной сфере; цифровые и электронные денежные средства; цифровые следы; мошенничество; электронные виды доказательств.

Процесс доказывания в уголовном судопроизводстве занимает фундаментальное положение, поскольку именно от его результатов зависит правомерность любого судебного решения. Процесс доказывания направлен на установление фактических обстоятельств совершенного деяния, что в свою очередь необходимо отличать от юридической оценки деяния с точки зрения уголовного права [9, с. 418].

Безусловно, существует взаимосвязь между процессом доказывания и уголовно-правовой квалификацией – если доказан определенный факт (конкретное обстоятельство), то из этого следует соответствующая уголовно-правовая квалификация, установление наличия или отсутствия смягчающих и отягчающих обстоятельств и т.д. Современная система доказательств, а также обстоятельств, подлежащих доказыванию, имеет четкую регламентацию в рамках Раздела III Уголовно-про-

цессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) – доказательства и доказывание. Представленную систему можно считать универсальной для любого преступления, поскольку она в целом направлена на установление обязательных и, при необходимости, факультативных элементов состава преступления, определяет порядок собирания, проверки и оценки доказательств, используемых в процессе расследования.

Исключение из общих правил составляют п.п. 2.2, 2.3 ч.2 ст. 75 и ст. 81.1 УПК РФ о порядке признания предметов и документов вещественными доказательствами, полученными в процессе расследования преступлений, совершаемых в сфере экономики, ввиду чего оптимизируются сроки принятия решений о назначении необходимых экспертиз по полученным доказательствам, а также закрепляются дополнительные требования, обеспечивающие нормальное функционирование деятельности субъектов экономической сферы, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Исходя из нормативно-правовой регламентации общих требований к процессу доказывания прослеживается тенденция уголовно-процессуальной политики в рассматриваемой части, направленной на создание дополнительных условий, применяемых к расследованию преступлений экономической направленности², т.е. относительно уголовно-правовой оценки конкретного преступного деяния, что согласно значению процесса доказывания, определенному в начале настоящей статьи, не должно претерпевать смещения, а наоборот – находиться в параллельных плоскостях, обуславливающих друг друга.

Под термином «уголовно-процессуальная политика» понимается направление деятельности правотворческих и правоприменительных органов по выработке и применению форм реализации норм уголовного права на всех этапах осуществления уголовного судопроизводства [1, с.2]. Следует отметить, что правотворческая деятельность в рассматриваемом контексте не ограничена внесением изменений в процессуальный кодекс. Наиболее актуальным направлением такой деятельности по праву можно назвать форми-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 16.05.2024).

² См. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации «О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (в 2011 году – от 28 декабря 2010 года № 450/85/3, в 2012 году – от 15 февраля 2012 года № 52-11/2).

рование и изменение порядка получения и последующего использования цифровой информации о совершенном преступлении, которая в настоящее время не регламентируется УПК РФ в полном объёме ввиду отсутствия электронных видов доказательств и соответствующего порядка работы с ними.

Действующий на современном этапе УПК РФ предусматривает закрытый перечень видов доказательств. Профессор Л. В. Головкин отмечает стабильность законодательного списка доказательств, внесение изменений в который со времён УПК РСФСР 1960 г. происходило лишь два раза [9, с.491]. Кроме того, информация, полученная из других источников, должна соответствовать общим положениям Раздела III УПК РФ, чтобы доказательства были признаны допустимыми.

Отсутствие электронных видов доказательств и порядка их выявления, фиксации, оценки и последующего использования в процессе доказывания порождает как теоретические дискуссии, так и проблемы правоприменительной деятельности в ходе расследования отдельных видов преступлений. Особое внимание в настоящей статье направлено на получение электронных видов доказательств при расследовании преступлений в инвестиционной сфере, совершенных с использованием цифровых и (или) электронных денежных активов. Тенденция смещения вектора используемых приёмов и средств совершения преступлений в сторону виртуальной среды обуславливает необходимость внесения существенных изменений не только в теоретическую и методическую базу, но и в отдельные законодательные акты, регламентирующие правовое положение цифровых и электронных активов, а также порядок их исследования и использования в процессе доказывания в ходе уголовного судопроизводства.

Понятие электронных доказательств является предметом острых научных дискуссий. Так, профессор В.Б. Вехов определяет электронные доказательства – как любые сведения (сообщения, данные), представленные в электронной форме [2, с.48]. Отдельного внимания заслуживает мнение процессуалиста М.И. Воронина, который отмечает, что «электронные доказательства – это сведения, содержащиеся в электронном документе и/или на электронном носителе информации, на основании которых субъекты доказывания устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию» [4, с.79]. Аналогичной точки зрения придерживается также и О.В. Журкина [2, с.44]. Кроме того, среди учёных нет и единого мнения относительно трактовки понятия цифровых следов преступления. В научной литературе согласно

работам В.Б. Вехова, Ю.В. Гаврилина, А.В. Касаткина, В.А. Мещерякова, Е.А. Лушина, Н.Н. Лыткина, В.В. Полякова, А.В. Шебакина используются такие термины как «информационные следы» [5, с.34], «бинарные следы» [11, с.18], «виртуальные следы» [10, с.15], «компьютерные следы» [8, с.20], «компьютерно-технические следы» [6, с.49], «электронно-цифровые следы» [3, с.123; 14, с.162] и т. д. Исходя из множества доктринальных определений, нельзя не согласиться с мнением В.А. Мещерякова относительно того, что «виртуальные следы» (как промежуточные между материальными и идеальными) являются самостоятельной категорией и отражают особенность такого материального носителя следов как электромагнитное поле [3, с.21].

С точки зрения нормативно-правовой регламентации представленные научные мнения можно объединить одним критерием – необходимостью разработки законодательных положений о сущности и порядке работы с цифровыми следами преступления и их признания самостоятельными цифровыми видами доказательств.

Исследуя следственную практику расследования уголовных дел, возбужденных по факту совершения мошенничества под видом инвестиционной деятельности или же непосредственно хозяйствующим субъектом в инвестиционной сфере, отметим, что в 4 из 5 случаев предметом преступного посягательства является электронная и (или) цифровая валюта, а местом реализации преступного умысла выступает виртуальная среда.

Указанные обстоятельства затрудняют производство предварительного расследования ввиду невозможности осуществления отдельных следственных действий в ходе предварительного расследования. Так, по делам о мошенничестве, совершённом под видом инвестиционной деятельности, предметом которого выступает цифровая и (или) электронная валюта, не представляется возможным назначение бухгалтерской экспертизы в целях установления движения денежной массы, проходящей через единый кошелек, расположенный на криптобирже. Проблематика заключается в слиянии всей денежной массы в единый числовой показатель криптокошелька, распределяемом в процессе транзакции на счета клиентов. В целях получения доказательства о наличии ввода и вывода денежных средств потерпевшим на конкретный криптокошелек, указанная экспертиза может назначаться, однако большей информации, в сравнении с аналогичной экспертизой, назначаемой при обороте фиатных денежных средств, получено быть не может.

Как отмечают отдельные практические сотрудники, активное использование цифровой и электронной валюты в преступных

целях «вынуждает» субъектов расследования прибегать к нетрадиционным видам экспертиз, не предусмотренных приложением №2 к Приказу МВД России №511¹. Одним из видов таких экспертиз выступает комплексно-комиссионная экономическая экспертиза, производство которой назначается в негосударственных экспертных учреждениях в целях определения эквивалента цифровой или виртуальной валюты по отношению к фиатным денежным средствам. Однако вопрос о производстве экспертиз в негосударственных учреждениях представляется весьма неоднозначным ввиду высокой стоимости, а также долгосрочности её производства, ввиду чего возникает необходимость продления общего срока предварительного расследования.

Полученные заключения специалистов относятся к тем видам доказательств, которые предусмотрены в ныне действующем УПК РФ. Заключение эксперта (специалиста) на сегодняшний день является одной из допустимых форм приобщения к материалам уголовного дела какой-либо информации о цифровых следах совершенного преступления (в рассматриваемом случае – о цифровой и (или) электронной валюте и их движении).

Результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) нельзя отнести к прямым видам доказательств, а действия, направленные на получение процессуальных доказательств на основе информации, предоставленной органами дознания в рамках осуществления оперативной деятельности, остаются в пределах производства тех следственных и иных процессуальных действий, в ходе которых информация о цифровых следах фиксируется либо как показания участников уголовного судопроизводства, либо как осмотр технических устройств и копирование с них информации, представляющей собой в большинстве случаев документарные сведения. В том случае, когда по результатам ОРД или в ходе производства следственных и иных процессуальных действий будут установлены счета с цифровой и (или) электронной валютой, полученные при совершении преступления или на которые были направлены преступные действия, то их приобщение в качестве доказательства, отвечающего требованию п.п. 2 и 2.1 ч.1 ст.81 УПК РФ, представляется весьма затруднительным ввиду отсутствия разработанного

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.06.2024).

механизма ареста такого имущества, хранения и непосредственно отсутствия материальной формы самих денежных активов.

Работа с цифровыми следами всё ещё остаётся малоизученной по своему существу с теоретической стороны, а также недостаточно регламентированной с точки зрения нормативно-правового регулирования. Всесторонняя разработанность данного вопроса имеет существенное значение для повышения качества и полноты предварительного расследования. Кроме того, важно отметить, что разрабатываемая система доказательств не должна быть связана с конкретными уголовно-правовыми составами, поскольку наличие цифровой информации возможно усмотреть и в иных механизмах преступлений, не относимых к экономическим.

Список литературы:

1. Александров А. И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобокова филиала Российской Таможенной Академии. 2010. №2 (36). 10 с.
2. Вехов В. Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. №. 4 (11). С. 46-50
3. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств её обработки: монография. Волгоград, ВА МВД России, 2008. 404 с.
4. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть // Наука криминального цикла Jus Criminal. 2019. № 7 (152). С. 74-84.
5. Гаврилин Ю.В. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации: учеб. пособие / под ред. Н. Г. Шурухнова. М.: Книжный мир, 2001. 88 с.
6. Гаврилин Ю.В., Лыткин Н.Н. Понятия, свойства и криминалистическое значение компьютерно-технических следов преступления // Вестник криминалистики. 2005. №4. 111 с.
7. Журкина О. В. Электронные доказательства: понятие и признаки // Российская юстиция. 2020. №. 9. С. 44-46.
8. Касаткин А.В. Тактика собирания и использования компьютерной информации при расследовании преступлений: дис... канд. юрид. наук. М., 1997. 215 с.
9. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. – 1280 с.

10. Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 39 с.
11. Милашев В. А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004, С. 18.
12. Лыткин Н. Н. Использование компьютерно-технических следов в расследовании преступлений против собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский университет МВД России, 2007. С. 201.
13. Лушин Е. А. О термине «электронно-цифровые следы» // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. №4 (18). С. –195 с.
14. Поляков В. В., Шебакин А. В. К вопросу об использовании понятий «виртуальные следы» и «электронно-цифровые следы» в криминалистике // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. №11–1. 200 с.

К вопросу о сроке производства дознания в сокращенной форме

Аннотация. В статье рассмотрены основные вопросы, касающиеся сроков производства расследования уголовных дел в сокращенной форме дознания, а также акцентировано внимание на значении стадии возбуждения уголовного дела и порядке доказывания при упрощенном производстве.

Ключевые слова: сокращенное дознание; срок расследования; стадия возбуждения уголовного дела; признание вины.

Федеральным законом от 04 марта 2013 года № 23-ФЗ в действующее уголовно-процессуальное законодательство была введена новая глава, предусматривающая упрощенный порядок расследования уголовных дел, подследственных органам дознания. Сокращенная форма дознания имеет ряд отличительных особенностей, одной из которых является ускоренный срок производства. По общему правилу срок сокращенного дознания составляет 15 суток (в исключительных случаях продлевается прокурором до 20 суток) и исчисляется с момента удовлетворения ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме. Однако на практике не редки ситуации, когда от момента возбуждения уголовного дела до момента первого допроса подозреваемого и последующей подачей им соответствующего ходатайства проходит определенный временной промежуток. В юридической литературе существует позиция, согласно которой необходимо предоставить право лицу, привлекаемому к уголовной ответственности ходатайствовать о сокращенном производстве на протяжении всего срока дознания, независимо от момента разьяснения соответствующего права [1]. На наш взгляд, отсчет срока с момента удовлетворения ходатайства лишает институт сокращенного дознания всякого смысла, ведь общий срок расследования может быть тождественным сроку обще-

го порядка дознания. В подтверждение своих слов, нам бы хотелось привести пример из практической деятельности автора, который отработал в подразделении дознания более 7 лет. Производство расследования уголовного дела по обвинению гр-на Н в совершении преступлений, предусмотренного ст. 322.2, ст. 322.3 УК РФ, было окончено в сокращенном порядке, срок которого составил 1 сутки. При этом общий срок расследования по уголовному делу составил 30 суток. То есть при абсолютно не сокращенном сроке является ли рациональным упрощенный процесс доказывания? Ответ на этот вопрос нам видится очевидным. При действующем законодательно-определенном порядке перехода в упрощенное производство должностные лица органа дознания законным способом могут «волоклить» вполне очевидные дела, не представляющие правовой и фактической сложности, а сама идея оперативного производства остается нереализованной. Таким образом, мы считаем, что начало производства в упрощенном порядке должно совпадать с общим порядком доказывания, т.е. с момента возбуждения уголовного дела. И именно в течение данного срока подозреваемому необходимо предоставить право выразить свою правовую позицию относительно формы расследования.

В продолжение рассматриваемой проблемы, хотелось бы отметить, что на современном этапе развития науки уголовного процесса неоднократно высказывались позиции ученых о ликвидации стадии возбуждения уголовного дела [1,2]. Аргументируя свою позицию, авторы отмечают, что фактически стадия возбуждения уголовного дела практически поглощена стадией предварительного расследования. И хотя мы не согласны с позицией ученых на этот счет, однако стоит отметить, что в их утверждениях безусловно присутствует доля истины, ярким примером которой является доказывание средствами стадии возбуждения уголовного дела при упрощенном производстве. Вполне очевидно, что при ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, будет ликвидирован всякий фильтр отсеивания именно деяний, отнесенных к категории преступлений. Однако, рассуждения в данном ключе не относятся к теме рассматриваемого нами вопроса. Затрагивая вопрос ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, мы хотим осветить проблему процессуальных сроков расследования. На наш взгляд, ликвидация указанной стадии полностью уничтожит реализацию сокращенного производства. Ведь именно на стадии возбуждения уголовного дела производится тот необходимый объем следственных и процессуальных действий, который и обуславливает упрощенное производство. Вполне очевидно, что экономия сроков производства в упрощенном

порядке реализуется за счет производства доследственной проверки. К примеру, истребование документов о стоимости похищенного имущества по факту кражи товарно-материальных ценностей из магазинов торговых сетей зачастую производится в достаточной длительной временной промежуток, с учетом получения указанных данных магазином из головного офиса, как правило, территориальное расположение которого может быть значительно удалено от места совершения преступления. И не стоит забывать о том, что ответы организаций по официальным запросам компетентных правоохранительных органов предоставляются в срок, не превышающий 30 суток. Аналогичная проблема касается и порядка производства экспертиз, в ряде случаев без проведения которой не представляется возможным решить вопрос о наличии признаков преступления. Таким образом, включение срока доследственной проверки в общий срок производства по уголовному делу, независимо от уголовно-процессуальной формы, необоснованно затян timer расследования. А с учетом того, что исчисление срока будет происходить с момента получения информации о возможном преступлении, должностные лица правоохранительных органов могут не укладываться в законодательно-определенные сроки расследования преступлений.

Положения п. 1 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ предусматривают возможность производства сокращенной формы дознания по уголовным делам, возбужденным в отношении конкретного лица. В отечественной науке существует точка зрения, согласно которой законодательная конструкция рассматриваемой статьи является не совсем удачной, ввиду отсутствия возможности расследования уголовных дел в упрощенном порядке, возбужденных в отношении неустановленных лиц [3]. Мы хотели бы высказать свое мнение на данный счет. При расследовании уголовных дел по неочевидным преступлениям неизвестно, на каком сроке производства будет установлено виновное лицо. А в случае установления последнего ближе к окончанию производства по уголовному делу, когда львиная доля следственных и процессуальных действий дознавателем будет произведена, есть ли смысл изменять форму производства? С учетом абсолютно не радужной перспективы возвращения уголовного дела для производства общего дознания в случае дальнейшего несогласия участников уголовного судопроизводства ответ представляется очевидным. Мы вообще являемся противниками применения указанной формы производства по уголовным делам, при расследовании которых у должностного лица органа дознания могут иметься сомнения в совершении уголовно-наказуемого деяния конкретным

лицом, а тем более доказывать такие обстоятельства сокращенным уголовно-процессуальным инструментарием. И тем более срок производства вполне вероятно будет приближен к общему сроку дознания, а свое мнение по данному поводу мы уже аргументировали.

Таким образом, идея ускоренных сроков производства, по уголовным делам, не представляющим сложности в их расследовании, до настоящего времени остается не полностью реализованной, что требует законодательного пересмотра существующих положений рассматриваемой главы относительно отсчета сроков производства.

Список литературы:

1. Александров А.С., Лапатников М.В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» / Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. С. 23-27.
2. Гаврилов Б.Я. Стадия возбуждения уголовного дела: мнения практиков и ученых / Вестник Московского университета МВД России. 2016. С. 33-40.
3. Герасенков М.В. Актуальные вопросы производства дознания в сокращенной форме.

Понятие и значение принципов права

Аннотация. Публикация посвящена анализу правовой природы принципов права. Рассматривается соотношение понятий: «принцип права», «правовой принцип», «идея права», «аксиома права», «правовая презумпция», «норма-принцип». Делается вывод, что принципы права играют важную роль в юридической доктрине и правоприменительной практике. Они отражают в материи права набор социокультурных ценностей, на которых строится правовая система и как следствие – взаимосвязь личности, общества и государства. Принципы также выступают источником права при решении высшими судебными органами наиболее спорных вопросов.

Ключевые слова: принципы права; идеи права; аксиомы права; правовые презумпции; норма-принцип.

Термин «принцип» имеет латинское происхождение (лат. *principium* – «основа», «начало») и в современном русском языке применяется в значениях: основной идеи, базового, исходного начала какой-либо теории, нравственного убеждения, основополагающего правила поведения, основной технической особенности устройства или работы механизма [3, с. 960].

Рассматриваемое понятие широко применяется в различных сферах научного знания, в том числе в юридической доктрине. Правоведы практически единодушно сходятся во мнении, что принципы права представляют собой базовые, руководящие идеи и положения, отражающие содержание права как социального регулятора [10, с. 186].

Принципы права следует отличать от таких сходных правовых явлений (категорий), как «аксиомы права» и «правовые презумпции». Первые представляют собой краткие, элементарные истины, не требующие доказательств. Как правило, аксиома применима

только к определенной правовой ситуации (например, «закон обратной силы не имеет»; «незнание закона не освобождает от ответственности»). Принципы права, при определенном сходстве с аксиомами, отличаются от них более глубоким философско-правовым содержанием, которое можно характеризовать как концентрированную сущность самого права. Правовая презумпция представляет собой предположение, позволяющее считать юридический факт установленным, пока не будет доказано обратное. Как и аксиомы, правовые презумпции призваны оформлять узко-специальные, частные процессы и явления, чем отличаются от принципов права [9].

В исследовании М.В. Преснякова обращается внимание на лингвистическое значение принципа как особенности устройства, действия чего-либо. В этой связи ученый отмечает, во-первых, организующее, формирующее значение принципов права для правовой системы, а во-вторых, их регуляторную роль в процессе реализации норм права [7, с. 104].

В этой связи необходимо обратиться к полемике вокруг терминов «идея права» и «принцип права».

Ряд авторов (С.Д. Дмитриев, Л.С. Явич) справедливо отмечает, что принципы права зарождаются в виде идей в недрах юридической науки, являются результатом теоретического абстрагирования, отражением правосознания ученого-правоведа [4, с. 63; 11, с. 149]. Зачастую такие идеи задают вектор инновационным изменениям сложившейся правовой системы, могут существенно опережать свое время, с трудом восприниматься реакционной частью общества (как, например, в свое время – принцип равенства перед законом). Лишь утвердившись в доктрине, такого рода идеи (в ряде научных работ для их обозначения используется термин «доктринальные принципы» [5]) начинают проникать в материю права.

По мнению ряда ученых, правовая идея, не отраженная в нормах права остается лишь элементом правовой идеологии [2, с. 98]. Только нормативное закрепление позволяет идее права превратиться в правовой принцип, приобрести юридическую сущность.

Сторонники противоположной точки зрения отмечают, что идея, утвердившаяся в доктрине, ставшая частью, принципом мировоззрения правоприменителя или законодателя, начинает функционировать, влиять на принятие юридически значимых решений сама по себе, вне зависимости от своего нормативного закрепления. В частности, И. Ф. Демидов, анализируя принципы уголовного процесса, отмечал, что свое регуляторное воздействие на правоприменительную практику могут оказывать правовые идеи, не отраженные в действующем законодательстве [6, с. 136-137].

В этой связи Л. С. Явич выделял среди принципов права социально-экономические, политические, идеологические, этические, религиозные и специально-юридические. Все они, отражая сознание и волю господствующего класса, определяют вектор правового воздействия, но при этом лишь последние имеют формальное закрепление [11, с. 151]. На основе этой концепции, в более поздних работах по теории права авторами использовалось деление правовых принципов на общесоциальные и специально-юридические [2, с. 99]. Таким образом, предполагается, что принцип права может служить социальным регулятором, действовать при принятии юридически значимых решений вне зависимости от формального закрепления, что практически стирает разницу между терминами «идея права» и «принцип права».

Затронув тему нормативного закрепления принципов права, необходимо упомянуть дискуссию вокруг разграничения категорий «правовой принцип» и «принцип права».

В большинстве современных исследований упомянутые термины используются как взаимозаменяемые. Такой подход представляется вполне теоретически обоснованным. Однако, по мнению отдельных исследователей, категория «правовой принцип» является более широкой: идеи, составляющие содержание правового принципа пронизывают все государственно-правовые явления (правовую политику, нормотворчество, реализацию права, правосудие, управление и др.), обеспечивая их внутреннее единство и непротиворечивость [8]. Что касается категории «принцип права», то мнению этой группы ученых, ее правовая природа сводится к норме, формально закрепляющей соответствующую идею или положение, т. е. норме-принципу. В частности, С. С. Алексеев отмечал, что «принципы права по большей части выступают в виде норм (норм-принципов)» [1, с. 228].

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что обращение ученых к исследованию принципов права обусловлено той значимой ролью, которую они играют в юридической доктрине и правоприменительной практике. Принципы отражают в материи права набор социокультурных ценностей, на которых строится правовая система и как следствие – взаимосвязь личности, общества и государства. Они же выступают источником права при решении высшими судебными органами наиболее спорных вопросов.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. 752 с.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.
3. Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Большая Рос. Энцикл., 1997. 1456 с.
4. Дмитриев С.Д. К вопросу о понятии принципов права // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 62-64.
5. Илюхина В.А. Доктринальные принципы права: понятие и специфика // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 9-21.
6. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред.: А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989. 640 с.
7. Пресняков М.В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009. 469 с.
8. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовой принцип как философско-правовая категория // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 308–315.
9. Смирнова А.В. О соотношении понятий «принципы права», «аксиомы права» и «правовые презумпции» // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4 (184). С. 25-29.
10. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учеб. для вузов. М.: Юрайт, 2001. 429 с.
11. Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 287 с.

**О понятии и круге преступлений,
составляющих реабилитацию нацизма**

Аннотация. В статье освещается проблема диалектики формы и содержания применительно к понятию и кругу преступлений, составляющих реабилитацию нацизма. На основе сравнительного анализа законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, также модельного законодательства СНГ по вопросам противодействия реабилитации нацизма обосновывается тезис о необходимости уточнения перечня преступлений, составляющих реабилитацию нацизма, в российском законодательстве.

Ключевые слова: реабилитация нацизма; героизация нацизма; оправдание нацизма; уголовная ответственность; преступления против мира и безопасности человечества; Вторая мировая война, историческая память.

С позиции сегодняшнего дня мы можем однозначно утверждать, что криминализация реабилитации нацизма в 2014 году была своевременной и носила в определенном смысле прогностический характер. И хотя, предпосылки появления ст. 354.1 УК РФ во многом носили конъюнктурный характер, тем не менее, потенциал введенной Федеральным законом № 128-ФЗ от 5 мая 2014 года нормы в полном объеме раскрылся в последние 2-3 года.

В то же время, несмотря на определенный опыт существования нормы в уголовном законе, вопросы о понятии, о круге преступлений, составляющих реабилитацию нацизма, однозначно не разрешены ни законодателем, ни специалистами уголовно-правовой науки.

Обобщив наиболее обсуждаемые в научной литературе точки зрения, мы можем заключить, что понятие реабилитации нацизма сегодня рассматривается в рамках следующих тезисов:

1) необходимость определения и исследования реабилитации нацизма через определение понятия «нацизм», а также его дифференциации с понятием «фашизм» (А.Ю. Иванов [3], А.В. Мараева [4], В.В. Меркурьев [5]);

2) толкование понятия реабилитации нацизма в качестве собирательного, содержанием которого является перечень деяний, относящихся к объективной стороне преступления (М.А. Ефимов [2], Д.И. Рубцов [6]);

3) необходимость поиска иной правовой категории, поскольку понятие «реабилитация нацизма» эклектично (Н.А. Егорова [1], А.В. Чернявский [7]).

Полагаем, что озвучиваемые в научной литературе предложения о необходимости закрепления дефиниции понятий «нацизм», «реабилитация нацизма», имеют малое прикладное значение. Гораздо большую значимость понимание исследуемого термина имеет на этапе криминализации тех или иных деяний, относящихся к реабилитации нацизма.

Учитывая ключевые черты реабилитации нацизма, которая **с фактической точки зрения** представляет собой *реальную общественную практику оправдания нацистской идеологии, отрицания или умаления ее опасности, угрожающую дестабилизации мира, провоцирующую напряженность между представителями отдельных социальных групп, что, в конечном счете, способно привести к развязыванию агрессивной войны (вооруженного конфликта) между государствами*, мы пришли к выводу, что содержательно в самом общем **уголовно-правовом смысле** реабилитация нацизма представляет собой *совершенные публично умышленные оправдание идеологии (доктрины) и практики нацизма, признание их правильными, нуждающимися в поддержке и распространении, а также достойными подражания*.

Конечно, в контексте уголовно-правового запрета, противоправность которого требует точного описания признаков запрещенных уголовным законом деяний, вопрос диалектики взаимодействия понятия и перечня деяний, составляющих реабилитацию нацизма, приобретает особую остроту.

Осложняет решение данного вопроса и необходимость унифицированного подхода к установлению соответствующих составов преступлений и мер ответственности за реабилитацию нацизма в национальном законодательстве государств-участников международных региональных организаций, например, СНГ, ОДКБ (см. таб. 1).

[illegible]

Таблица 1. Перечень делений, относимых к реабилитации нацизма, законодательством Российской Федерации, Республики Беларусь и модельным законодательством СНГ.

(Графическая копия: полужирным шрифтом обозначены деяния, противопоставленные из Моделского закона; курсивом – деяния из перечня Моделского закона, не воспринятые национальным законодательством Российской Федерации и Республикой Беларусь; полужирным шрифтом – «экзотичные» деяния, составляющие специфику национального законодательства в области противодействия рецидивизму)

Сравнивая положения российского уголовного закона и модельного законодательства СНГ, отметим, что в самом общем виде применительно к реабилитации нацизма согласно положениям Модельного закона относятся лишь отрицание фактов и одобрение преступлений, установленных Приговором Трибунала¹. Однако Модельный закон был разработан и принят в 2012 году, после чего изменения в его содержание не вносились. В этом ключе гораздо более актуальным и релевантным для задач противодействия реабилитации нацизма является, на наш взгляд, перечень деяний, раскрытый в Законе Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма», принятом в 2021 году, где, в частности, отражены наряду с отмеченными еще такие деяния как:

- оправдание лиц и (или) структур либо организаций, признанных преступными либо виновными в совершении преступлений приговором Международного военного трибунала либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Международного военного трибунала, а равно сотрудничавших с такими лицами и (или) структурами либо организациями на оккупированной территории СССР в годы Второй мировой войны политических и военных организаций, а также лиц, участвовавших в деятельности таких политических и военных организаций и исполнявших либо умышленно содействовавших исполнению преступных приказов указанных лиц и (или) структур либо организаций, в любой форме;

- героизация нацистских преступников и их пособников – преднамеренное прославление их, а также совершенных ими преступлений².

Полагаем, что расширение содержания действий, относящихся к реабилитации нацизма, криминологически обусловлено и может быть реципировано для целей ст. 354¹ УК РФ.

Во-первых, отмеченное в белорусском законодательстве включение в состав реабилитации нацизма реабилитации немецких коллаборационистов более чем оправдано. В России такие деяния также имеют место быть. К примеру, демонстрация неограниченному кругу лиц в рамках акции «Бессмертный полк», приуроченной к празднованию Дня Победы, изображения Шкуро А.Г., который во время Великой Отечественной войны участвовал в боевых действиях на стороне нацистской Германии против СССР, за что приговором Военной коллегии Верховного суда

¹ Модельный закон «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников», принятый МА государств-участников СНГ в 2012 г. № 37-18. URL: <http://iacis.ru/public/upload/files/1/290.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).

² О недопущении реабилитации нацизма: закон Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З. <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H12100103> (дата обращения: 20.08.2024).

СССР от 15-16 января 1947 г. по совокупности совершенных преступлений на основании статей 58-6, 58-11 УК РСФСР и статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» от 19 апреля 1943 г. осужден к смертной казни¹, были квалифицированы как одобрение преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, несмотря на то, что Шкуро А.Г. не был участником Нюрнбергского процесса и в отношении него Приговор Трибунала не имеет прямого обвинительного значения. Указанный случай не единичен, схожим образом были квалифицированы действия по героизации А.А. Власова², П.Н. Краснова³. В связи с чем полагаем, что расширение перечня деяний, относящихся к реабилитации нацизма, по аналогии с белорусским законодательством позволило бы восполнить недостающий правовой пробел, гармонизировать национальное законодательство в области противодействия реабилитации нацизма, а также упорядочить отечественную правоприменительную практику.

Во-вторых, анализ вынесенных по ст. 354¹ УК РФ судебных решений, указывает, что в четверти случаев преступления были совершены посредством публичной демонстрации неограниченному кругу лиц портретов лидеров нацистской Германии, сопровождавшаяся комментариями одобрительного характера, что, на наш взгляд, гораздо ближе в содержательном смысле к героизации нацистских преступников, нежели может быть отнесено по своей объективной стороне к числу деяний, перечисленных в ч. 1 ст. 354¹ УК РФ в ее действующей редакции.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, отметим, что определение наиболее существенных свойств и черт реабилитации нацизма, безусловно, имеет важное значение, как для развития уголовно-правовой науки, так и для гармонизации правоприменительной практики. Однако поиски универсальной дефиниции реабилитации нацизма не должны становиться самоцелью. В этой связи предлагаем, что за основу, разграничивающую действия по реабилитации нацизма с иными преступными действиями, должна быть взята идеологическая составляющая, определяющая в самом общем смысле содержание реабилитации нацизма - ориентация

¹ Приговор Пермского краевого суда от 5 августа 2021 г. по делу № 2-14-2021.

² Приговор Иркутского областного суда от 12 августа 2021 г. по делу № 2-37/2021.

³ Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 11 апреля 2022 г. по делу № 2-18/2022.

на умышленные оправдание идеологии (доктрины) и практики нацизма, признание их правильными, нуждающимися в поддержке и распространении, а также достойными подражания. С учетом изложенного перечень деяний, относящихся к реабилитации нацизма, содержащийся в ст. 354.1 УК РФ, должен быть пересмотрен:

-во-первых, деяния, содержащиеся в актуальной редакции уголовного закона ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, ближе к непосредственному объекту преступлений, указанных в ст. 243.4 УК РФ и ст. 244 УК РФ, и зачастую их совершение вовсе не связано с оправданием идеологии и практики нацизма;

-во-вторых, для гармонизации национального законодательства с законодательством стран СНГ в области противодействия реабилитации нацизма, а также унификации правоприменительной практики назрела необходимости в криминализации реабилитации немецкого коллаборационизма и героизации нацистских преступников и их пособников, как наиболее распространенных форм реабилитации нацизма.

Список литературы:

1. Егорова Н. А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 494-503.

2. Ефимов М.А. К вопросу об определении понятия «реабилитация нацизма» в уголовном кодексе Российской Федерации / В сборнике: Вестник научных трудов юридического факультета «ЮРИСТЪ». Казань, 2015. С. 173.

3. Иванов А.Ю. Понимание термина «нацизм» применительно к статье 354.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 73-75.

4. Мараева А.В. Вопросы толкования термина «реабилитация нацизма» применительно к статье 354.1 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 153-155.

5. Меркурьев В.В., Рубцов Д.И. Совершенствование уголовно-правовых средств противодействие фашизму и нацизму при нарастании угроз национальной безопасности России // Обозреватель. 2022. № 5-6 (388–389). С. 89-103.

6. Рубцов Д.И. Противодействие реабилитации нацизма на примере развития уголовного законодательства Республики Беларусь // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2021. № 4 (30). С. 89-93.

7. Чернявский А.В. Понятие реабилитации нацизма в уголовном законодательстве России // Научный электронный журнал Меридиан. 2021. № 3 (56). С. 112-114.

Тарабрина Кристина Сергеевна,
адъюнкт 3-го факультета,
Академия управления МВД России
E-mail: tarabrina_kristina@bk.ru

УДК 343.97

Виктимное поведение несовершеннолетних в цифровом пространстве

Аннотация. Актуальность обусловлена необходимостью исследования особенностей виктимности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации современного общества. Автором в статье выявлен комплекс факторов, воздействуя на которые возможно сократить риски превращения несовершеннолетнего в жертву сексуального насилия, совершаемого с применением информационно-цифровых технологий.

Ключевые слова: несовершеннолетний; виктимность; сексуальное насилие; информационно-цифровые технологии.

Цифровые технологии являются неотъемлемой частью жизнедеятельности современного общества. В настоящее время формируется новое поколение сетевых пользователей, использующих глобальную сеть с детства. Интернет-коммуникации играют ключевую роль в социализации подрастающего поколения. Несмотря на ряд преимуществ глобальной сети, выявлены и серьезные последствия постоянного использования виртуального пространства: интернет-аддикция, деструктивный медиаконтент, кибербуллинг (травля в глобальной сети), пропаганда экстремистского и суицидального поведения, сексуальные домогательства, поощрение антисоциального поведения несовершеннолетних и др. В современных реалиях несовершеннолетние более подвержены влиянию сети Интернет, не осознают риски и угрозы использования Всемирной паутины. Согласно проведенному исследованию РОМИР и НИУ ВШЭ, выявлены пять основных технологических рисков, вызывающих наибольшую обеспокоенность у российских граждан, в том числе зависимость детей и подростков от гаджетов (53,5 %) [4].

Особенности психофизического развития молодого поколения, ограниченный объем знаний основ цифровой грамотности, специальных навыков детской аудитории по безопасному применению интернета, анонимизация личности в виртуальном пространстве, манипулирование несовершеннолетними в цифровой среде, изучение детской психологии криминальными лицами обусловили стремительный рост преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-цифровых технологий. Согласно результатам исследования статистических сведений ФКУ «ГИАЦ МВД России», количество зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних данного вида, с каждым годом увеличивается: в 2021 г. – 5 450, в 2022 г. – 6 141, а в 2023 г. – 7 669¹.

Криминогенная ситуация осложняется активным использованием преступниками информационно-цифровых технологий, что обуславливает появление новых форм насильственных посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних. По мнению М.М. Бабаева, любые инновации «обладали и обладают одновременно как созидательным, так и разрушительным потенциалом» [1, с. 104-110].

Насильственные посягательства сексуального характера, совершаемые в отношении несовершеннолетних с применением информационно-цифровых технологий, оказывают деструктивное воздействие на физическое, психическое и духовно-нравственное развитие несовершеннолетних, что может привести к формированию у жертв сексуального насилия проблем, негативно влияющих на их будущее. В связи с этим родителям и законным представителям, педагогам подрастающего поколения, правоохранительным органам необходимо учитывать особенности виртуального пространства, скрытые опасности, потенциально деструктивный контент находящихся в сети Интернет.

В открытом доступе виртуального пространства находятся подозрительные веб-сайты. Их активное посещение лицами, не достигшими совершеннолетия, имеет ряд негативных факторов: раннее проявление интереса к сексуальной тематике, знакомство и общение с криминальными лицами, изучение нежелательных материалов, неконтролируемые покупки, нарушение развития детской неокрепшей психики из-за просмотра сцен насилия с элементами жестокости и агрессии, порнографических или эротических материалов, «грязной рекламы» и др. Исходя из вышеизложенного, необходимо отметить следующее:

¹ Состояние преступности в России. Ф.9 – 4 ЕГС. Москва: ФКУ «ГИАЦ МВД России».

получение в виртуальном пространстве несовершеннолетними негативных знаний, деструктивной информации наносит ущерб их моральному, психологическому и физическому состоянию.

Несовершеннолетие с учетом специфики данного периода формирования личности, в силу субъективных свойств и особенностей развития являются наиболее уязвимой категорией. В связи с этим они обладают повышенной виктимностью, то есть способностью стать жертвой преступных посягательств, как в реальной жизни, так и в виртуальном мире. Специалисты утверждают, что указанная категория не способна эффективно противостоять проявлениям современной преступности [3, с. 201-206].

Жертва преступления является основным объектом исследования виктимологии, однако обобщенное понятие «статистический портрет жертвы преступления», имеющее практическое значение при выявлении социально-криминологических признаков потенциальной жертвы преступления, сегодня почти не используется» [6, с. 160]. Результаты социологического исследования подтверждают, что несовершеннолетние (93,3 %) большее количество свободного времени проводят в виртуальном пространстве, что значительно повышает их виктимность перед насильственной сексуальной преступностью, совершаемой с применением информационно-цифровых технологий.

По мнению В.В. Колбасина, в глобальной сети наметилась тенденция увеличения в интернет-сообществах лиц, страдающих аномалиями психики [5, с. 99-100]. Виртуальное сообщество педофилов пополняется новыми участниками, активно создаются приватные чаты на форумах, где они обмениваются сведениями о потенциальных жертвах; фото- и видеоизображениями несовершеннолетних; методами, приемами и способами знакомства с подрастающим поколением, а также описывают инструкцию совращения детей в интернете и пр. Пристальное внимание следует обратить на сбор педофилами информации о лицах, не достигших совершеннолетнего возраста, которые обладают наибольшей виктимностью. Вышесказанное вызывает особую тревогу в современном обществе и в дальнейшем негативно отразится на динамике насильственных сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, в т.ч. и с применением информационно-цифровых технологий.

Подрастающее поколение в процессе социализации нуждается в определенных базовых потребностях: в признании, независимости от родителей, в познании, в самореализации, в общении и др. Виртуальный мир «позволяет» несовершеннолетним получить мнимое ощущение безопасности. Проведенные ранее исследования доказывают отрицательное воздействие сети Интернет на детей [7, с. 31],

вышесказанное подтверждают и статистические сведения о совершении преступлений в отношении наиболее уязвимой категории населения в цифровой среде.

В ходе исследования нами были выявлены некоторые объективные обстоятельства, влияющие на виктимизацию несовершеннолетних от сексуального насилия с использованием информационно-цифровых технологий. Факторы, представляющие собой условия, существующие независимо от воли потерпевшего, имеющие объективный характер, в которых жертва находится непосредственно перед виктимизацией, представляют собой объективные виктимологические факторы [2].

Лица, не достигшие совершеннолетнего возраста, представляют наиболее виктимную группу современного общества, в силу социально-психологического, физиологического и эмоционального развития, отличительных индивидуальных характеристик (доверчивость, беспомощность в конфликтных ситуациях, физическая слабость, отсутствие знаний и опыта, внушаемость, любопытство), которые позволяют им становиться наиболее уязвимыми перед преступниками. Негативное влияние криминальных лиц, информационных ресурсов, деструктивного медиаконтента представляют серьезные угрозы для несформированной личности. Следует обратиться к мнению Л. В. Франка, который отмечал, что виктимизация есть «процесс превращения лица в жертву преступления и результат этого процесса как на единичном, так и на массовом уровне» [8, с. 107-108].

Повышенная способность молодой аудитории становиться жертвами воздействия факторов криминализации является фактом, не требующим обоснования. Роль жертвы в механизме совершения преступления велика, иногда жертва выступает активным элементом. Специалисты указывают, что от поведения жертвы зависит исход противоправной деятельности. Следует обратить внимание на то, что некоторые несовершеннолетние для повышения своего авторитета среди одноклассников или ровесников намеренно занимаются публикацией фото- и видеоизображений в социальных сетях, осуществляют индивидуальные или групповые прямые трансляции, участвуют в создании неформальных молодежных объединений (например, «группа смерти»), занимаются пропагандой в сети Интернет рискованного поведения (руфинг, зацепинг), пропагандируют преступное поведение и т.д. Преступники в виртуальном мире обращают пристальное внимание на рассматриваемую категорию, осуществляют обмен информацией о них с другими интернет-пользователями с целью склонения несовершеннолетних к половому акту, получению фото- и видеоматериалов эротического или порнографического характера, к иным противоправным формам коммуникации, в том числе на коммерческой основе.

Среди факторов виктимности также необходимо выделить семейный. Родители, опекуны или лица, их заменяющие, обязаны проводить качественную профилактическую работу по повышению информационной безопасности детей в виртуальном пространстве. Наиболее эффективная защита для детей - постоянное внимание родителей и интерес к несовершеннолетнему, его увлечениям и любимым занятиям. Диапазон родительского контроля и программного обеспечения для защиты несовершеннолетних в цифровой среде достаточно широки и совершенствуются по мере развития техники. Особое внимание нужно уделить ограничению времени пребывания детей в глобальной сети. Отсутствие или слабый контроль со стороны родителей или лиц, их заменяющих, частая занятость на работе повышают риск несовершеннолетних стать жертвой преступления от таких действий, которые носят как открытый, так и анонимный характер.

Материальное неблагополучие отдельных семей приводит к тому, что подростки ищут подработку на просторах глобальной сети, осуществляют передачу в сети Интернет собственных фото- и видеоизображений за денежное вознаграждение. Низкий уровень жизни несовершеннолетних, отсутствие удовлетворения базовых потребностей могут подтолкнуть к более решительным действиям, например, побудить к совершению правонарушений, преступлений с использованием информационно-цифровых технологий, к получению сексуальных услуг несовершеннолетнего, к развратным действиям с участием несовершеннолетнего, к занятию проституцией или изготовлению материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и пр.

Фактор влияния СМИ. Взрослые играют ключевую роль в становлении личности ребенка и формируют в его сознании модель позитивного поведения в обществе. В современном ритме жизни родители не уделяют достаточно времени и должного внимания несовершеннолетним по объективным причинам, в связи с этим они обращаются часто к средствам массовой информации. Так, одним из основных способов воздействия средств массовой информации на сознание ребенка является изображение насилия, агрессии и девиантного поведения. Киноиндустрия ярко представляет антиперсонажей (наильники, убийцы, колдуны), происходит идеализация преступного мира, оправдание неуважительного отношения к человеку, обществу, государству. Современное шоу, кино и мультфильмы, видеоигры позволяют демонстрировать такое поведение как средство разрешения конфликтов. Несформированная психика несовершеннолетних не позволяет указанной категории адекватно воспринимать данный контент и в конечном результате проявляется агрессия, ослабление внимания, апатия,

подавляются воля и сознание, появляются переживания, любопытство и жажда приключений.

Средовой фактор. Развитие подрастающего поколения во многом зависит от коллектива, в котором несовершеннолетний проводит большую часть своего времени, от доброжелательности сверстников, от отношения друг к другу, от взаимопомощи и взаимопонимания. Современные дети и подростки могут быть жестоки и циничны по отношению к другим лицам, не достигшим совершеннолетнего возраста: не общаться с ребенком, оскорблять и смеяться над ним, считать его изгоем класса или группы, пропагандировать рискованное поведение. Несовершеннолетний осознает угрозу личной безопасности и пытается закрыться в себе от негативного поведения со стороны подростков. Сеть Интернет, виртуальные друзья играют большую роль в социализации молодой аудитории и позволяют абстрагироваться от реальности, почувствовать себя социально значимым, создать уникальный социальный образ. В действительности собеседник виртуального общения в данный период времени дистанционно скрывается за техническим устройством, общение обезличено. Именно это повышает уровень виктимизации несовершеннолетнего.

Необходимо указать на то, что первичная виктимизация нередко увеличивает вероятность повторной. Повышенная виктимизация у молодого поколения, в первую очередь, связана с несформированным критическим мышлением, с образом жизни, с ежедневным применением информационно-телевизионных сетей и сети Интернет, популярных социальных сетей и мессенджеров, беспомощностью в конфликтных ситуациях, низким уровнем общения в действительности, психологической и физической слабостью, конфликтностью в учебном заведении. Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что несовершеннолетние доверчивы, достаточно уязвимы и не способны противостоять преступнику в силу объективных обстоятельств. Детальное рассмотрение механизма виктимизации несовершеннолетних позволит разрабатывать эффективные меры виктимологической профилактики.

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить комплекс виктимогенных факторов, повышающих вероятность несовершеннолетнего стать жертвой сексуального насилия, совершаемого с применением информационно-цифровых технологий. Так, происходящие сегодня процессы цифровой трансформации общества, возникновение виртуального мира, постоянное прибывание несовершеннолетних в популярных социальных сетях и мессенджерах является одним из наиболее ярких факторов, лежащих в основе виктимности лица, не достигшего возраста совершеннолетия. Кроме того, отсутствие контроля со стороны родителей, педагогов за действиями

несовершеннолетних в глобальной сети, неисполнение нормативных предписаний, направленных на обеспечение безопасности несовершеннолетних в цифровой среде, оказывают отрицательное влияние на процесс и результат превращения детей в жертвы сексуального насилия в этой среде.

Список литературы:

1. Бабаев М.М. Риски как компонент детерминационного комплекса преступности / М.М. Бабаев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1. С. 104–110.
2. Будкина И. С. Факторы, влияющие на виктимизацию несовершеннолетних от насильственных преступлений против жизни и здоровья / И.С. Будкина // Виктимология. 2020. 1 (23). С. 38-46.
3. Демидова-Петрова Елизавета Викторовна Виктимность несовершеннолетних в современной России: особенности, основные причины // Вестник СГЮА. 2023. №3 (152). С. 201-206.
4. Исследование РОМИР и НИУ ВШЭ: россияне с оптимизмом смотрят на развитие информационных технологий, но опасаются за безопасность данных. URL: <https://romir.ru/studies/issledovanie-romir-iniu-vshe-rossiyane-s-optimizmom-smotryat-na-razvitie-informacionnyh-tehnologiy-no-opasayutsya-za-bezopasnost-dannyh> (дата обращения 01.08.2024).
5. Колбасин В.В. Предупреждение насильственных преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Краснодар, 2024. 238 с.
6. Майоров А.В. Теория и методология виктимологического противодействия преступности в Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук: 5.1.4. Екатеринбург, 2022. 430 с.
7. Турунова М.Н. Противодействие влиянию сети Интернет на преступное поведение несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Санкт-Петербург, 2023. 242 с.
8. Франк, Л. В. Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии : монография / Л. В. Франк, ред. В. Г. Мелкумов. – Душанбе: Ирфон, 1977. 237 с.

Ткаченко Андрей Анатольевич,
слушатель 2-го факультета,
Академия управления МВД России
E-mail: andrey-tkachenko-1981@mail.ru

УДК: 343.9.01

Правовые основы ведомственного контроля антикоррупционной деятельности ОВД

Аннотация. В научной статье поднимается вопрос о направлениях совершенствования организации ведомственного контроля в антикоррупционной деятельности органов внутренних дел. В рамках исследования автором проведен комплексный анализ направлений оперативно-служебной деятельности, что позволило выделить и обобщить типичные недостатки в организации ведомственного контроля антикоррупционной деятельности ОВД.

Ключевые слова: антикоррупционная деятельность; ведомственный контроль; организация деятельности органов внутренних дел; правовые основы; государственная власть; функции управления.

В Российском обществе наиболее острой остаётся проблема коррупции, поскольку ее негативные последствия непосредственно отражаются на материальном благополучии граждан, создают ситуацию кризиса доверия и напрямую влияют на снижение авторитета государственной власти. Коррупционные деяния снижают эффективность деятельности государственных институтов и в целом существенно влияют на устойчивость всего механизма государственной деятельности. Коррупция как системное явление угрожает стабильности государства и его безопасности. Кроме того, в настоящее время проявляются новые тенденции в распространении коррупции, а частности, ее активная цифровизация, обусловленная широким внедрением информационно-телекоммуникационных технологий в жизнь общества [1].

Коррупция (от лат. corrumpere – растлевать, лат. corruption – подкуп; продажность; порча; искажение, разложение; растление) – термин, обычно обозначающий злоупотребление служебным положением в личных целях – использование должностным лицом

своих властных полномочий и доверенных ему прав, а также связанных с этим официальным статусом авторитета, возможностей, связей в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам.

Благодаря предпринятым мерам в настоящее время в государстве создана обширная правовая основа борьбы с коррупцией: антикоррупционные нормы раскрывают информацию о деятельности органов внутренних дел, регулируют отношения между субъектами с сфере конфликтов интересов, в виде сведений предоставленных контролирующему органу, также в рамках антикоррупционной экспертизы осуществляется исполнение законодательства Российской Федерации по противодействию в системе МВД России коррупции.

В систему правового обеспечения деятельности МВД России по противодействию коррупции входят Федеральные законы «О противодействии коррупции», «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «О полиции», Указ Президента Российской Федерации «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» и ряд других нормативных правовых актов в данной сфере государственной деятельности, являющихся основой стратегии антикоррупционной политики и тактики ее реализации [3, с. 64].

Являясь одной из приоритетных задач Министерства, данный вопрос востребован в его функционировании, что предопределяет системный и многогранный подход к реализации поставленных задач в сфере борьбы с коррупцией.

Несмотря на обширный комплекс принимаемых мер по совершенствованию антикоррупционной деятельности государственного аппарата России, следует констатировать тот факт, что коррупции подвержены все органы государственной власти, где Министерство Внутренних дел Российской Федерации занимает лидирующие позиции. Степень коррупции в органах внутренних дел Российской Федерации продолжает оставаться высокой. В то же время статистика свидетельствует, что за 2022 год силами МВД России пресечено 26 000 преступлений данной категории, в том числе 14 000 взяточничества, т.е. органы внутренних дел являются основной движущей силой всей антикоррупционной государственной системы. Практика показывает, что, как правило, коррупционеры используют обширный круг должностных лиц в органах государственной и муниципальной власти, активно используют все доступные средства в противоправной деятельности. Органы внутренних дел

являются важнейшим элементом защиты государства от коррупционных посягательств, которые в значительной степени используют специальные инструменты противодействия криминализации экономической системы общественных отношений и государственно-правового механизма управления [4, с. 87].

В целях повышения эффективности антикоррупционной деятельности можно выявить внутренние и внешние тенденции, а также негативные и позитивные факторы и критерии, которые позволят модернизировать всю систему Министерства внутренних дел и выйти на новый уровень противодействия данному негативному явлению.

Как любое социальное явление, коррупция имеет объективные и субъективные стороны. Из негативных факторов, способствующих развитию коррупционной деятельности в ОВД, можно рассмотреть следующие:

- социальные, экономические и политические условия;
- несовершенство законодательства и формализм, отсутствия выполнения антикоррупционного законодательства со стороны всех участников;
- слабый кадровый состав, требуется серьёзная доработка в подготовке учебными заведениями будущих сотрудников ОВД;
- недостаточная квалификация;
- отсутствие мотивации и желания связать свою жизнь с органами внутренних дел Российской Федерации.

В результате наблюдается отток опытных специалистов из органов внутренних дел, которых часто заменяют «случайные люди» без профессионального образования, морально и психологически не способные служить в Российской полиции.

Современная геополитическая ситуация существенно изменила деятельность всех сфер государства и общества. В этой связи особое внимание необходимо уделить организации и функционированию ведомственного контроля антикоррупционной деятельности ОВД.

Постоянный и целенаправленный поиск путей совершенствования антикоррупционной деятельности органов внутренних дел тесно связан с выявлением проблем в организации правоохранительной деятельности, а также развитием эффективного ведомственного контроля антикоррупционной деятельности в ОВД. В свою очередь, совершенствование правового регулирования деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции находит отражение в вопросах взаимодействия с органами государственной безопасности и прокуратурой, которые также следует отнести к субъектам межведомственного взаимодействия.

Главным инструментом обеспечения законности в рядах ОВД по-прежнему остаётся;

- участие в воспитании будущего поколения граждан, в культурно-нравственных традициях Российского государства;
- жёсткий ведомственный контроль;
- предупреждение руководителей всех уровней о персональной ответственности;
- сохранение наступательности в противодействии коррупции;
- антикоррупционная экспертиза правовых актов и проектов;
- разработка современных методик обучения, с целью повышения уровня профессионализма при подготовки кадровых сотрудников полиции, с непосредственным участием практических руководителей и сотрудников ОВД;
- совершенствование законодательства в сфере противодействия коррупции в органах внутренних дел;
- эффективное регулирование деятельности органов внутренних дел в сфере социальной поддержки сотрудников полиции;
- развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением Законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции.

В системе противодействия коррупции на любом уровне организационно-управленческого обеспечения деятельности органов внутренних дел необходимо осуществлять ведомственный контроль за соблюдением целого комплекса нормативно-правовых актов и рекомендаций в соответствии с действующим законодательством. Организация работы в рамках ведомственного контроля за антикоррупционной деятельностью представляет собой фиксированную систему элементов, заданных в определенном алгоритме действий.

В целом, управление внутренними органами по существу представляет собой целенаправленную деятельность субъекта управления – руководителя и (или) аппарата управления – по организации и обеспечению функционирования объектов управления (подчинёнными органами, подразделений, отдельных сотрудников) и выполнению возложенных на них функций и задач [2, с. 115].

Его функция как содержание объекта и пространственно-временной характеристики организованной деятельности зависит от объективности, однородности и воспроизводства процессов, выполняемых в его рамках. Каждая функция имеет свой собственный объем и выполняется определенным образом.

Управленческие функции, как самостоятельный и обособленный вид управленческой деятельности, характеризуются

четко определенным содержанием, конкретными механизмами реализации и структурами, в рамках которых завершается их организационное обеспечение. Содержание относится к набору действий, которые должны быть выполнены в рамках конкретной функции.

Улучшение организации административно-управленческой деятельности по противодействию коррупции в ОВД тесно связано с улучшением административных функций, таких как функции информационно-аналитического управления, контрольная функция за антикоррупционной деятельностью в органах внутренних дел, осуществляемые через различные организационно-правовые формы взаимодействия субъектов. Однако правовое регулирование антикоррупционной деятельности в Российской Федерации, происходящее на разных административных уровнях управления, представляет собой проблемный спектр, который до сих пор остается нерешенным.

Организация научного и системного обеспечения ведомственных мероприятий по управлению антикоррупционной деятельностью в ОВД не в полной мере отвечает потребностям правоприменительной практики и требует существенных изменений в связи с этим, разработки и внедрения моделей (алгоритмов), научных методик и системного подхода обеспечивающих ведомственный контроль по управлению антикоррупционной деятельностью Министерства внутренних дел должны включать:

- способствование развития морально-нравственных качеств и повышение интеллектуальных способностей сотрудников правоохранительных органов;
- проведение разъяснительной работы на всех уровнях общественной жизнедеятельности Российских граждан о негативных последствиях, возникающих при совершении коррупционных преступлений и неотвратимости наказания;
- внедрение информационно-телекоммуникационных технологий и систем в деятельность территориальных органов МВД России на региональном уровне, в аналитических целях и обмену информацией;
- изучение и использование в практической деятельности положительного опыта зарубежных стран.

Таким образом, комплексный подход к анализу состояния и динамики ведомственного контроля антикоррупционной деятельности в Министерстве внутренних дел Российской Федерации, позволяет разработать и внедрить в практическую деятельность меры в проблемных областях оперативно-служебной деятельности, требующих особого внимания и непрерывного анализа антикорруп-

ционной практики, также используется в принятии решения тактического, оперативного и стратегического характера, способствующие совершенствованию деятельности ведомственного контроля антикоррупционной деятельности в ОВД.

Список литературы:

1. Аносов А. В. Цифровые детерминанты коррупционной преступности / А. В. Аносов // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65). С. 77-85.
2. Антонов И. А. Организационно-структурное построение аппарата управления органами предварительного следствия / И. А. Антонов, Е. А. Мустонин // Общество и право. 2018. № 4(66). С. 113-116.
3. Организация противодействия коррупции в современной России : Курс лекций / Я. Г. Ищук, Ю. В. Трунцевский, А. П. Фильченко [и др.]. Москва : Академия управления МВД России, 2023. 132 с.
4. Правовое обеспечение борьбы с коррупцией : Курс лекций / А. В. Аносов, Н. Э. Мартыненко, Ю. В. Трунцевский [и др.]. Москва : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. 91 с.

Тучков Ярослав Владимирович,
адъюнкт 3-го факультета,
Академия управления МВД России
E-mail: yaroslav.tuchkov@mail.ru

УДК 343.1

**Цифровизация уголовного судопроизводства с учетом
реализации положений Указа Президента Российской
Федерации «О национальных целях развития Российской
Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»**

Аннотация. Российская Федерация – высокотехнологическое государство, стремящееся к развитию абсолютно во всех сферах, а значит все чаще ставит перед собой инновационные цели по внедрению и использованию самых передовых технологий. Одной из таких целей является «Цифровая трансформация государственно-го и муниципального управления, экономики и социальной сферы».

Достичь поставленную цель предполагается за счет увеличения доли использования электронных форм в предоставлении государственных услуг, в связи с чем уголовно-процессуальная политика государства в данном аспекте будет направлена на возможные способы увеличения использования электронного документооборота между участниками уголовного процесса, одним из которых может стать электронное производство по уголовному делу.

Электронный формат уголовного дела в своем лучшем виде способен сократить сроки расследования, ускорить принятие процессуальных решений, автоматизировать подачу документов, обмен информацией, а также создать условия для искоренения коррупции, злоупотребления и превышения должностными полномочиями.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика; уголовное судопроизводство; цифровизация; электронное уголовное дело; электронная форма; следователь; дознаватель.

7 мая 2024 года Президентом Российской Федерации В. В. Путиным был подписан инновационный во всех аспектах нормативный правовой акт – Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹, согласно которому сформирован перечень национальных целей развития нашего государства на указанный период, одним из которых является «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы».

Согласно ч. 8 данного Указа устанавливаются конкретные целевые показатели и задачи, направленные на достижение указанной выше национальной цели, среди которых наибольший интерес в контексте цифрового развития уголовного судопроизводства представляет положение «об увеличении к 2030 г. до 99% доли предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронной форме, в том числе внедрение системы поддержки принятия решений в рамках предоставления не менее чем 100 массовых социально значимых государственных услуг в электронной форме в проактивном режиме или при непосредственном обращении заявителя, за счет внедрения в деятельность органов государственной власти единой цифровой платформы».

Для реализации указанной задачи, которая предусматривает увеличение предоставления государственных услуг в электронной форме, в частности, в уголовно-процессуальной деятельности видится перспективным переход от бумажного формата расследования уголовных дел к электронному, о чем уже более 5 лет дискутируется различными учеными в области уголовного судопроизводства, такими как С.В. Зуев [1], Х.Х. Рамалданов [2], А.М. Долгов [3], О.В. Качалова, Ю.А. Цветков [4] и др.

Следует отметить, что расследование преступления в электронном формате прослеживается во многих иностранных государствах, например, Саудовская Аравия, Чешская Республика, Эстонская Республика, Республика Казахстан и др., за счет чего на сегодняшний день выделяются как положительные, так и отрицательные стороны данного формата.

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Рос. Федерации от 07.05.2024 № 309 // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (дата обращения: 10.05.2024).

Так, электронное производство по уголовному делу способно:

- ускорить процесс рассмотрения уголовных дел. Цифровая обработка и доступ к документам позволяет сократить время для участников уголовного процесса на их поиск, подготовку и ознакомление. Известно множество примеров, когда уголовные дела составляют 200, 300 и даже 600 томов. Очевидно, что ознакомление с данными материалами осуществляется длительный промежуток времени, а иногда и вовсе игнорируется, в связи с чем организовать процесс ознакомления с таким колоссальным объемом томов весьма сложно и длительно. Данная ситуация в корне нарушает как принцип разумного срока уголовного судопроизводства, так и право потерпевшего или обвиняемого знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела;

- предоставить участникам уголовного процесса возможность удаленного доступа к материалам уголовного дела, что обеспечивает более высокую степень информированности и осведомленности всех сторон. Так, благодаря данному формату возможно получать процессуальные документы в режиме онлайн, осуществлять постоянный контроль за их не изменчивостью, а также дистанционно подавать ходатайства, заявления, жалобы и т.д.;

- повысить уровень безопасности материалов уголовных дел с помощью современных технологий шифрования и контроля доступа (например, с помощью технологии приватного блокчейна), что снижает риск утечек и несанкционированного доступа третьих лиц. Ко всему этому данная технология способна контролировать и сохранять историю абсолютно каждого действия, осуществляемого с тем или иным процессуальным документом, что способно сократить количество фальсификаций материалов и уровень коррупционной составляющей со стороны органов предварительного расследования, прокуратуры или суда, формируя у населения мнение, что правоохранительные и судебные органы в действительности способны качественно и эффективно защищать их права и законные интересы.

Однако, говоря о внедрении в российское уголовное судопроизводство института «Электронное производство по уголовному делу» для начала необходимо решить ряд проблем, из которых стоит выделить:

- отсутствие норм, регулирующих данную форму расследования преступления, в связи с чем необходима модернизация нормативной базы, которая будет включать в себя уточнение процедур ведения и доступа к электронным материалам дела, например,

путем дополнения действующего УПК РФ, новой Главой 22.1 под названием «Электронное производство по уголовному делу»;

- обеспечение высокого уровня защиты персональных данных и конфиденциальной информации, содержащейся в материалах уголовных дел. Согласно статистике в 2023 г. зафиксировано 168 утечек персональных данных, при этом в сеть попало порядка 300 млн. записей, а с начала 2024 г. уже утекло более 510 млн. записей россиян¹. В связи с чем стоит отметить, что перед переходом на электронный формат расследования преступления, необходимо создать максимально защищенную от несанкционированного доступа цифровую платформу. Помощь в данном направлении может оказать технология приватного блокчейна, способная обеспечивать конфиденциальность записей, так как доступ к ней участникам будет предоставляться согласно политике безопасности, контроль за которой осуществляется модератором;

- наличие технических проблем при расследовании преступления в электронном формате, например, дублирование электронной информации на бумажный носитель и наоборот, получение недостоверной, случайной информации, нарушение сроков вложения сканированных документов (24 часа), составление процессуальных документов «задним» числом, формальное ведение расследования уголовных дел [5, с. 35], «проблемы с прикреплением и хранением аудио- и видеофайлов, присутствующих в уголовном деле, отсутствие возможности электронного направления поручений в другие службы и подразделения, проблемы в работе функции «обновление документа», частое «зависание» системы» [6, с. 24] и т.д., одну часть из которых по мнению автора настоящей статьи возможно устранить через должный процессуальный, ведомственный контроль руководителя подразделения и прокурорский надзор, а другую за счет доработки используемой в ходе расследования преступления в данном формате информационной системы.

Помимо этого, для реализации уголовно-процессуального института «Электронное производство по уголовному делу» необходимо создание обособленной цифровой платформы или же использование уже имеющихся сервисов (Единый портал государственных услуг Российской Федерации или ГАС «Правосудие»). К примеру, в Республике Казахстан, уголовное дело в электронном формате расследуется посредством модуля «Электронное уголов-

¹ В результате крупного инцидента в 2024 году в сеть утекли 500 млн записей о россиянах // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20065237> (дата обращения: 12.05.2024).

ное дело»¹. Так, данный модуль разработан на базе информационной системы «Единый реестр досудебных расследований» и охватывает абсолютно все стадии уголовного процесса, начиная с регистрации уголовного правонарушения и до вынесения итогового решения судом.

«Кроме того, участники процесса имеют доступ к материалам электронного дела посредством информационного портала «Публичный сектор», где имеется возможность ознакомиться с материалами дела, получить копии процессуальных документов, а также подать заявления, ходатайства и жалобы в режиме онлайн, и получить на них ответы» [5, с. 34] и т.д. Анализ статистики расследования преступления в электронном формате позволяет констатировать, что казахстанские следователи и дознаватели с каждым годом все чаще выбирают данный формат. Так, в 2019 г. из 240 тыс. оконченных уголовных дел в электронном формате было завершено 62 тыс., в 2021 г. из 192 тыс. – 137 тыс., в 2023 г. из 156 тыс. – 148 тыс., а за 4 месяца 2024 г. из 55 тыс. – 53 тыс. окончено в электронном формате (при условии, что переведено из электронной формы в бумажную всего 439 уголовных дел)².

В Эстонской Республике расследование преступления в электронном формате осуществляется через систему (E-toimik), которая позволяет управлять всем процессом уголовного дела в электронном виде, начиная от подачи заявлений и заканчивая вынесением приговора. Доступ к данной информационной системе осуществляется при помощи идентификационной ID-карты или Mobile-ID, которые предоставляют возможность входа в систему посредством данных, зарегистрированных на SIM-карте. Благодаря чему человеку не нужно выходить из дома, чтобы получить актуальную, интересующую его информацию по расследованию преступления, достаточно просто войти в соответствующую систему³.

Следовательно, перед введением электронного производства по уголовному делу важно создать единую цифровую платформу, благодаря которой властные субъекты уголовного процесса смо-

¹ Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате // Эдилет // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268> (дата обращения: 05.05.2024).

² Правовая статистика Республики Казахстан // Портал органов правовой статистики и специальных учетов Республики Казахстан // URL: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 11.05.2024).

³ Беларуси интересен эстонский опыт электронных уголовных дел – Следственный комитет // Pravo.by // URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2018/may/29072/> (дата обращения: 12.05.2024).

гут осуществлять качественное взаимодействие при расследовании преступления. Другим же вариантом видится создание обособленной платформы каждым субъектом, осуществляющим уголовное преследование, но при условии их интеграции между собой с целью более точной координации и взаимодействия.

Помимо этого, стоит сказать, что законодатель еще до подписания приведенного выше Указа Президента предпринял попытки по внедрению в отечественную уголовно-процессуальную деятельность органов внутренних дел и суда использование электронных документов за счет введения ст.ст. 474¹ и 474² УПК РФ, регулирующих порядок использования электронных документов в ходе досудебного и судебного производства». Однако это не позволяет в должной мере использовать весь потенциал электронных форм, в связи с чем необходимо дальнейшее изучение тематики использования электронного документооборота в уголовном процессе и выработке эффективной модели расследования преступления в электронном формате.

Таким образом, одним из перспективных способов решения задачи по увеличению доли предоставления государственных услуг в электронной форме, в частности, в уголовно-процессуальной сфере видится внедрение электронного уголовного дела на досудебной стадии уголовного судопроизводства Российской Федерации, которое открывает новые перспективы для повышения эффективности расследования преступлений, являясь современной методологией ведения уголовного дела. Несомненно, на начальном этапе внедрения электронного производства по уголовному делу следователь или дознаватель столкнется с рядом трудностей и будет допускать ошибки, однако при должном внимании и все большем использовании данного формата им будет «набиваться рука», что по итогу приведет к качественному расследованию преступления в электронном формате. Важно отметить, что успех этого процесса будет зависеть от решения ряда технических, правовых и организационных вопросов.

В заключение стоит сказать, что современные технологии развиваются значительными темпами и требуют полномасштабного внедрения в деятельность органов предварительного расследования, дознания и суда. В нынешнем круговороте развития прогрессирующих технологий с каждым днем будут появляться все новые и новые идеи, часть из которых найдет свое место в уголовно-процессуальной деятельности, что можно сказать об электронном формате расследования преступления. Современный тренд под названием цифровизация непременно приведет к переходу от традиционного уголовного процесса к цифровому, разрушит консерва-

тизм бумажного документооборота и вынудит правоохранительные органы перейти на электронный формат расследования преступлений и рассмотрение уголовных дел в суде. Как следствие, ученым в области уголовно-процессуального права и технологам необходимо тщательно проработать всевозможные риски, связанные с таким переходом, рассмотреть опыт тех стран, где уже функционирует данный институт, а также внести соответствующие законодательные изменения и дополнения, чтобы осуществлять электронное производство по уголовному делу в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Список литературы:

1. Зуев С.В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. 4(19). С. 6-12.
2. Рамалданов Х. Х. Электронное уголовное дело: миф или реальность? // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 93-98.
3. Долгов А.М. Электронное уголовное дело в досудебных стадиях уголовного процесса в России // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 9(62). С. 55-57.
4. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95-101.
5. Тлеубаев Д.К., Иманбаев С.М., Карымсаков Р.Ш. Цифровизация уголовного процесса в Республике Казахстан: становление и практика применения // Colloquium-Journal. 2021. № 11-2(98). С. 31-37.
6. Шульгин Е.П. Правовые и организационные основы деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате: специальность 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Москва, 2021. 29 с.

Новые подходы к проведению оперативно-розыскных мероприятий органами внутренних дел

Аннотация. В статье рассмотрены возможные пути совершенствования проведения органами внутренних дел оперативно-розыскных мероприятий по контролю переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Обозначена необходимость пересмотра существующей практики проведения некоторых оперативно-розыскных мероприятий, подчеркивая, что в ряде случаев их проведение возможно без использования оперативно-технических сил. Также утверждается, что наименования некоторых оперативно-розыскных мероприятий не соответствуют их современному содержанию, что влечет за собой определенные трудности в правоприменительной практике. В этой связи предлагаются возможные направления в совершенствовании подходов к проведению оперативно-розыскных мероприятий, с учетом актуальных вызовов и возможностей.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия; оперативно-технические силы; тайна переписки телефонных переговоров; почтовых, телеграфных и иных сообщений.

В современном мире коммуникации между людьми могут осуществляться как с помощью электросвязи и почтовой связи¹, так и с использованием доверенных лиц, курьеров или через интернет-сервисы и сервисы мгновенного обмена сообщениями. Однако, несмотря на технические различия, а также законодательное регулирование тех или иных способов общения, формы его выражения остаются неизменными. Отметим, что в контексте оперативно-

¹ О связи: Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ. URL: <http://ivo.garant.ru> (дата обращения 15.08.2024).

розыскной деятельности способ коммуникации является ключевым обстоятельством в выборе оперативно-розыскного мероприятия, которым будет осуществляться сбор информации.

Оперативно-розыскные мероприятия ограничивающие конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений¹, как правило, сводятся к следующим: контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и получение компьютерной информации. Также важно отметить, что указанные мероприятия проводятся исключительно с использованием оперативно-технических сил², что является важным аспектом, так как одним из главных условий допустимости доказательств является правило о соответствии субъекта. Если оперативно-розыскное мероприятие проведено ненадлежащим субъектом, оно считается незаконным, как и полученные в ходе него данные. Доказательства, полученные с нарушением требований закона, не могут быть использованы в уголовном деле [1, с. 188].

Следует обратить внимание на то, что в практической деятельности у оперативных сотрудников органов внутренних дел возникают ситуации, когда оперативно-розыскные мероприятия, например, такие как «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» и «получение компьютерной информации», могут быть проведены без использования оперативно-технических сил. Таким образом, следует рассмотреть вопрос о расширении полномочий оперативных подразделений, позволив им самостоятельно проводить указанные мероприятия без использования оперативно-технических сил. В таком случае, данные, полученные в ходе самостоятельно проведенных оперативно-розыскных мероприятий, будут подлежать легализации в уголовном процессе.

Следует согласиться с точкой зрения С.А. Машкова, который утверждает, что наименования некоторых оперативно-розыскных мероприятий не всегда точно отражают их фактическое содержание. На практике эта ситуация «выправляется» правоприменителями и судебными органами, что является неприемлемым. Такой подход приводит к множеству дискуссий в теоретических исследованиях

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 15.08.2024).

² Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 15.08.2024).

и создает неоднозначность и противоречия в правоприменительной и судебной практике [2, с. 176].

В настоящее время учеными предпринимаются попытки разграничить оперативно-розыскные мероприятия между собой по различным критериям, что можно рассмотреть на примере «получение компьютерной информации» и «снятие информации с технических каналов связи» [3, с. 340]. Однако технический прогресс не стоит на месте и способы обмена информацией между людьми будут продолжать совершенствоваться. Такая тенденция будет приводить всё к большим сложностям в разграничении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих права граждан, предусмотренные ч. 2 ст. 23 Конституции РФ. Решением данной проблемы, на наш взгляд, будет переход от способа получения информации к самому объекту, на который направлено то или иное оперативно-розыскное мероприятие.

Развитие теорий оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий является актуальным направлением в науке оперативно-розыскной деятельности. Специалисты должны не только быть готовыми к развитию этих мероприятий, но и активно способствовать углублению знаний в данной области [4, с. 20]. Совершенствование проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, в условиях цифровой трансформации общества является важным направлением в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. В данном ключе, на наш взгляд, важно рассмотреть вопрос о допустимости самостоятельного проведения оперативными подразделениями некоторых оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых в настоящее время только с использованием оперативно-технических сил. Кроме того, считаем, что содержание оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, должно исходить не от способа получения информации, а от конкретного объекта, на который оно направлено.

Список литературы:

1. Петухова Е. Е. Некоторые аспекты проведения оперативно-технических мероприятий / Е. Е. Петухова // Международная научно-практическая конференция «Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений» : сборник материалов. Воронеж, 23 мая 2019 года. Том Часть 1. – Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 187-189.

2. Машков, С. А. Актуальные наименования технических оперативно-розыскных мероприятий / С. А. Машков // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 2 (8). С. 174-181.
3. Фролкин, Н. П. Характерные особенности оперативно розыскных мероприятий «снятие информации с технических каналов связи» и «получение компьютерной информации» / Н. П. Фролкин, Е. Н. Яковец // Эпомен. 2022. № 68. С. 325-355.
4. Игнащенко Ю. Ю. О перспективах развития теорий оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий / Ю. Ю. Игнащенко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1 (29). С. 20-24.

Эшонов Далер Амруллохужаевич,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарский университет МВД России
E-mail: eshonov.daler@mail.ru

УДК 343

**Уголовно-правовая политика Российской Федерации
в сфере противодействия преступлениям,
посягающим на безопасность государства:
современное состояние и перспективы развития**

Аннотация. В статье определяется современное состояние уголовно-правовой политики России, обосновывается необходимость разработки и принятия Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации и ее значимость в противодействии преступлениям, посягающим на безопасность государства. Определяются перспективы развития уголовно-правовой политики в указанной сфере.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовно-правовая политика; преступления против безопасности государства; стратегия национальной безопасности; концепция уголовно-правовой политики; национальная безопасность; уголовное законодательство.

На современном этапе исторического развития мировое сообщество претерпевает существенные изменения в политической, социальной и экономической сферах. Нынешнее состояние геополитической обстановки, характеризующееся переходом от однополярного мира к многополярному, остается по-прежнему напряженной. Не желание Соединенных штатов Америки и их союзников «коллективного Запада» утратить свою «гегемонию» в мире, установившуюся после распада СССР, создает препятствия развитию многосторонних равноправных международных отношений, всячески оказывая давление на находящиеся в экономической либо иной зависимости от них стран и международных организаций. Одним из инструментов давления является беспорядочное введение односторонних, неправомерных санкций в отношении стран, не разделяющих их политические взгляды. Основная их доля направлена

на Российскую Федерацию, как на ключевое звено, значительно ускорившее процесс изменения мирового порядка.

Наряду с этим, активизирующаяся деятельность специальных служб и организаций иностранных государств создает угрозу внешней и внутренней безопасности России. Учитывая всю серьезность положения, в целях обеспечения безопасности общества и государства уполномоченными органами и должностными лицами страны были приняты ряд мер организационного и правового характера.

Однако способы точечного воздействия в решении указанных задач недостаточно, особенно в условиях протекающих деструктивных процессов, которые оказывают серьезное влияние на криминогенную обстановку внутри страны, порождая новые причины и условия совершения противоправных деяний, среди которых повышенной степень общественной опасности обладают преступления, посягающие на безопасность государства. В то же время обеспечение государственной безопасности требует принятия комплексных мер, характер и направления которых определяется выстраиваемой уголовно-правовой политикой России.

Что из себя представляет уголовно-правовая политика?

На сегодняшний день в научной доктрине нет единого мнения в понимании указанного термина. Одни определяют уголовно-правовую политику как целенаправленную деятельность государства по ограничению преступности средствами уголовно-правового воздействия [5, 27]; как составную часть, подсистему государственной политики в целом и уголовной политики (политики борьбы с преступностью), в частности [3, 22]. Другие, среди прочего дополняют рассматриваемое понятие деятельностью правоохранительных структур по борьбе с преступностью [4, 134], разделяя ее содержание на следующие составляющие:

- собственно уголовную политику;
- уголовно-исполнительную политику;
- уголовно-процессуальную политику;
- криминологическую политику;
- правоохранительную политику [4, 131].

Анализируя вышеприведенные понятия, мы придерживаемся позиции первых, поскольку уголовно-правовая политика, являясь частью уголовной политики, не может в себя включать другие ее векторы. Таким образом, уголовно-правовая политика представляет собой направление уголовной политики государства, характеризующее деятельность ее уполномоченных должностных лиц и органов по совершенствованию нормативной базы в целях защиты объектов

уголовно-правовой охраны, предупреждения совершения преступлений и снижения уровня криминогенной обстановки.

Так, современное состояние уголовно-правовой политики России определяет Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. №400, (далее – Стратегия). В пункте 46 IV раздела Стратегия закрепила цели обеспечения государственной безопасности (защита конституционного строя Российской Федерации, обеспечение ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности...).

Согласно пункту 47 Стратегии достижение этих целей осуществляется посредством решения таких задач как:

- недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации, пресечение разведывательной и иной деятельности специальных служб, организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, наносящей ущерб национальным интересам Российской Федерации, других преступных посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, в том числе путем инспирирования «цветных революций»;
- обеспечение защиты и охраны государственной границы Российской Федерации... и другие.

Наличие приведенных целей и задач в Стратегии, показывает, что вопросы противодействия преступлениям, посягающим на безопасность государства, занимают одно из важнейших мест в проводимой политике государства. Именно они определяют характер и направления уголовно-правовой политики, которые в силу объективных причин не могут быть достаточно развернуто отражены в рассматриваемом документе.

В связи с этим существует необходимость в разработке и принятии соответствующего документа, отражающего конкретные направления по совершенствованию нормативной базы уголовного законодательства. Приоритетной задачей этого документа, в свете современных реалий, должна быть оптимизация норм, регулирующих общественные отношения в сфере посягательств на безопасность государства, поскольку именно от состояния защищенности государства зависит безопасность каждого человека и гражданина в нем проживающего.

В научных кругах уже долгое время ведутся дискуссии о необходимости принятия Концепции уголовно-правовой политики. Так, В. А. Авдеев, отмечая недостаточную научную обоснованность новеллизации уголовного законодательства, подчеркивал необхо-

димость разработки Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации [1, 28]. Аналогичного мнения придерживаются М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, которые утверждают, что концепция уголовно-правовой политики России в текущей ситуации разбалансированного уголовно-правового регулирования является предметом первой необходимости [2].

Разделяя позиции вышеприведенных ученых, следует отметить, что состояние системы норм уголовного закона, регулирующих общественные отношения в сфере противодействия преступлениям, посягающим на безопасность государства, нуждается в тщательной модернизации. Участие Российской Федерации в специальной военной операции, показало неспособность уголовного законодательства на необходимом уровне регулировать посягательства на безопасность государства. Законодателю пришлось в экстремально кратчайшие сроки принимать меры по внесению значительного количества изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, в том числе касающихся вопроса противодействия преступлениям против безопасности государства.

Однако, как показала практика, не имея под собой достаточной научно-теоретической обоснованности, перманентно принятые нормы, в дальнейшем претерпели изменения. Казалось бы, совершенно новые статьи Уголовного кодекса Российской Федерации должны охватить все аспекты современного состояния преступности, но, к сожалению, ожидаемые результаты не всегда совпадают с реальностью.

Таким образом, подводя итог всего вышесказанного, необходимо отметить, что в настоящее время в уголовно-правовой политике России нет сбалансированного (системного) подхода к регулированию общественных отношений в сфере противодействия преступлениям, посягающим на безопасность государства. Четко не определены направления и перспективы развития уголовного законодательства. Принимаемые точечные меры уголовно-правового регулирования не способны в корне решить возникающие проблемы, а иногда создают еще большие трудности в правоприменительной деятельности уполномоченных лиц в силу недостаточной регламентации понятийного аппарата.

Представляется, что в современных реалиях геополитической обстановки, когда вопросы обеспечения государственной безопасности имеют особую актуальность, в разработке и принятии Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации появляется острая необходимость, ее цель – устранить вышеприведенные проблемы, создать теоретико-прикладную концепцию

уголовного законодательства, а также обеспечить наличие нормативной, научно-методической и организационной инфраструктуры уголовно-правовой политики страны.

Список литературы:

1. Авдеев В.А. Национальная уголовно-правовая политика в сфере противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-ugolovno-pravovaya-politika-v-sfere-protivodeystviya-prestupnosti> (дата обращения: 17.07.2024).

2. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. О необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики // Развитие правовых систем. 2022. №3. URL: <https://newtech.legal/cabinet/catalog/ugolovnoe-pravo/2115/3244/?ysclid=lyun5urxpk655071132> (дата обращения: 17.07.2024).

3. Валуйсков Н.В. Понятие новейшей уголовно-правовой политики // Экономика, Статистика и Информатика. 2015. № 5. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/234097606.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).

4. Грудинин Н.С. Содержание и основные направления уголовно-правовой политики Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. №2 (847). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-osnovnye-napravleniya-ugolovno-pravovoy-politiki-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 15.07.2024).

5. Петрович К.М. Понятие уголовно-правовой политики // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ugolovno-pravovoy-politiki> (дата обращения: 15.07.2024)

Научное издание

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Часть 2

В авторской редакции

Подписано в печать 26.09.2024. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 16,8. Тираж 139 экз. Заказ № 37у

Отделение полиграфической и оперативной печати РИО
Академии управления МВД России
125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ISBN 978-5-907721-47-0

9 785907 721470 >